КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

ФЕВРАЛЬ

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Кирилло-Меѳодіевскіе заговорщики.[1])

Николай Ивановичъ Гулакъ.

Въ первыхъ числахъ марта 1847 года въ административныхъ сферахъ Кіева царствовало особое безпокойное оживленіе. Къ подъѣзду дома гражданскаго губернатора Ивана Ивановича Фундуклея, исправлявшаго должность генер.-губернатора за отъѣздомъ въ Петербургъ Д. Г. Бибикова, то и дѣло подъѣзжали попечитель кіевскаго учебнаго округа генералъ-майоръ Траскинъ, его помощникъ М. В. Юзефовичъ, ректоръ университета, жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Бѣлоусовъ и другіе. Разгадка, почему всѣ названныя лица имѣли смущенный, даже виноватый видъ заключалась въ томъ, что по городу былъ пущенъ слухъ объ открытіи въ Кіевѣ заговора, или тайнаго общества, члены котораг были профессора, студенты, учителя гимназіи, писатели, слово весь цвѣтъ кіевской интеллигенціи. По слухамъ, дѣло происход такимъ образомъ. 3-го марта 1847 года къ попечителю я скромно-одѣтый молодой человѣкъ, отрекомендовавшій себ дентомъ Алексѣемъ Петровымъ, и заявилъ попечителю, удалось открыть существованіе тайнаго общества съ в политическими цѣлями, и въ доказательство представи этого общества. Выслушавъ Петрова, попечитель неме

---

[1]) Дѣло о Кирилло-Меѳодіевскомъ Обществѣ, хранящеес тамента Полиціи.

Кирилло-Меѳодіевское Общество. Рукопись А. Я. Р

Объ Украйно-славянскомъ Обществѣ.—Докладъ Николаю I, Русскій Архивъ 1892 г. № 7.

слалъ за своимъ помощникомъ и вмѣстѣ съ нимъ отобралъ у Петрова показаніе, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ. Вернувшись въ ноябрѣ 1846 года изъ отпуска, студентъ Петровъ поселился въ домѣ протоіерея Андреевской церкви Завадскаго. Кромѣ Петрова въ томъ домѣ жили два жильца, одинъ изъ которыхъ былъ чиновникъ канцеляріи генералъ-губернатора Николай Ивановичъ Гулакъ. „Занимаясь довольно поздно вечеромъ—пишетъ въ своемъ показаніи Петровъ,—я часто слышалъ у Гулака собраніе людей и разсужденія о предметахъ, касающихся до государства, проникнутыя совершенно идеею свободы. Оригинальность мнѣній, здѣсь излагаемыхъ, о разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія завлекли меня, вслѣдствіе чего я началъ обращать болѣе и болѣе вниманія на подобныя сходбища и разговоры. Замѣчая таковыя собранія довольно часто и видя, что предметы споровъ были всегда одни и тѣ-же, я съ достовѣрностью могъ заключить, что они въ основаніи своемъ должны были имѣть цѣли опредѣленныя. Въ одинъ вечеръ я услышалъ, какъ лица собравшагося у Гулака общества подавали свои мнѣнія касательно лучшаго республиканскаго устройства для Россіи.

Разговоръ этотъ происходилъ между слѣдующими лицами: помѣщикомъ Саввичемъ, студентомъ Навроцкимъ и профессоромъ Костомаровымъ. Въ этомъ разговорѣ помѣщикъ Саввичъ ревностно доказывалъ необходимость устроить въ Россіи правленіе народное съ представительной формой, въ которомъ каждое славянское племя имѣло-бы особеннаго представителя, засѣдающаго въ общемъ совѣтѣ Славянскихъ племенъ. На мнѣнія Саввича были дѣланы озраженія и допросы профессоромъ Костомаровымъ. Далѣе Сав-
доказывалъ возможность произвести таковой переворотъ
настоящихъ, по его мнѣнію, неблагопріятныхъ поступкахъ
тельства, приводя въ примѣръ постройку кіевской крѣпости,
говорилъ съ однимъ инженернымъ офицеромъ, который
казывалъ необходимость такой постройки, какъ важнаго
ческаго пункта, но что по мнѣнію Саввича это будетъ
мѣсто для собранія лицъ, намѣревающихся произвести
оказывалъ дурныя распоряженія заговорщиковъ 1825
которыхъ они не могли исполнить своихъ намѣ-
ообще правительство желаетъ подавить народный
выражалъ это Саввичъ, желаетъ ввести въ Россіи
vхъ народный необходимо долженъ освободиться
немъ деспотизма. Вскорѣ послѣ сего я
ѣреемъ на обѣдъ, и такъ какъ оба жильца

имѣли столъ у Завадскаго, то я здѣсь и познакомился съ ними. На другой день Гулакъ зашелъ ко мнѣ, и мы довольно долго проговорили о разныхъ предметахъ. Вечеромъ на другой день я рѣшился его посѣтить съ намѣреніемъ разузнать о лицахъ, посѣщающихъ его. Первымъ моимъ вопросомъ былъ: кто этотъ либералъ, такъ часто васъ посѣщающій? „Это помѣщикъ Саввичъ,“— отвѣчалъ мнѣ Гулакъ— и здѣсь-же, отвергая всѣ либеральныя идеи Саввича, началъ доказывать благоденствіе государства подъ монархическимъ правленіемъ. Изъ этого разговора и изъ прежнихъ бывшихъ безъ меня, я легко могъ узнать, что онъ старается только вывѣдать образъ моихъ мыслей. Я началъ доказывать ему противное, говоря, что Саввичъ въ нѣкоторомъ отношеніи правъ, что люди вѣрно находились-бы въ лучшемъ положеніи, если-бы были подъ правленіемъ республиканскимъ, и ко всему этому прибавилъ, что можетъ быть такихъ людей очень много, но что они, находясь въ разрозненномъ состояніи, не имѣютъ твердой точки опоры для обнаруженія своихъ чистыхъ намѣреній. Увлеченіе, съ которымъ я доказывалъ свое мнѣніе, совершенно разрушило всякія сомнѣнія Гулака на мой счетъ, и онъ открылъ мнѣ слѣдующее, что люди, стремящіеся произвести переворотъ въ государствѣ, дѣйствительно существуютъ не въ разрозненномъ состояніи, а, напротивъ того, составляютъ огромное общество, находящееся кромѣ Россіи и у другихъ славянскихъ племенъ, что члены этого общества имѣютъ условный знакъ, служащій символомъ ихъ соединенія. При этомъ онъ досталъ изъ шкатулки голубую коробочку, въ которой лежало золотое кольцо, внутри котораго была надпись славянскими литерами: „Во имя св. Кирилла и Меѳодія“. Будучи совершенно увѣренъ во мнѣ, онъ также мнѣ прочиталъ уставъ общества, который я изъ ревности тотчасъ попросилъ списать; потомъ онъ мнѣ сказалъ, что хотя это общество многочисленно, но онъ не можетъ сообщить мнѣ по правиламъ общества имена его членовъ, какъ новопоступившему, что многіе изъ членовъ общества путешествуютъ по Россіи, именно съ цѣлью распространять таковыя идеи, что главный центръ ихъ общества въ Москвѣ. Общество это всего болѣе стремится распространять идею свободы между дѣтьми, и потому самые лучшіе и ревностнѣйшіе члены стараются занять мѣста учителей. Въ другое время Саввичъ передъ отъѣздомъ своимъ за границу посѣщалъ Гулака и опять, разговаривая о предметахъ государственныхъ, коснулся того, что важными помощниками въ ихъ дѣлѣ могутъ быть также воспитанники военно-учебныхъ

заведеній, если между ними распространить идею свободы — при каковомъ разговорѣ находился студентъ Навроцкій. Всѣ эти свѣдѣнія Петровъ получилъ во время жительства въ одномъ домѣ съ Гулакомъ. Потомъ онъ переѣхалъ и встрѣчался съ членами Кирилло-Меѳодіевскаго общества рѣдко. На праздникахъ Р. Х. Гулакъ прислалъ ему книгу *„Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи“* и просилъ зайти къ нему.—„Пришедъ туда, пишетъ Петровъ, я засталъ студента Навроцкаго, въ присутствіи котораго Гулакъ прочиталъ мнѣ *„Законъ Божій,“* написанный совершенно популярнымъ языкомъ для распространенія между народомъ. Главная идея въ этомъ сочиненіи состояла въ томъ, чтобы доказать народу, что всѣ бѣдствія, на него ниспосылаемыя, происходятъ отъ подчиненія его верховной власти, причемъ опровергается истинный смыслъ евангельскихъ текстовъ: *Воздадите Кесарю Кесарево, а Божіе — Богови*, а также и слова Апостола: *нѣсть власть аще не отъ Бога*—и дается имъ совершенно превратное значеніе. Въ заключеніи находится воззваніе отъ малороссіянъ ко всѣмъ вообще славянамъ, чтобы они одумались и свергли съ себя иго рабства. По окончаніи чтенія Навроцкій спрашивалъ моего мнѣнія и жаловался на недостатокъ матерьяльныхъ средствъ для скорѣйшаго распространенія таковыхъ идей. Далѣе, продолжая разговоръ, онъ прочиталъ мнѣ четыре стихотворенія Шевченко, имѣющія своимъ содержаніемъ вообще мысли явно противозаконныя. Такъ какъ все вышеизложенное происходило наканунѣ отѣзда Гулака въ Петербургъ, то я и не имѣлъ возможности списать у него *„Законъ Божій“*. При этомъ Петровъ представилъ также рукопись о *Гайдамачинѣ*, заявивъ, что ее ему сообщилъ студентъ Навроцкій, находившій ее весьма полезной для распространенія между обитателями Малороссіи и для возбужденія ихъ прежняго воинственнаго свободнаго духа. Кромѣ того при своемъ показаніи Петровъ представилъ попечителю еще уставъ общества св. Кирилла и Меѳодія, представляющій собой важнѣйшій обличительный документъ.

Уставъ Общества св. Кирилла и Меѳодія состоитъ изъ шести параграфовъ:

1) Принимаемъ, что духовное и политическое соединеніе славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться.

2) Принимаемъ, что при соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, а такими племенами признаемъ: Южно-руссовъ, Сѣверно-руссовъ съ Бѣлоруссами, По-

ляковъ, Чеховъ съ Словенцами, Лужичанъ, Сербовъ съ Хорутанами и Болгаръ.

3) Принимаемъ, что каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію.

4) Принимаемъ, что правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должно основываться на святой религіи Господа нашего Іисуса Христа.

5) Принимаемъ, что при таковомъ равенствѣ, образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи.

6) Принимаемъ, что долженъ существовать общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ.

Въ тѣсной связи съ уставомъ Общества находятся *Главныя Правила Общества*, служащія руководствомъ для нравственнаго поведенія его членовъ; онѣ состоятъ изъ одиннадцати параграфовъ:

1) Установляемъ Общество съ цѣлью распространенія вышеизложенныхъ идей, преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія числа членовъ Общества. Общество именуетъ своими покровителями св. просвѣтителей Кирилла и Меѳодія и принимаетъ своимъ знакомъ кольцо, или икону съ именемъ или изображеніемъ сихъ святыхъ.

2) Каждый членъ Общества произноситъ присягу при поступленіи употреблять дарованія, труды, состояніе, общественныя связи для цѣлей Общества, и если какой нибудь членъ претерпѣлъ гоненіе и даже мученія за принятыя обществомъ идеи, то по данной присягѣ — онъ не выдаетъ никого изъ членовъ своихъ братій.

3) Въ случаѣ членъ попадетъ въ руки враговъ и оставитъ въ нуждѣ семейство — общество помогаетъ ему.

4) Каждый принятый членъ Общества можетъ принять новаго члена безъ необходимости сообщать ему имена прочихъ членовъ.

5) Въ члены принимаются славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій.

6) Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7) Такъ какъ въ настоящее время славянскія племена исповѣдуютъ различныя вѣроисповѣдованія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то Общество будетъ стараться объ уничто-

женіи всякой племенной и религіозной вражды между ними и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквахъ.

8) Общество будетъ стараться объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности.

9) Какъ все Общество въ совокупности, такъ и каждый членъ должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія; правило же — цѣль освящаетъ средство — общество признаетъ безбожнымъ.

10) Нѣсколько членовъ Общества, находясь въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ, могутъ имѣть свои собранія и постановлять частныя правила для своихъ дѣйствій, но лишь бы онѣ не противорѣчили главнымъ идеямъ и правиламъ Общества.

11) Никто изъ членовъ не долженъ объявлять о существованіи и составѣ Общества тѣмъ, которые не вступили и не „подаютъ надежды вступить въ него“.

Изъ приведенныхъ двухъ документовъ видно, какими высокими нравственными цѣлями задавались члены К. М. О; они готовы были скорѣе потерять все дѣло, чѣмъ отступить отъ высокихъ нравственныхъ требованій и вступить на путь іезуитизма. Отношеніе правительства къ Обществу и кара, постигшая его членовъ, были-бы иныя, если-бы правительство сумѣло стать на точку зрѣнія Общества. Эта разница всего ярче выразилась при первомъ же допросѣ Костомарова въ III-мъ отдѣленіи. Покойный Николай Ивановичъ не разъ разсказывалъ мнѣ, какими оскорбительными ругательствами и угрозами осыпалъ его Дуббельтъ, когда Николай Ивановичъ, по его мнѣнію, будто-бы не хотѣлъ сознаться, сколько денегъ и людей обѣщали Обществу поляки. Достаточно было-бы Дуббельту взглянуть на одинъ изъ параграфовъ устава, и онъ сразу убѣдился-бы въ томъ, что наши украино-славянскіе рыцари мало интересовались политикой въ собственномъ смыслѣ слова и торжественно признали безбожнымъ іезуитское правило политиковъ: „цѣль оправдываетъ средство“.

Признавая не вполнѣ достаточнымъ для разъясненія дѣла письменное показаніе Петрова, попечитель и его помощникъ сочли нужнымъ предложить Петрову девять вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣтить тутъ-же письменно. Въ этихъ дополнительныхъ отвѣтахъ Петровъ объяснилъ: а) что пріемъ его въ члены Общества сопровождался просьбой сохранить втайнѣ сообщенныя ему намѣренія отъ лицъ, могущихъ повредить ихъ

исполненію, и, напротивъ, ревностно распространять идеи Общества между лицами, могущими доставить ему за то какую либо пользу, присяги же и особыхъ обѣтовъ при этомъ не требовалось; б) что ему неизвѣстно, существовали ли въ числѣ злоумышленниковъ Гулака поляки, но онъ имѣлъ намѣреніе распространять между ними свои идеи и всего болѣе надѣялся получить отъ нихъ денежныя пособія для скорѣйшаго осуществленія своихъ замысловъ; вообще онъ думалъ о полякахъ, какъ о людяхъ, скорѣе всего могущихъ быть ему помощниками; в) о студентахъ Гулакъ говорилъ только то, что они также могутъ споспѣшествовать къ распространенію и укорененію его идей, занимаясь воспитаніемъ юношества; г) что стихотвореній Шевченка онъ, Петровъ, не имѣетъ, но что содержаніе онъ могъ запомнить только двухъ: „Сонъ“ и „Посланіе къ родичамъ“—оба преступнаго содержанія. На вопросъ, почему онъ такъ долго медлилъ доносомъ и не сдѣлалъ его до отъѣзда Гулака въ Петербургъ — отвѣчалъ: „потому что желалъ собрать свѣдѣнія гораздо важнѣйшія отъ оставшихся бывшихъ студентовъ Марковича и Навроцкаго, но, по удаленіи ихъ изъ Кіева, онъ, лишась тѣмъ самымъ средствъ продолжать свои изысканія, тотчасъ же представилъ свое донесеніе попечителю“.

18 Марта былъ произведенъ обыскъ въ Петербургѣ въ квартирѣ Гулака; при обыскѣ у Гулака найдена была тетрадь, озаглавленная *„Законъ Божій“*. Тетрадь эту онъ бросилъ въ отхожее мѣсто, но она оттуда была благополучно извлечена ревностью производившихъ обыскъ. Въ числѣ разныхъ книгъ и бумагъ, найденныхъ при обыскѣ, была захвачена весьма обширная переписка Гулака съ Кулишемъ, Бѣлозерскимъ, студентомъ Аѳанасіемъ Марковичемъ и др. Переписка эта, послужившіи путеводной нитью къ новымъ обыскамъ и арестамъ, интересна еще въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе о высокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ Гулака и его кружка. Таково письмо Гулака къ Марковичу и отвѣтъ послѣдняго. Приводимъ ихъ цѣликомъ:

Кіевъ 5-го февраля 1846 г.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Васильевичъ!“

Въ надеждѣ, что письмо мое застанетъ Васъ въ веселомъ и снисходительномъ расположеніи духа, въ минуту такого душевнаго настроенія, когда мы готовы простить и злѣйшему врагу, пишу Вамъ эти строки. Повинной головы не бьютъ, говоритъ

кажется пословица, я сильно напираю на этотъ авторитетъ. Вы съ такою любовью занимаетесь этимъ предметомъ, что я не хочу имѣть лучшаго заступника. Съ тѣхъ поръ, какъ Вы оставили Кіевъ, многое успѣло перемѣниться. На другой день послѣ Вашего выѣзда, пріѣхалъ Н. И. Костомаровъ, но въ самомъ бѣдственномъ положеніи: нѣсколько дней онъ сильно мучился сильнымъ воспаленіемъ въ горлѣ; не имѣя квартиры и не будучи въ состояніи пріискать себѣ болѣе удобной, Н. И. переселился на время въ домъ Грушецкой, и мы стали сосѣдями въ продолженіи почти цѣлаго мѣсяца. Вы можете себѣ вообразить, какъ я благословлялъ судьбу свою; можетъ быть радость моя въ этомъ случаѣ была слишкомъ эгоистична. Какъ бы то ни было, я опять одинъ, и чувство одиночества овладѣло мной. Праздники прошли для меня незамѣтно, но за то 46-й годъ доставилъ мнѣ уже много прекрасныхъ впечатлѣній. Папенька пріѣхалъ во время контрактовъ и прожилъ у меня цѣлую недѣлю. 12-го января возвратился и Василій Михайловичъ Бѣлозерскій. Много вечеровъ мы провели вмѣстѣ; не стану, да я и не въ состояніи, передать Вамъ все прекрасное, что душа уносила изъ его свѣтлыхъ бесѣдъ. Чѣмъ глубже я проникаю въ тайники этой дивной души, тѣмъ безпредѣльнѣе мое благоговѣніе. У В. М. засталъ я опять Тарновскаго и опять имѣлъ счастье слушать превосходную статью о крестьянствѣ въ Малороссіи: постепенный переходъ изъ вольнаго состоянія въ безусловное рабство, прежнія патріархальныя отношенія помѣщиковъ и подданныхъ и угнетающія картины современнаго изувѣрства—все это изображено съ такой вѣрностью, согрѣто такимъ теплымъ чувствомъ, перемѣшано со взглядами столь свѣтлыми, что и строгій критикъ останется въ восхищеніи отъ этого очерка. Въ разговорахъ Тарновскій не могъ не коснуться нашей литературы; онъ между прочимъ утверждалъ, что наша литература уже перешла періодъ эпическаго развитія если нѣтъ у насъ Гомера, то наши думы и пѣсни историческія—истинно гомерическія рапсодіи; естественное и постепенное развитіе языка требуетъ теперь, чтобы поэзія перешла въ прозу, дума—въ историческій разсказъ. Мы имѣли Гомеридовъ, теперь пусть явится у насъ Геродотъ. Ник. Ив. совершенно согласился съ этими мыслями; онъ даже обѣщался непремѣнно написать исторію на малороссійскомъ нарѣчіи, языкомъ не простонароднымъ, но самымъ изящнымъ и притомъ простымъ, а поэтому и народнымъ; словомъ, это должно быть сочиненіе, которымъ будетъ гордиться не только наша литература,

но которое займетъ почетное мѣсто между лучшими произведеніями человѣческаго ума. Тогда то и откроется широкое поприще для нашей словесности; языкъ выработается до такой степени, что не только отечественная и всемірная исторія, но даже и точныя науки будутъ излагаться на этомъ языкѣ; разумѣется, это послѣдній крайній періодъ развитія; когда онъ настанетъ, мы не знаемъ, но стремясь постоянно къ этой цѣли дружными усиліями, невозможное станетъ возможнымъ. По этой теоріи драма явится у насъ поздно, и вотъ, можетъ быть, почему сдѣланныя доселѣ попытки, чтобы создать малороссійскую драму, не увѣнчались должнымъ успѣхомъ. Не знаю, будете ли Вы согласны вполнѣ съ этимъ воззрѣніемъ: я вамъ передалъ только главную идею сущности. Что касается до меня, то я не могу не признать совершенную справедливость этой теоріи. Прошлая недѣля оставила во мнѣ не менѣе свѣтлое воспоминаніе: совершенно неожиданнымъ образомъ познакомился я съ братомъ Вашимъ Василіемъ Васильевичемъ. Какъ ни было коротко время, проведенное нами вмѣстѣ, но личность брата Вашего отпечатлѣлась на мнѣ рѣдкими чертами. Нельзя не замѣтить разительнаго фамильнаго сходства между Вами и В. В.—то же благородство, прямодушіе характера, та-же откровенность, веселость и наконецъ неподражаемый юморъ; можетъ быть. Вы болѣе идеальны, не такъ богаты опытомъ и знаніемъ людей, но простите меня, если я вдался въ этотъ можетъ быть неумѣстный анализъ Вашихъ характеровъ. Я такъ мало знаю людей, стремленіе къ пріобрѣтенію опытности и познанія человѣческаго сердца такъ сильно во мнѣ, что каждый новый характеръ, который я усвою себѣ, если разгадаю—истинная находка для меня. Разсказы брата Вашего оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Прошу засвидѣтельствовать ему чувство глубокаго уваженія, съ которымъ образъ его неразрывно связанъ въ душѣ моей. Простите, любезнѣйшій Аѳ. Вас., многое и многое не успѣлъ Вамъ передать. Берегите здоровье Ваше и не пріѣзжайте, если не чувствуете себя въ силахъ перенести дорогу. Этого въ правѣ отъ Васъ требовать разные Ваши друзья, да и родина, которая полагаетъ на Васъ столько надеждъ.

Н. Гулакъ.

Письмо Аѳанасія Марковича[1]) *къ Гулаку.*

Переяславъ 15 февраля 1846 г.

Добрѣйшій Николай Ивановичъ! Сейчасъ послѣ Вашего отъѣзда я распечаталъ Ваше письмо — какое очарованіе! Видѣть Васъ лицомъ къ лицу, слышать голосъ Вашъ, а потомъ пока въ глазахъ не померкъ еще Вашъ образъ, а въ сердцѣ продолжаетъ слышаться Вашъ голосъ—читать Ваше длинное чудесное посланіе. Стало очень досадно на себя, отчего въ моихъ письмахъ къ Вамъ содержалось такъ много матеріи и было разлито такъ много словъ! Право, все письмо Ваше до конца отъ начала такъ полно и совершенно овладѣло моей мыслью, что не могу не вѣрить всему въ немъ написанному: столько натуральности въ развитіи чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ вы находились, пиша мнѣ! Я читалъ исторію Вашей души за два мѣсяца. Чѣмъ же мнѣ благодарить Васъ за Ваше довѣріе, за слова и буквы, которыхъ я право не стою и которыми такъ снисходительно Вы удостоили меня? Любовь самая горячая, какую только воображалъ я, да что воображалъ? и не воображалъ никогда ни въ комъ къ нашей любезной, къ нашей плачевной родинѣ—поразила меня до глубины души. Какъ? Любить такъ, какъ Вы любите? Не какъ предметъ Вашей жизни и занятій, безъинтересно, безкорыстно, но вѣрою и надеждою? Да кто, скажите, кто такъ любитъ, или любилъ Малороссію? Я люблю сироту, но Боже мой! сколько въ моей любви примѣшано эгоизма. На этотъ разъ скажу что-нибудь про свою любовь, чтобы низкимъ сравненіемъ еще болѣе возвысить Вашу. Стыдно мнѣ говорить, страшно Вамъ будетъ услышать, но вотъ что я скажу: если бы я почему бы то ни было не имѣлъ возможности самъ быть дѣйствователемъ, оратаемъ родной почвы, я не ручаюсь тогда за свои чувства! Увѣряю Васъ, клянусь своимъ непостоянствомъ, что говорю правду! Когда я записываю, я всегда имѣю въ виду людей, которымъ мои строки доставятъ удовольствіе и восторгъ. Я никогда не забываю, что записываемое принадлежитъ мнѣ по труду и наблюдательности. Когда я говорю о сиротствующей матери нашей и плачу съ кѣмъ-нибудь по ней, всегда помню, что мои слезы, мои разговоры высоки и благородны; помню всегда, что въ счастливыя минуты вдохновеннаго чувства

---

[1]) Извѣстный этнографъ, мужъ знаменитой писательницы, писавшей подъ псевдонимомъ Марко Вовчокъ.

моего, я пріобрѣтаю что-нибудь для своего сердца и ума, для добраго расположенія ко мнѣ людей. Да избавитъ меня Господь Богъ отъ самолюбія, на мнѣ тяготѣющаго! Охъ, гнусное, чудовищное самолюбіе! Вамъ понятно будетъ, что я хочу сказать, на що жалкую, потому что Вы понимаете, чего стоитъ, какой любви родина наша, понимаете, потому что любите ее возвышеннѣйшею въ свѣтѣ любовью; въ разливѣ своего неограниченнаго чувства Вы надѣетесь и ждете отъ насъ больше, чѣмъ мы можемъ сдѣлать для нашей родины. Не хочу называть лицъ другихъ и укажу только на себя, на котораго Вы надѣетесь, якъ на *передни волы*. За всѣ мои грѣхи я еще терпимъ Господомъ, конечно отъ того, что Онъ вѣченъ. Мы только нетерпѣливы, поскорѣй намъ нужно выиграть время, наказывая и награждая. Онъ одинъ неограниченъ временемъ, не принуждается имъ. Онъ одинъ торопится своими опредѣленіями. Если Вамъ нравится эта высокая мысль—поблагодарите за нее свят. Августина. Я говорилъ: Богъ милостивъ еще ко мнѣ во 1) потому, что въ докторѣ моемъ Козловицкомъ я нашелъ необыкновенно простую и сострадательную душу. Они мнѣ съ Богомъ помогутъ—вѣрю, и надѣюсь. А знаете сами, какъ мнѣ здоровье необходимо при моей мнительности и при моей энергіи. Дай Богъ! Помолитесь Вы за меня когда-нибудь: молитвы такихъ чистыхъ и свѣтлыхъ душъ, какъ Ваша, вѣрнѣе достигаетъ Верховной чистоты и Величайшаго свѣта; во 2-хъ въ сестрахъ своихъ я нашелъ великое преимущество надъ всѣми женщинами, коихъ зналъ, встрѣчался и сближался съ ними до сихъ поръ. Въ нихъ граціознѣйшая игра чувствъ строго-благородныхъ со впечатлѣніями легкими, а иногда и обманчивыми. Чтобы Вамъ не вдаться въ ложную вѣру моему увлекательному чувству, судите о нихъ по факту, передъ Вашими глазами совершившемуся: Тони наша не говорила Вамъ ничего. Если думаете что отъ болѣзни, то я скажу, что у нея нога болѣла, а не языкъ: если Вамъ замѣчу, что она *весьма* не глупа, то *Вы мнѣ* повѣрите. Она также очень хорошо и воспитана. Такъ вотъ же истинный подарокъ Вамъ, душѣ Вашей правдивой. Сестрѣ очень много стоитъ усилій заговорить съ незнакомыми людьми; все ей кажется, что она въ такомъ случаѣ лицемѣритъ и лжетъ. Пусть это крайность, но согласитесь, много должно быть чистоты въ томъ человѣкѣ, который, такъ мысля, впалъ немножко въ крайность. Не распространяюсь о сестрахъ больше по пословицѣ: *сдастя возокъ и на другый разокъ*.—Какую же благодать, Вы спрашиваете, нашелъ я въ близости ко столь, допустимъ, превосход-

ныхъ женщинъ? Что я не такъ буду падокъ на другихъ женщинъ, буду разборчивъ въ отношеніи къ слабому полу, вообще сильному очень надъ Вашимъ покорнымъ слугою. *Не дай серцю волю, бо й самъ пидешъ въ неволю* — начерталъ я въ своемъ сборникѣ. И много, много еще есть такого, за что мнѣ должно благодарить Бога! За Васъ также! Не даромъ учитъ наша пословица: *Не купуй хаты, а купы сусида.*

P. S. По сравненію съ исторіей греческой образованности конечно теорія Тарновскаго вѣрна, но Вы мнѣ позволите думать, что Геродотъ лучше зналъ греческій языкъ, нежели Костомаровъ языкъ малороссійскій. Я греческаго не знаю, за то малороссійскій чувствую какъ-то и могу судить нѣсколько о писателяхъ на немъ. Костомаровъ гоняется за простотой, а ловитъ грубость и безвкусіе. Прислушайтесь къ натуральной простотѣ языка въ стихотвореніяхъ Шевченка, и тогда не сердитесь, пожалуйста, читая Костомарова; не столько благородства недостаетъ слогу Костомарова, сколько вкуса: непріятное для слуха стеченіе въ малороссійскомъ языкѣ дѣепричастій служитъ Костомарову и къ облегченію версификаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ тонами для звукоподражаній; ищите теперь музыки и гармоніи, въ особенности ищите ее у Кулиша и тогда удержите негодованіе Ваше на музыку въ слогѣ Костомарова; у того гармонически-мѣрная музыка, какъ находка его, которую я теперь живо вспоминаю; у Костомарова нѣту своей находки, нѣтъ ее и въ его малороссійскомъ слогѣ. Кулишъ сыплетъ слова въ чудныхъ періодахъ, и тоны его языка невольно напоминаютъ мнѣ звонкій стукъ каменьевъ въ быстромъ ручьѣ. Кулишу писать исторію, какъ вы себѣ хотите. И если на Костомарова можете дѣйствовать сколько-нибудь не ободряйте его въ этой мысли, а пишите объ ней Кулишу, за котораго я ручаюсь, что голосъ Вашъ имъ будетъ услышанъ. Я прежде думалъ дѣло это отнести на руки Бѣлозерскаго, но мы еще ничего не знаемъ о его дарованіяхъ къ исторіи, хотя цѣломудренная и прекрасная простота языка у него сохранилась бы такъ-же какъ и у Кулиша. Жаль только, что нашъ ангелоподобный Вася задумалъ себѣ много въ одно и то же время плановъ. Меньше всего *я* могу упрекать его въ этомъ, но кто столько желаетъ ему успѣховъ, плодовъ созрѣлыхъ и дѣлъ, какъ не я, наученный имъ же стремиться къ цѣлямъ высокимъ, мимо всего задерживающаго трудные пути нашего развитія. Кто научилъ меня жить тихо, честно, вести себя благоразумно, держать хорошо? В. М. Бѣлозерскій. Вотъ мнѣ и можно говорить про него все, что придетъ въ голову —

никто не подумаетъ, что я возстаю изъ недоброжелательства. Нужно быть чортъ знаетъ какъ неблагодарнымъ, чтобы ему зло желать! О В. М. Бѣлозерскомъ Вы пишете такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ, т. е. болѣе даже чѣмъ съ почтеніемъ и любовью — съ идолопоклонствомъ! Дѣйствительно, это сердце удивительное! Ангельскій міръ въ душѣ, усладительный разговоръ — пылкій, любовный, умный; образъ жизни чистый и правильный въ высокой степени; поэтическое увлеченіе съ дѣятельностью строго практической, расторопной и непрерывной, и надъ этимъ всѣмъ пламенную любовь ко Христу! Сколько въ немъ соединилось всего добраго: безъ благодати Христовой черезъ св. Духа не сохранилась бы такъ прекрасно эта личность. Онъ для нашего кружка то, что хлоръ въ спертомъ воздухѣ, въ которомъ однако люди живутъ, ибо въ немъ всегда хоть малой долей пребываетъ кислородъ. Вотъ что для насъ Вася! Слава Богу, избравшему его для насъ путеводной звѣздой къ Виѳлеему! Мнѣ хотѣлось написать Вамъ что нибудь о моихъ пословицахъ, да усталъ уже и боюсь утомить Васъ продолженіемъ письма".

Приведенныя письма бросаютъ яркій свѣтъ на кіевскую молодежь сороковыхъ годовъ. Никогда она не была такъ идеальна и такъ высоко настроена. По словамъ Кулиша въ его *Воспоминаніяхъ*—„молодежь эта была глубоко просвѣщена св. Писаніемъ и воспитана въ духѣ высокой чистоты духовно-нравственной. Апостольство любви къ ближнему доходило у нея до энтузіазма. И потому, когда она услыхала пѣсни Шевченка, она воспріяла ихъ, какъ голосъ воскресающей трубы архангела. Среди этой молодежи родилась мысль проповѣдывать среди помѣщиковъ освобожденіе крестьянъ посредствомъ христіанскаго и національнаго просвѣщенія. Они желали и надѣялись посредствомъ науки и поэзіи вдохновить лучшихъ людей изъ среды помѣщиковъ. Во главѣ ихъ, кромѣ Шевченка и самого Кулиша, стояли В. В. Тарновскій, Аѳ. Марковичъ, Пильчиковъ, В. М. Бѣлозерскій и другіе, а въ 1845-мъ году въ кіевскій литературный кружокъ вошло еще два новыхъ члена — Н. И. Гулакъ и Н. И. Костомаровъ.

Н. И. Гулакъ, родившійся въ 1822 году былъ родомъ изъ дворянъ Золотоношскаго уѣзда. Подобно многимъ изъ своихъ сверстниковъ, онъ окончилъ свое образованіе въ тогдашнемъ модномъ Дерптскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ 1844 году кандидатомъ правовѣдѣнія, онъ поступилъ на службу въ канцелярію Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора. Въ февралѣ 1847 года онъ перешелъ на службу въ Пе-

тербургъ въ канцелярію совѣта Петербургскаго университета. При дѣлѣ Гулака сохранилось собственноручно имъ написанное кандидатское разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „*Юридическій бытъ Поморскихъ славянъ*“. Оно состоитъ изъ шести главъ: 1) *Отношенія между мужемъ и женой;* 2) *Власть родительская и родовая;* 3) *Обязательства*; 4) *Права на имущество;* 5) *Уголовное право* и 6) самая обширная—*Государственное право*. Сочиненіе это, написанное болѣе 60 лѣтъ тому назадъ по первоисточникамъ, до сихъ поръ не утратило своего значенія.

Во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Кіевѣ Гулакъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ и Бѣлозерскимъ основали тайное общество подъ названіемъ Кирилло-Меѳодіевское, бывшее причиной всѣхъ обрушившихся на него несчастій.

Въ мартѣ и апрѣлѣ были арестованы находившіеся въ Кіевѣ заговорщики, а 18-го апрѣля произведенъ былъ первый допросъ Гулака. На допросахъ Гулакъ держался съ большой стойкостью и характеромъ.—Онъ не выдалъ никого. Въ то время, какъ его товарищи выдавали одинъ другого и, запутывая другихъ, нерѣдко сами попадали въ разставленныя имъ сѣти, Гулакъ, боясь запутаться, безусловно отрицалъ все. Такъ, на первыхъ двухъ допросахъ онъ отрицалъ, какъ свою принадлежность къ Славянскому Обществу, такъ и самое существованіе его.

Изъ боязни запутать Костомарова и Бѣлозерскаго онъ между прочимъ приписалъ себѣ авторство книги „*Законъ Божій*“, тогда какъ извѣстно, что эта книга была написана тотчасъ послѣ польскаго возстанія, во всякомъ случаѣ не позже 1833 года, когда Гулакъ былъ еще ребенкомъ. За упорство его посадили въ Алексѣевскій Равелинъ, но и это мало помогло дѣлу: Гулакъ продолжалъ оставаться непоколебимымъ. На всѣ настоянія и угрозы онъ отвѣчалъ одно: я далъ клятву и не нарушу ее, что бы со мной ни было. Только тогда, когда самъ комендантъ Петропавловской крѣпости маститый Скобелевъ, заинтересованный смѣлою личностью Гулака, послалъ ему вопросные пункты, онъ отвѣтилъ на нихъ слѣдующее: 1) Показанія на меня Бѣлозерскаго и Костомарова совершенно справедливы, т. е. въ исходѣ 1845 года и началѣ 1846-го мы точно условились общими силами содѣйствовать скорѣйшему соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ подъ русской державой и къ распространенію среди нихъ православія. Мы уговорились при этомъ носить кольца съ именемъ св. Кирилла и Меѳодія, въ честь этихъ святыхъ просвѣтителей

славянъ и въ воспоминаніе нашего намѣренія. О дальнѣйшей дѣятельности Бѣлозерскаго и Костомарова я ничего не знаю.

2) Въ исходѣ 1846 года я сочинилъ и написалъ найденныя у меня бумаги: а) *Уставъ Общества св. Кирилла и Меѳодія* и в) бумагу, именуемую въ допросахъ „*Законъ Божій*".

3) На показанія Андрусскаго и Посаденко честь имѣю объявить, что я никогда не старался сдѣлать ихъ соучастниками вышеизъясненнаго нашего намѣренія и что я никогда не имѣлъ съ ними—сколько помню—разговоровъ о политическихъ предметахъ.

4) На показанія Петрова имѣю честь повторить то, что я уже сказалъ на допросѣ въ его присутствіи, и присовокупляю, что я во всѣхъ своихъ разговорахъ съ г. Петровымъ никогда не упоминалъ о Царской фамиліи. Къ симъ отвѣтнымъ пунктамъ руку приложилъ Николай Гулакъ. С-Петербургъ. 1847 г. мая 17-го дня.

Немного раньше Скобелева, начальникъ третьяго отдѣленія, зная религіозный образъ мыслей Гулака, откомандировалъ къ нему протоіерея Малова для достодолжнаго увѣщанія. При дѣлѣ Гулака находится любопытный разсказъ Малова о разговорѣ его съ Гулакомъ. 1847 года марта 27-го дня, при посѣщеніи мною кол. секр. Гулака открылось слѣдующее:

1) Видъ его былъ печаленъ, но не дикъ, взоры томны, но кротки и смиренны.

2) Когда я началъ говорить ему, чтобъ онъ открылъ правительству полную и чистую истину всего того, о чемъ его спрашивали, онъ съ тихостью отвѣчалъ мнѣ: „нѣтъ, отецъ мой, сего сдѣлать я не могу!"

3) Когда я началъ спрашивать о причинѣ таковой невозможности, онъ отвѣчалъ мнѣ:„ на сохраненіе сей тайны я далъ клятвенное слово, котораго никогда и низачто не нарушу".

4) Когда я началъ доказывать ему всѣмъ, что есть святого и досточтимаго, что всякое частное клятвенное слово, а особливо, если оное дано въ какомъ либо преступномъ начинаніи, есть сильный грѣхъ и нарушеніе священнѣйшей клятвы, которая изрекается нами въ вѣрноподданической присягѣ, онъ заплакалъ, заплакалъ горько и отвѣтилъ мнѣ: „все это справедливо, но я не могу!"

5) Когда же я спрашивалъ у него, что же это за тайна и въ какомъ дѣлѣ правительство хочетъ дознать отъ него истину? Онъ отвѣчалъ: „правительство это уже знаетъ; впрочемъ, это

нѣкоторыя несбыточныя мечты, которыми увлекается иногда молодость, мечты сіи сами собой разрушились бы, но вѣроятно кто нибудь насъ подслушалъ и дѣло сіе получило гласность".

6) Я сказалъ ему: Вы произнесли слово *насъ* подслушалъ, слѣдовательно были нѣкоторые и другіе участники: „были, но по силѣ нашей взаимной клятвы, я ихъ не наименую никогда. Знаю, что я сильно оскорбляю Господа Бога, жестоко огорчаю моихъ родителей, но мое честное слово я сохраню. Какая бы участь меня ни постигла, я вполнѣ предаюсь Промыслу Божію".

7) Въ заключеніе всей бесѣды, которая сопровождалась непрестаннымъ плачемъ, онъ сказалъ мнѣ: „Отецъ, я прошу объ одной милости—удостойте меня св. Причащенія". На сіе я сказалъ ему: если вы сознаетесь все совершенно въ томъ, чего отъ васъ требуетъ правительство, ваше желаніе я исполню съ радостью, но ежели продолжите ваше упорство, сего сдѣлать я не могу. При сихъ словахъ моихъ, онъ зарыдалъ еще больше и сказалъ мнѣ: „если не для Причащенія, то хотя изъ христіанской жалости навѣщайте меня".

8) Вообще въ его разговорахъ я не замѣтилъ ничего сильно злостнаго, или враждебнаго, всѣ они сопровождались мягкостью и сокрушеніемъ.

Протоіерей Алексѣй Маловъ".

Бесѣда протоіерея Малова съ Гулакомъ, столь важная для характеристики нравственной личности послѣдняго, интересна еще въ другомъ отношеніи. Она живо рисуетъ жалкое и безправное положеніе русскаго духовенства въ эпоху Николая Перваго. Отряженный Дуббельтомъ для обращенія Гулака на путь откровеннаго сознанія протоіерей Маловъ ведетъ себя не какъ пастырь церкви, не какъ христіанскій миссіонеръ, проповѣдующій религію состраданія и любви, а какъ агентъ правительственнаго учрежденія: сначала онъ пробуетъ поймать Гулака въ противорѣчіяхъ, и когда это не удается и Гулакъ остается попрежнему непоколебимымъ въ своемъ безмолвіи, протоіерей угрожаетъ ему лишеніемъ св. Причастія. Гулакъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, и легко можно себѣ представить, въ какую бездну душевныхъ страданій повергъ его отказъ Малова. Но тѣмъ не менѣе онъ не смутился духомъ и смѣло отвѣтилъ, что онъ не нарушитъ данной клятвы, а во всемъ остальномъ предаетъ себя Промыслу Божію. Смѣлое и гордое запирательство Гулака выводило изъ терпѣнія его судей, тѣмъ болѣе, что самый мотивъ его былъ мало понятенъ

психологамъ III-го отдѣленія. Конечно, его удивило не запирательство Гулака, съ которымъ они привыкли встрѣчаться каждый день, но то обстоятельство, что Гулакъ продолжалъ молчать и тогда, когда его товарищи во всемъ откровенно сознались, молчалъ, потому что далъ честное слово молчать. Такое молчаніе было выше пониманія Орлова и Дуббельта, которымъ казалось, что подобный молчальникъ долженъ таить въ своей душѣ адскія ковы и потому заслуживаетъ болѣе суроваго наказанія, чѣмъ остальные заговорщики. Донося государю о Кирилло-Меѳодіевскомъ тайномъ обществѣ, графъ Орловъ называетъ Гулака главнымъ руководителемъ общества, человѣкомъ способнымъ на всякое вредное для правительства предпріятіе. Въ виду всего этого, онъ присудилъ Гулака за упорное запирательство къ трехлѣтнему заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости, а по истеченіи этого срока къ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губерній подъ строжайшій надзоръ. Приговоръ этотъ удостоился высочайшаго одобренія, причемъ Государю угодно было прибавить сбоку карандашомъ: „Буде исправится въ образѣ мысли". Итакъ 30-го мая 1847 года двери Шлиссельбургской крѣпости на цѣлыхъ 3 года закрылись за Гулакомъ, который, удаляясь въ отведенный для него казематъ, просилъ коменданта пріобрѣсти для него греческій подлинникъ трагедій Эврипида, говоря, что онъ намѣревается перевести ихъ во время своего заключенія на русскій языкъ. Просьба эта была уважена. Какая судьба постигла этотъ переводъ—неизвѣстно. При дѣлѣ о Гулакѣ его нѣтъ; весьма вѣроятно, что во время многолѣтнихъ странствованій Гулака по Россіи, онъ легко могъ затеряться. Ровно черезъ три года, 30 го Мая 1850 года, по полученіи свѣдѣній отъ коменданта Шлиссельбургской крѣпости о томъ, что во все время своего трехлѣтняго заключенія Гулакъ велъ себя скромно и въ образѣ его мысли ничего предосудительнаго замѣчено не было, была исполнена по отношенію къ нему вторая половина приговора: онъ былъ сосланъ въ Пермь подъ строжайшій надзоръ полиціи. Въ Перми Гулакъ жилъ сначала безъ всякаго дѣла; потомъ ему было разрѣшено поступить на государственную службу, и онъ поступилъ въ Губернскій Статистическій Комитетъ, гдѣ своей дѣятельностью заслужилъ лестный отзывъ мѣстнаго губернатора, который просилъ графа Орлова съ 1 го февраля 1855 года освободить его отъ полицейскаго надзора. Съ 1859 года Гулакъ переходитъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и послѣдовательно назначается учителемъ русской словесности и географіи во 2-ую

одесскую гимназію, и учителемъ математики въ Ришельевскій лицей, затѣмъ переходитъ въ Керчь и преподаетъ въ Керченскомъ дѣвичьемъ институтѣ исторію и естественныя науки. 21-го мая 1863 года переводится учителемъ математики и латинскаго языка въ 1-ую Тифлисскую гимназію, — должность эту онъ занималъ до самой отставки. Уже простое перечисленіе предметовъ, которые преподавалъ Гулакъ, доказываютъ, какъ широка была сфера его научнаго созерцанія. Если прибавить къ этому основательное знаніе языковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, а также и восточныхъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что онъ былъ самый образованный человѣкъ изъ всѣхъ Кирилло-Меѳодіевцевъ, не исключая самого Костомарова. Этотъ энциклопедизмъ отражается и въ его ученыхъ трудахъ, которые поражаютъ своимъ разнообразіемъ. Составитель некролога Гулака приписываетъ ему слѣдующія работы:

1). *О четвертомъ измѣреніи.*

2). *О рѣшеніи трансцендентныхъ уравненій* (на французскомъ языкѣ).

3). *О грузинской поэмѣ „Барсова Кожа“.*

4). *О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами и его поэмѣ „Походъ Русовъ противъ Бержа“.*

5). *О мѣстѣ занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ.*

Во время его трехъ-лѣтняго заключенія и многолѣтнихъ странствованій по Россіи, Гулакъ растерялъ почти всѣхъ своихъ товарищей по Кирилло-Меѳодіевскому обществу; мы даже не знаемъ, удалось ли ему когда-нибудь повидаться со своимъ возлюбленнымъ Афанасіемъ Марковичемъ. На археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ 1881 г. Гулакъ встрѣтился со своимъ старымъ сподвижникомъ и другомъ Н. И. Костомаровымъ. Многое могли-бы они разсказать другъ другу, но этого не случилось. Очевидецъ разсказываетъ, что первоначально Костомаровъ хотѣлъ броситься Гулаку на шею, но послѣдній сурово посмотрѣлъ на Н. И. черезъ свои очки, молча пожалъ ему руку и отошелъ въ сторону. Вскорѣ послѣ Археологическаго съѣзда Гулакъ вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ Елизаветполь и поселился въ домѣ своей пріемной дочери, гдѣ и умеръ 26 мая 1899 г.

Москва, 20 декабря 1905.

Н. Стороженко.

Весняна повидь.[1)]

Повисть.

ЧАСТЫНА ДРУГА.

I.

Шырокый, обсаженый товстымы дупластымы вербамы шляхъ, що тягся видъ Кыива до Москвы черезъ поля й лугы, горы й болота, лисы й узлисся, на хвылыну ховався въ невелыкому гайку, выхоплювався зъ його и йшовъ дали й дали, полямы й лугамы, въ далечинь на пивничъ.

Неуважный подорожній ледви чы й помитывъ-бы, що то не звычайный пустопорожній гайокъ, а що въ йому ховается невелычкый хуторець.

Трохы осторонь видъ шляху, за молодымы соснамы й березамы, пидъ захыстомъ старишыхъ березъ, стоявъ невелыкый сиренькый домокъ.

Винъ осивъ и похылывся, немовъ зажурывся, якъ стара пидтоптана людына. Биля його, тежъ мижъ деревамы, стоялы стареньки стайня, коморы, повиткы й де-яки хливци. Все ховалось мижъ деревамы, и колы-бъ хто чужый поглянувъ на цей хуторець, то йому-бъ здалось, що оце подвирря забуте людьмы й заростае лисомъ, якъ заростае бурьяномъ та травою яка забута непотрибна ричъ.

Усе здіймалось надъ нымъ вгору й тяглось до неба, тильки будивли дывылысь въ землю, та ще довгый и трохы зигнутый, мовъ велыке вудылыще, журавель биля колодязя згынавъ свою

[1)] См. Кіевск. Стар., № 1

суху шыю внызъ и иноди нахылявся, щобъ дистаты цеберъ воды тымъ, хто жывъ у цьому хуторци.

То було ридне гниздо Трублаевычивъ.

Людей у йому було дуже мало. Колы оце зимою стари березы гудилы й скрыпилы вночи одъ витру й торкалысь, мовъ кощавымы пальцямы, своимы обмерзлымы звыслымы витамы до стрихы домка, те торкання чулы тильки стара пани й іи дочка. И имъ здавалось у таки ночи, що то прыйшлы якись невидоми й зли велетни й добираются до ихъ.

Тоди у всихъ трьохъ панськыхъ горныцяхъ горило всю ничъ свитло: палалы передъ старымы почорнилымы образамы велыки лампадкы зъ рожевого, червоного й сынього скла. Гнотыкы въ лампадкахъ стыха потрискувалы, и огныкы пидстрыбувалы, и видъ того по стинахъ бигалы рожеви, червони й сыни смугы видъ винцивъ лампадокъ.

Звычайно кожну ничъ горила тильки одна червона лампадка въ бильшій кимнати — зали, уси-жъ тры запалювалысь въ отаки неспокійни ночи.

И тоди й стара пани, й іи дочка ридко колы спалы й бралы до себе въ горныци зъ пекарни свою служныцю, вдову Петровну. Въ пекарни зоставався тильки наймытъ Терешко. Але зъ Петровны було мало пуття: вона заразъ засыпала и гучно на всяки голосы хропла. Та уже й те хропиння нагадувало, що въ хати есть людына, и не було такъ моторошно, якъ самимъ.

Въ таки ночи й старый Кудлай бувавъ неспокійный и бигавъ кругомъ хаты, и гавкавъ; а не то—сидавъ проты витру на прычилку и довго й тяжко вывъ.

Винъ вывъ, а маты зъ дочкою слухалы те выття и млилы зо страху й передчуття чогось невидомого й страшного.

— Шуро, — казала маты дочци, — збуды Петровну!..

Та торсала іи за плечи, або за голову.

— Га?.. Що?.. — прокыдалась Петровна, сидала на своій постели на рядныни биля грубы и довго й гучно чухалась.

— Чого то Кудлай такъ выe? — пыталась пани.

— Га?..

— Чого, кажу, Кудлай такъ выe?..

— А хто його знае! — одмовляла Петровна, на хвылыну покынувшы чухатысь и немовъ прыслухаючысь до Кудлаевого голосу.

— Чуешъ?

— Та чую. Це мабудь вовкы ходять биля Кордубовкы.

— А у насъ все позапирано?

— Позапирано.

Петровна сыдила яку годыну, опершысь спыною объ грубу, й куняла, а потимъ важко зитхаючы, зновъ лягала на свое лижко й раптомъ засыпала.

А Кудлай вывъ и вывъ,..

— Га-ву-у-у!.. Гавъ-гавъ-ву-у-у-а-а!.. — выводывъ винъ, починаючы зъ горы, й зводячы нанызъ и напрыкинци позихаючы, мовъ сылкуючысь забутысь журбы, досады, а найголовне—бездилля.

— А, бодай ты здохъ! — крызь сонъ бубонила Петровна, перевертаючысь на другый бикъ.

Сумно и моторошно було жыты на хутори завжды, а колы почалась вiйна й посталы скризь розрухы, колы спалылы поблызу сахарню, и дымъ пожежи по долыни ричкы дiйшовъ и до гайка Трублаевычивъ, засивъ у ньому, заволикъ небо, потемнывъ сонце и мовъ уже й не покыдавъ хутора, то стало ще сумнище, ще моторошнише. Той дымъ гнитывъ душу старои пани й панны: палять сахарни, будуть палыть и панивъ. Прыйде вночи зъ Кордубовкы Хома Гайдунъ, або отой мужыкъ, що прывозывъ вугилля, визьме жмутъ соломы, заткне пидъ стриху якого-небудь хливця та й пидпале. Що ты будешъ тоди робыть?..

А Гайдунъ такый.

„И на що я тоди усылювалась, щобъ винъ мени перевизъ ту копу, що була найблыжче до Кордубовкы?“ — думала теперъ по ночахъ пани: — „Знаю, що туды позносывъ кращи снопы, знаю, що й снопы понавьязувавъ велыки... та нехай-бы вже бувъ забиравъ соби!.. У його симья велыка, а я-бъ не забиднила. Такъ отъ пиды-жъ ты, — якъ на грихъ!.. „Ну попомьятаешъ мене!“ — сказавъ, та ще й налаявъ гыдко, якъ тильки може роздратованый мужыкъ.“

И пани боится, що той самый Гайдунъ спале iи хутиръ. Пидiйде до хливця, де коровы, тай запале. И колы Кудлай вые въ другому кинци осели, вона часто думкою прохае його: „побижы до коровныка й по-за коровныкомъ и подывысь, чы тамъ немае Гайдуна. А ще краще було-бъ, колы-бъ увесь гайокъ обглядивъ: може винъ де заховався тамъ мижъ деревомъ.“

Це одни думкы, а други про Андрыка.

Тильки-тильки выйшовъ хлопець на офицеры, якъ тутъ почалась ота проклята война... Бильше пивроку що-дня ждала маты, що отъ-отъ надiйде лыстъ видъ Андрыка, що забырають його на войну. Уже килька разивъ пысавъ винъ, що тягъ жеребъ,

та все выпадало счаслыво, а въ осены й повидомывъ, уже зъ Москвы, що пойихавъ на войну своею охотою,—„бо такъ краще буде“.

Спочатку, якъ громомъ ударыла матиръ ця звистка: своею охотою пишовъ на войну іи хлопець, іи Андрыкъ, такый молодый, такый палкый на гнивъ и на ласку! Винъ буде убывать и його убьютъ... За вищо, на що?...

И вона довго думала, цили дни й ночи, объ тимъ, що прымусыло його зробыты такъ, и слова: „такъ краще буде“ — свердломъ вертилы ій мозокъ и мовъ коженъ поворотъ того свердла болемъ одгукався въ іи серци.

„Такъ краще буде“.

Кому?

Йому, Андрыкови.

Чымъ саме краще буде?

Нэ це одповиди не було...

Що-жъ кынуло його зъ тыхого Брестъ-Литовська отуды на Шахе, въ якесь тамъ Сяо-кишин-пу?

Бажання славы? Такъ ще зъ початку войны було выдно, що у насъ не буде „славныхъ“, та й якои славы може залучыть соби пидпоручыкъ-пихотынець, це гарматне мнясо!.. Може винъ соби прыдбаты калицтво, хворобу на ввесь викъ, або смерть... Може доскочыты якогось хрестыка, чы ордена. Але на вищо воны йому.

Ни, не за тымъ пишовъ Андрыкъ на берегы Шахе.

Може винъ пишовъ на войну зъ сорому, шобъ не йисты даромъ казьонный хлибъ?..

Такъ хиба мало дармойидивъ сыдыть по всякыхъ посадахъ, по всякыхъ закапелкахъ службовыхъ? Спершу треба гнаты до роботы генераливъ та адмираливъ, полковныкивъ та капытанивъ, а пидпоручыкы не багато дарового хлиба зйидять.

Ни, щось друге, щось инше погнало Андрыка на войну.

И серце матери, жиноче серце говорыло, що то мусыть буты кохання, несчаслыве, незадоволене кохання...

Це такъ.

Недаромъ винъ порывався зъ Бреста въ Кыивъ, недаромъ винъ пысавъ радисни лысты зъ Кыива, колы йому довелось на тры дни попасты туды.

Кохання!..

Несчасне кохання!

И маты проклынала ту невидому кыянку, що заступыла собою свитъ Андрыкови. Але рятунку зъ того не було ніякого. Андрыкъ уже бувъ на Шахе: двадцять одынъ день стоявъ на попереднихъ позиціяхъ, у окопахъ, и двадцять одынъ день въ резерви.

Вона прохала, щобъ винъ пысавъ ій все, все, що доведется йому зазнаты, и винъ слухався, й пысавъ. И ти лысты його иноди булы схожи на предсмертну сповидь.

Маты розумила и... плакала, гирко плакала надъ тымы пысаннымы оливцемъ лыстамы, що-дня перечытуючы ихъ вси, видъ першого до останнього. Вона черезъ ти лысты пережывала зъ сыномъ вси його вражиння, душею була зъ нымъ на позиціяхъ, чула свистиння куль и пострилы гарматъ.

Найбильше дорогый ій бувъ лыстъ видъ третього лютого, зъ Лин-чин-пу, въ якому сынъ росповидавъ про походъ на попередни позиціи. Ось частына його.

„Недавно я пысавъ вамъ и заразъ зновъ пышу, бо сыжу въ окопахъ, робыть ничого, спать неможна. Якъ пышешъ, то скорише мынае часъ и не такъ сумно.

Першого лютого мы вдруге прыйшлы сюды, на попередню позицію, зновъ на 21 суткы. Не скажу, щобъ я йшовъ сюды безъ заохоты. Навпакы. На биваку я одпочывъ и вже почынавъ сумувать безъ дила. Тутъ же зновъ нервове, небезпечне жыття, блызькисть ворога и почуття и въ соби самому ворога отыхъ людей, що сыдять впереди за своими окопамы. Якъ це не есть ненормальне, але це захоплюе всього, прымушуе буты на сторожи, бо й мы й воны зійшлысь сюды для того, щобъ ударыты зъ усіеи сылы и выйты зъ бою переможцямы, або лягты трупомъ.

Одступать не будемо, вже досыть одступалы. Прынаймни, я не покажу ворогови спыны. Ци окопы будуть моею могылою, и я вже встыгъ полюбыты ихъ.

Я мабудь николы не забуду мого першого прыходу сюды, на цю позицію. Це було, якъ я вже пысавъ вамъ, двадцятого декабря. Въ цей день нашъ полкъ повыненъ бувъ иты въ окопы, щобъ зминыть другый, нашои жъ брыгады. Выступаты було прыказано въ 8 годынъ увечери зъ бывака, за чотыри верствы, на позицію. Въ симъ годынъ мы повечерялы, погасылы огни, одяглысь и выстроилысь въ походъ. Въ висимъ рушылы. Полкъ вытягся трохы чы не на верству. Було темно й холодно. Спочатку люде перемовлялысь, пересмихалысь, курячы цыгаркы та трубкы, та крехтячы пидъ двохпудовымъ знаряддямъ.

Тыхо... Выстреливъ ще не чуть. Чутно тильки тупання чобитъ по мерзлій земли, та брязкання казанкивъ. Розмова потроху затыхае, погасають огныкы видъ папиросъ та трубокъ, — чуется блызькисть позиціи. Пройшлы верстзы дви зъ половыною и прыпынылысь. Це голова колоны пидійшла до „ходу сообщенія". „Ходъ сообщенія" — це ривъ, що скрытно веде до позиціи...

Здалека сталы долитать глухи згукы выстреливъ. Выглянувъ мисяць, стало выдно, але туманно. Зморени салдаты попрысидалы на землю одпочыты. Тыхо. Тильки иноди чуты здержане кахыкання застуженыхъ. Нарешти зновъ рушылы, и мы по одному сталы входыты въ ривъ. Ривъ дуже вузькый, и навантаженому салдатови доводыться иты бокомъ.

Стало чуты выстрелы блыжче й блыжче... То луною оддавалысь перекаты выдержанныхъ залпивъ. Туманъ розвіявся...

Але ось прозычало щось зовсимъ поблызу, свыснуло друге щось ще блыжче. Хтось застогнавъ... То ворожа куля найшла свою жертву. Раненого вытяглы зъ рову, поклалы на носылкы, й санитары понеслы його назадъ. Рушылы дали. Выстрелы чутнище, кули верещать все частише й частише. Салдаты нахыляются въ рови, ховають головы. Тыхо, и тупотиння не чуть, тильки дзвенять казанкы, бьючысь объ стины рову, а кули свыстять все частище, все ризноманитнише, кожна на свій ладъ. Инша—зовсимъ якъ дытына, плаче, друга прогуде, мовъ чмиль, третя просвыстыть ризко й коротко, а ще якась прымусыть, несподивано зъ трискомъ ударывшысь въ насыпъ, здригнутысь усимъ тиломъ.

Салдаты попрысидалы въ рову. Билышисть зъ ихъ налякана. Моторошно...

Нарешти выстрелы чуты зовсимъ блызько. Воны доносятся и спереди, и зъ бокивъ. Це мы прыйшлы до позиціи. Ввиходымо по одному въ окопъ. Винъ глыбшый и шырший.

Мисяшно, морозно. Биля попередньои стинкы окопа стоять, прытыснувшысь, якись тини у фантастычній одежи. Вгори надъ нымы якись свитляни плямы, въ тыхъ плямахъ выблыскують довги палыци. Колы це разомъ: т-трахъ!.. — надъ самымъ ухомъ, ливоручъ, праворучъ... И гулка луна покотылась по-за окопамы гуркочучымы перекатамы...

Оце и есть позиція. Фантастычни тини — салдаты, позакутани видъ холоду въ ковдры; ясни плямы—бойныци; блыскучи палыци въ ихъ—рушныци, а гримъ—то залпъ и луна поза окопамы по ричци Шахе, де мы теперъ стоимо, и де, якъ колысь

наши предкы на Каяли, пьемо и упываемось червонымъ выномъ. Тутъ у мырный часъ ридко якый день мынае безъ забытого.

Ось вона попередня позиція — оселя смерти! Тутъ усе въ ій влади!... Тини — то ій слугы, знаряддя въ виконцяхъ — то ій зброя, а гримъ — ій приговоръ людямъ иншого колира кожи другои націи! Тутъ все ій власныстъ! Тутъ вона царствуе, и пахне тутъ тильки нею!“ . . . . . .

. . . . . “

Колы маты дочытувала лыста до цього мисця, то сльозы градомъ рынулы у неи зъ очей. Вона падала головою на стилъ, обгортала ій рукамы и, рыдаючы въ голосъ, выгукувала страшни прокльоны тымъ, хто наклыкавъ оте несчастя, хто выклыкавъ оту страшну царыцю зъ ій проклятого лигва...

Колы проходыла перша гострыстъ болю, горя й гниву, вона чытала дали.

„Въ окопи пахло трупамы, бо його вырыто на мисци, що видоме теперъ пидъ назвышемъ мисця бою на Шахе. Тутъ безличъ трупивъ, такъ-сякъ зарытыхъ у мерзлу землю, а багато есть и зовсимъ незарытыхъ..

Въ багатьохъ мисцяхъ въ окопахъ зъ земли высовуются, то нога въ рваному чоботи, то закацубла рука въ сирій салдацькій шынели...

Якось пидъ тымъ мисцемъ. де салдаты варылы соби чай и розигривалы обидъ, знайшовся такый трупъ. Довидалысь про його тильки тымъ, що видъ огню нагривалась земля и трупъ почавъ гныть!“ . . . . . .

. . . . . .

Тутъ зновъ сльозы почыналы душыть бидну матиръ, и вона зъ новою сылою гниву и видчаяння выгукувала:

— О, будьте вы прокляти!.. Чомъ васъ земля не поглыне?...

— Бидный, бидный!..— прымовляла вона згодомъ, держучы въ рукахъ змоченого сльозамы лыста и похытуючы головою, и не можна було розибрать, кого вона жалила—чы сына, чы того салдата, що на його трупи розводылы огонь и варылы чай.

Дочка умовляла ій, але вона не слухала тихъ умовлянь. А колы счынывся страшный Мукденськый бой, колы въ рукы японцивъ попалы ти окопы, зъ якыхъ Андрыкъ обищався не одступаты назадъ, горю матери й сльозамъ не було краю.

Терешко теперъ йиздывъ що-дня верхы за симъ верстъ у Степанивку на почту за лыстамы й газетамы. Газеты прыходылы, а лыстивъ не було. И въ газетахъ тыхъ тильки й було розмовы,

що про Мукденськый розгромъ... Та стара пани бильшъ ничого й не чытала, якъ про войну. И скризь вона шукала звисткы про десятый Новоингерманландськый полкъ, але звистокъ не було, и вона не знала, чы його выбыто весь, чы винъ попавъ у полонъ, чы утикъ за Телинъ.

Вона вже ледви ходыла по горныцяхъ, а на двиръ и зовсимъ не выходыла. Усе сыдила биля викна и до смерку ждала, чы не майне мижъ березамы постать Терешка, чы не прывезе винъ нарешти лыста або телеграмы видъ Андрыка.

А Терешко забарювався. Йому надобрыдло на хутори, и винъ загаювався и въ Степанивци, и въ Кордубовци, и просто на шляху, и заводывъ зъ людьмы розмовы. Винъ прывозывъ багато новынъ и росповидавъ ихъ въ пекарни Петровни, а та переносыла въ горныци.

Але не веселылы ти новыны панивъ.

Скризь по селахъ и хуторахъ люде радылысь, якъ на весну буты зъ панамы и ихъ землею: чы браты въ аренду землю, чы не браты, а просто одбираты іи соби, а панивъ выселыты кудысь инде, въ города чы що? Колы браты въ аренду, то яку цину платыты? Колы забраты землю соби, то якъ іи помижъ себе паюваты?

Ци й други звисткы гнитомъ прыгничувалы серце старои пани, и одного ранку вона сама не встала зъ лижка: у неи видняло праву руку й ногу. И тоди на хутори зробылось ще сумнище, ще моторошнише. Одного разу писля цього Терешко вернувся зъ Степанивкы пьяный, спивавъ, лаявся и нахвалявся, що спале весь хутиръ, щобъ його й духу не було, попалыть усихъ „бабивъ“, а самъ пиде руйнувать сахарни.

Отоди Шура й напысала братови, щобъ винъ йихавъ на хутиръ.

Вона знала, що лысты до Ивася доходять тильки на четвертый день, и выраховувала, колы винъ може прыйихать. И колы пидходывъ той день, що треба було ждать Ивася, то передъ вечеромъ, сказавшы матери, що выходе трохы походыты по двору, пишла зъ хутора у той край, звидкиль повыненъ бувъ йихаты Ивась. Вона хотила побачытысь зъ нымъ загодя и поговорыты, щобъ винъ усе знавъ, що творытся дома, и бувъ обережный зъ матирью.

Шура выйшла зъ хаты и пишла на шляхъ, выйшла по ньому зъ гаю и стала, втопывшы очи въ далечинь, туды, де догоравъ вечиръ. Вечирнье червонувате проминня осявало іи смугля-

ве худе облыччя, а чымалый морозъ надававъ ии змарнилій вроди молодости, и вона була въ цій хвыли дожыдання навить вродлыва, хочъ ій уже було пидъ трыдцять литъ и вона загубыла всяку надію на краще въ своему дивочому жытти. Вона була схожа на старшого брата Ивася: той самый ривный нисъ, згущени на перенисси бровы и дрибне пиддбориддя.

Вона стояла, дывылась и слухала. Скризь було пусто, безлюдно. По билому снижаному полю чорнивъ шляхъ. Снигъ бувъ велыкый и за зиму злигся на шляху твердою чорною крыгою. Въ Кордубовци на ничъ топылы хаты и хутиръ курився десятькомъ дымаривъ. Вечирнье проминня червоныло ти клубкы дыму, и було любо дывытысь, якъ його пасма тягнутся въ далечинь, мовъ мелодія сумнои, тягучои писни.

И на души у Шуры було сумно й тривожно. Серце ии былось сподиваннямъ чогось невидомого, що може скоро буты, може й зовсимъ не буты. Вона знесылылась душею за цю зиму, и зъ нею почалы траплятысь, спершу ридко, а дали частише, прыпадкы, якыхъ не було ранишъ николы: що-небудь затурбовувало ии, то несподивано пидкочувався якыйся клубокъ до горла, стыскувавъ його, и вона плакала, й сміялась. Потимъ вона почувала себе немовъ розбытою по всихъ суставахъ.

И вона боялась того клубка и завжды прыслухалась до себе,— чы не почынае винъ пидводытысь вгору. И теперъ ій здалось, що нибы той страшный клубокъ ворухнувся у неи въ грудяхъ, и вона одвела очи одъ дыму. Позадъ неи зъ другого кинця гайка до неи доносылысь мужычи голоса. Чуты було, що йде килька чоловикъ.

Шура похоплыво, мовъ дыка коза, вбигла назадъ въ гайокъ и прытаилась за густымы молодымы соснамы. Вона вся обернулась въ слухъ, бо пизнала голосъ Гайдуна.

— Чого дывытысь на другыхъ,—роздратовано говорывъ винъ,— не хотять, то мы й сами зробымо!..

— Зробышъ тутъ?...—недовирлыво завважывъ хтось незнайомый.

— А вже-жъ зробымо? Не хотять Амосовци, змовымось зъ Степановцямы,—однаково й тимъ земли треба.

— У ихъ багато своеи!

— Стильки жъ, скильки й у насъ, а Полупаенко лупыть зъ ихъ, якъ зъ ридного батька!..—зновъ почула Шура голосъ Гайдуна.

— Воно колы бъ увесь кутъ зговорывся, та узявъ усихъ панивъ въ лабеты, то це добре було бъ!—забубонивъ третій голосъ.— Усихъ бы ихъ, глытаякъ, у жменю взяты: Амосенка, Полупаенка, Шрама, Бордоноса... та й оцю стару...

Шура догадалась, що говорять про матиръ.— Хочете, мовлявъ, буты жывымы й хлибъ йисты, то здавайте намъ землю по такій-о цини, а не хочете, то сами на себе жалкуйте!

— Що й казать!.. Та якъ-бы-жъ усымъ мыромъ...

— Змовымось. Уже на те пишло.

— А гарно було-бъ!..—зновъ забубонивъ третій голосъ и хрыпко засміявся.

Мужыкы пройшлы мымо. Це булы Кордубовци, и Шури здавалось, що вона знае й того, що ото хрыпко сміявся: винъ такый патлатый, бородатый и ходе, мовъ ведмидь. Але уже въ гаю було темно, и вона не могла роздывытысь. Та все одно: хто-бъ не говорывъ, а выходе, що Терешко правду казавъ Петровни,—мужыкы радятся, щобъ одибраты у панивъ землю. „Що жъ намъ—зъ голоду тоди пропадать?“—думкою спытала вона оту юрьбу, що посунула по шляху, и злисть закыпила у неи въ серци.

— Прокляти!—гукнула вона имъ въ слидъ, почуваючы, що клубокъ уже котытся до горла.

И вона заплакала й зареготалась...

Колы заспокоилась, уже смеркло. На шляху не выдно було й не чуть никого. Братъ не прыйихавъ.

II.

Трублаевычъ прыйихавъ до-дому на другый день. Шура не встыгла выйты йому назустричъ. Вылизшы зъ саней и видбываючысь видъ Кудлая, що зразу не пизнавъ його, винъ увійшовъ въ горныци. Жыво роздягшысь, пройшовъ у залу. Маты сыдила въ крисли биля столу и, побачывшы його, злегка скрыкнула и потяглась назустричъ, але могла тильки повернуть голову и простягты ливу руку.

— Слава Богу, такы прыйихавъ!..—говорыла вона, прыгортаючы сынову голову до высхлыхъ грудей и цилуючы його чоло й волосся.—Слава Богу!.. Бачышъ, яку заставъ...

И вона заплакала.

Трублаевычъ цилувавъ матиръ, піймавъ іи здорову руку й прытыснувъ до своихъ устъ.

Що жъ це, мамо, зъ вамы?.. Що жъ це таке?..—бурмотавъ винъ, сылуючысь здержаты сльозы й не уміючы зробыть цього.

Бо и въ його мовъ щось увирвалось въ грудяхъ. Килька рокивъ винъ не бачывъ матери, ридко думавъ про неи, а по цилыхъ мисяцяхъ и зовсимъ не згадувавъ, и ось яку побачывъ теперъ.

— Мамочко, ридна! Що жъ це зъ вамы?..

— Умираты збираюсь, сынку...

И обое плакалы въ зали, а Шура, зачувшы отн плачи, побигла въ опочывальню, зарылась въ подушкы й душыла нымы рыдання й той проклятый, безглуздый свій регитъ.

Згодомъ заспокоилысь. Смеркало. Петровна свитыла лампу. Прыйшла Шура зъ вохкымы видъ слизъ рукамы й лыцемъ.

— А мы ждалы тебе ще торикъ, якъ Андрыкъ прыйиздывъ,— говорыла маты, держучы сына за руку.

— Я й збирався... Та якось не довелось,—одмовывъ Трублаевычъ и почувавъ гострый докиръ соби у тихъ словахъ матери и неправду — въ своихъ: винъ зовсимъ и не подумавъ тоди пойихаты до матери, колы вона звала його, бо йому тамъ, у тому велыкому камьяному городи, середъ його звычайныхъ знайомыхъ— друзивъ и ворогивъ, здавалось смишною сантиментальнистю бажання матери побачытысь зъ сыномъ, бажання іи зибраты биля себе всю свою симью и пожыты вкупи килька день.

Теперъ винъ почувъ важкый докиръ въ своіи души: якый винъ черствый и эгоистычный. И, бажаючы загладыть свою провыну хоть трохы, зновъ прыпавъ устамы до рукы матери.

— Андрыкъ тоди дуже жалкувавъ, що не побачывсь зъ тобою,—казала матиръ, ослобоняючы руку и гладячы нею волосся сынове.—Хто його знае, казавъ, колы доведется побачытысь!

— Ничого, война скинчыться скоро—и винъ вернется.

— Э, колы-бъ!.. Та щось немае й немае видъ його звистокъ,— разомъ стурбовалась маты.—То лысты пысавъ, обищавъ, що колы буде бой, то, якъ зостанется жывый, подасть звистку телеграмою. Та... ось и немае іи! Чуе мое серце..

Маты зновъ збиралась плакаты. Сынъ и дочка утишалы іи. Але чымъ-воны моглы умовыты іи, колы сумлиння вже засило и въ ихъ душахъ,

— Мы справымось въ бюро полоненыхъ, може винъ у полонъ попавъ,—говорывъ Трублаевычъ.

— Колы-бъ давъ Богъ! — якъ за соломынку хапается той, що утопае, схопылась за цю думку маты.

Сынъ обищавъ завтра-жъ напысаты въ бюро.

— Я выпысала вже й Вистныкъ Червоного Хреста,—тамъ есть спыскы раненыхъ, хворыхъ и убытыхъ, але тамъ друкуются ще спыскы за попередни мисяци, а тыхъ, що ляглы пидъ Мукденомъ, немае. Прынесы, Шуро, номеры сюды, нехай ще Ивась пергляне!

Трублаевычъ одмовывся:

— На що, мамо?.. Колы вы не побачылы тамъ Андрыка, то я не побачу. Дасть Богъ, винъ жывый и скоро прышле звистку.

И вси замовклы. Коженъ думавъ про свое. Лампадка стыха потрискувала й блымала пидъ образамы. Петровна подавала самоваръ. Трублаевычъ уставъ и почавъ ходыты по кимнати. Його зъ дорогы трохы морозыло и дрижакы иноди перебигалы по спыни. Маты водыла за нымъ очыма.

— То Андрыкъ, а тутъ мужыкы!.. — говорыла вона. — Таке выгадують, чого и зпоконвику не було. Хотять земли у панивъ видбирать.

— Ну, цього, мамо, буты не може, — сказавъ спынывшысь проты неи сынъ. — Колы воны куплять панськи земли соби, то воны будуть ихни, або колы государство выкупыть ихъ у тыхъ, хто держыть ихъ теперъ, то будуть воны государственни. Це було-бъ найкраше. Була-бъ такъ звана націонализація земли.

— Ни, воны просто хотять повыганять панивъ въ города, а землю подилыты помижъ собою, — схылывшы голову набикъ и журлыво похытуючы нею, казала маты. — Я ще ось учора чула, якъ Кордубовци змовляются зъ Амосовцямы, Степановцямы й другымы сами установыть арендну платню зъ десятыны.

— Це може буты. У насъ же тильки мужыкы й обробляють землю своимы рукамы. Не захотять воны орать и сіять, то земля стоятыме облогомъ, — паны сами іи не засіють. Отъ воны, колы справди змовлятся, то й можуть або зовсимъ не брать панськои земли, або даты за неи ту плату, яку сами захотять.

— А, бодай не диждалы того! — скрыкнула, спалахнувшы, якъ огонь, маты. — Цього николы не було й не буде!.. Зъ голоду попухнуть!.

Шура замахала Ивасеви рукамы. Винъ побачывъ, що необережно почавъ розмову, и що маты, хочъ уже й стара й хвора, але зберегла ще вогонь своеи натуры и свои стари переконання.

— Ну, звычайно не буде, це тильки я такъ кажу, що воны хотять цього, — пробувавъ Трублаевычъ злагодыть розмову.

— Хотять!.. Мало чого воны не захотять! Про мене, нехай всю мою землю зйидять и мене саму зйидять: все одно умирать! Онъ уже садъ рубають... На тимъ тыжни индыкивъ выкралы зъ хлива... Нехай жруть, — не подавлятся! И чого мене Богъ ранишъ не забравъ до себе, щобъ очи мои не бачылы того, що теперъ скризь постало.

Гнивъ хвороi разомъ перейшовъ у сльозы.

— Нехай все забирають!.. Взялы вже сына у мене, не вернуть...

— Мамо, мамо! — клыкала, благаючы, дочка. — Заспокойтесь!

— Чого тоби тамъ: „ мамо, мамо!„ Знаю сама, що твоя маты. Вырвалы вже зъ мене серце чужи, а ты дорываешъ, скыглышъ, надъ моею головою. Пишла-бъ краше подывылась, що тамъ у пекарни робыться!

Шура встала й покирно вышла, щобъ не дратувать матери, зъ хаты.

Трублаевычъ не знавъ, що йому робыть зъ матирью. Николы винъ не ходывъ биля хворыхъ и не вмивъ ни пидступыты до ихъ, ни умовыты.

— Отъ що я тоби, сыну, скажу, покы жыва, — повернулась ришуче маты до сына: — выжене нашъ ридъ ота мужва видциль, вжене вона мене въ могылу!.. Тоди забирай оту плаксу до себе. Землю продай, за що не продасы, а продай отымъ, чы другымъ хамамъ, зрубай и продай и гай, увесь до деревыны! А хату и все спалы, щобъ и слида Трублаевычивъ отутъ не зосталось. Бо все одно оти мугырякы це зроблять, та ще й васъ жывымы попалять!..

Сынъ умовлявъ матиръ, доводывъ, що ничого того буты не може, що все згодомъ угамуется, налагодыться, але маты й слухать не хотила, и винъ, щобъ заспокоиты хвору, повыненъ бувъ сказаты, що выповныть ii волю.

— Щобъ и слиду не було! Жылы Трублаевычи, садылы, гай, працювалы честно, и не мае ихъ, мовъ и не було!.. Нехай зостаются сами, нехай пожырають одне одного, нехай выпасають свои нывы, нехай вырубають свои сады, нехай попалять свои хаты!..

Трублаевычъ слухавъ слова матери и думавъ про те, якый розладъ пануе мижъ людьмы и яке непорозуминня. Складалысь воны викамы зъ краплынъ, зъ дрибныць, складалысь и зъ велы-

чезныхъ неправдъ, узаконялысь кодексамы писанымы й неписанымы и довелы до того, що люде-браты сталы ворогамы одне одному, оправдуючы жорстоку латынську прыказку: homo homini lupus est. Чоловикъ для чоловика — вовкъ!.. И цей вовкъ не розбирае, кого винъ рве — правого чы вынуватого, здорового чы хворого, старого, чы немовлятко. Винъ почувае въ соби злисть и мае зубы и рветь що-попадя... И цей вовкъ сыдыть не тильки въ отыхъ темныхъ мужыкахъ,—винъ сыдыть и въ освиченыхъ панахъ, винъ сыдыть въ серци його умираючои матери.

— Мамо, та есть же Богъ!.. Вы жъ вирыте въ Бога? Хиба-жъ винъ попустыть, щобъ такъ було, якъ вы кажете?

Сынъ сказавъ ци слова якъ звычайну фразу, не надаючы ій ніякои вагы, але його слова упалы на серце матери, якъ вода на огонь. Вона разомъ стышылась и зновъ заплакала, але вже тыхо, покирно.

— Не допустыть Богъ до того, не допустыть!..

Маты плакала, а сынъ мовчавъ, суворый и замысленый.

Кудлай бигавъ пидъ викнамы й гавкавъ.

. . . . . .

Зимова ничъ зайшла скоро. На хутори лягалы спать рано и писля чаю й короткои вечери погасылы свитло. Горилы тильки лампадкы.

Трублаевычъ роздягся и лигъ на лижко, але заснуты не мигъ: и лежавъ, и прыслухався до гукивъ затыхлого домка, и перебиравъ згадкы и вражиння прожытыхъ днивъ и часивъ.

Йихавъ винъ до дому и тильки й чувъ розмовы, що про войну та повсюдни розрухы, и нихто не бувъ задоволеный зъ тіеи войны и зъ тихъ розрухивъ; и коженъ пытався: на що-жъ воювать, колы та война зовсимъ зайва и въ той часъ потрибуе такыхъ страшныхъ жертвъ? чому счыняются скризь оти розрухы, зъ якыхъ немае ніякои корысти ни жертвамъ, ни тимъ, хто бье, грабуе, убывае? На що це все? И вси почувалы, що одна тому прычына, але якъ іи одсунуты геть? И теперъ, лежачы въ постили, Трублаевычъ почувавъ, що словомъ „непорозуминня“, яке часто прыходыло йому до думкы въ останни часы, не можна розвьязаты такого складового й велыкого пытання, котре поставывъ на чергу часъ. И ця велыкисть и складовисть пытання лякала його. Безперечно, що ридный край пережывавъ якыйся глыбокый и ще добре недизнаный процесъ. Стара будивля трищала по всихъ скрипахъ, зрывалысь штукатурка, дошкы и цеглыны и былы все, на що падалы, але що збудуется зновъ и якъ, того винъ не

мигъ сказаты соби, и не мигъ цього сказаты нихто, бо це залежало видъ дуже багатьохъ прычынъ и умовъ, сполучыты яки могло тильки жыття.

Зъ гиркымъ почуттямъ думавъ Трублаевычъ про те, що такъ просто здавалось и йому, и його знайомымъ, — усимъ отымъ Зембулатамъ, Билогрудамъ, Говорецькымъ, Загорянськымъ и другымъ, кого винъ знавъ,—на-ново перебудоваты всю имперію. Здавалось, що досыть тильки выробыть порядный основный законъ и выпустыть його зъ видповиднымъ манифестомъ, якъ усе пидъ сонцемъ и мисяцемъ обновыться и вси будуть задоволени й счаслыви. И теперъ винъ бачывъ, що не такъ то це просто, якъ здавалось, и що доведется новому ладови жыття переступыть черезъ багато трупивъ, насамперед черезъ трупъ його-жъ матери, його сестры...

Такъ винъ думавъ. А зъ другого боку поставала инша думка: що-жъ зъ того, що на шляху поступу стринутся трупы, — це зовсимъ нормально, це трапляется що дня! Це такый законъ жыття, що на трупахъ знесыленыхъ органызмивъ зростають нови, молоди й сыльни органызмы.

Колы такъ, то чого журытысь?

Проты прыроды йты не можна.

А укорочуваты вику ридній матери, а мучыты сестру — це те-жъ законъ прыроды?..

„Та не я-жъ це роблю, це робыть само жыття“, — утишавъ себе Трублаевычъ, а другый злистный голосъ звидтиль, де тремтивъ його мозокъ, стыха проказувавъ: „робыть жыття, але й черезъ тебе... й черезъ тебе, й твоимы рукамы!“

Знесыленый, винъ бажавъ-бы ничого не думаты, заснуть, тильки заснуть. Але сну не було. И зъ заздристю винъ згадавъ, якъ тоди, колы пойиздъ йихавъ поузъ пожежу, його сусидъ, товстый обрубкуватый крамарь, розбуженый другымы пасажырамы, тильки клыпнувъ очыма на червоне викно й зновъ засипъ и захрипъ, схылывшы голову на груды. Що йому та пожежа, абы винъ самъ не горивъ!

Трублаевычъ завыдувавъ йому, але въ той же часъ той самый злистный голосъ шепотивъ: „нехай винъ буде проклятъ, отой крамарь, бо черезъ такыхъ шкуродеривъ и повстае усе оте, що теперъ творыться!“

А винъ самъ, винъ, Иванъ Трублаевычъ, у тимъ не повыненъ? Винъ хиба не кынувъ ни одного каминця пидъ колесныцю

свитлого бога братерства, ривности й любови? Хиба винъ не впустывъ не одніеи капли отруты въ чашу людського счастя?..

И винъ застогнавъ.

— Ты не спышъ, Ивасю?

— Ни.

— То прыйды до мене.

Трублаевычъ накынувъ одижъ и пишовъ до матери.

Въ рожевимъ свитли видъ лампадкы, схылывшысь у крисли на подушкы, сыдила маты, така знесылена, така покаличена жыттямъ, хворобою й думамы, що серце сына обкыпило кровью, колы винъ теперъ глянувъ на неи. Йому захотилось сказаты ій щось гарне й высоке, зигриты ји душу огнемъ надіи, прыголубыты іи болюче тило, але винъ бувъ безсылый зробыты це и тильки взявъ маленькый ослинчыкъ, тыхо сивъ биля нигъ іи й прыгорнувсь до іи колинъ.

— Я вамъ такъ не буду давыть?

— Ни.

Мовчалы килька хвылынъ.

— Ивасю? — тыхо й ласково озвалась маты.

— Чого, мамо?

— Чому ты не скажешъ мени ничого про себе? — спытала вона, стыха шукаючы його чола своею теплою рукою.

— Що жъ я вамъ скажу? Жыву покы-що звычайно, на долю не нарикаю...

— Ну, хочъ це гараздъ.

Зновъ замовклы. Тыхый настрій заволодивъ обома имы.

— А одружытысь немае думкы?

Ивась здригнувся.

— Ни, мамо,

— Шкода, шкода... часъ мынае.

— Знаю, мамо, але така моя доля!.. Треба ще переждаты.

— Одружысь, Ивасыку. Визьмы соби гарну, зъ добрымъ серцемъ дивчыну. Любы іи й бережы, якъ зиныцю ока, й вона тебе любытыме й берегтыме.

Маты помовчала.

— Якъ-бы мени хотилось побачыты твоихъ дитокъ! Здается, що колы-бъ побачыла ихъ, то й умираты було-бъ легше.

Зновъ мовчанка.

— А Андрыкъ, безталанный, мабудь не стривъ... своеи доли. Мени здается, серцемъ чую, що черезъ свое кохання несчаслыве винъ и на войну пишовъ.

— Хто його знае, мамо! Всяко бувае, — зитхнувъ сынъ, згадавшы про своє кохання, про свои мріи про будучыну. — Може такъ и краще, — сказавъ винъ, думаючы про Любу.

— Що краще?

— Та такъ, якъ въ жытти складается.

— Богъ його знае.

Лампадка блымала. Въ хати було тыхо, спокій заволодивъ усіею истотою Трублаевыча, и йому такъ захотилось усе, усе потыху, якъ на сповиди, росповисты матери. Але винъ здержався. Нащо накладаты на ій побыту душу ще нови раны? Доволи ихъ и такъ. И винъ мовчавъ.

— Мамо, — спытавъ винъ перегодомъ, — чы до васъ йизде який-небудь ликарь?

— Бувъ разивъ зо два докторъ зъ Степанивкы, та бильше я вже за нымъ и не посылала.

— Чого жъ такъ?

— А!.. Все одно умирать!

— Якъ же такъ, мамо? Такъ неможна, треба личытысь, то вы зновъ одужаете. Я оце, покы побуду биля васъ, то нехай винъ йизде. Може вамъ и ликивъ небагато треба. Знаете, що? — спытавсь винъ помовчавшы, — якъ выдужаете, то я васъ зъ Шурою заберу до себе. Найму гарну кватырю, заведемо свое хазяйство и будемо жыть. У мене вы одпочынете.

— Одпочыну въ могыли... А хутиръ же якъ? Та тутъ на день тильки выйидь, то не зостанется ни трисочкы. Ростягнуть!

Въ старій хазяйци зновъ прокынувсь хазяйськый инстынктъ. Вона не могла и въ думци того допустыты, щобъ старе насыжене гниздо Трублаевычивъ зосталось безъ догляду. И вона уявыла соби, якъ мужыкы розоряють повиткы, хливы, ламають хату... Гайдунъ ломомъ зрывае дошкы зъ помосту... А тамъ рубають садъ, рубають березы, сосны, зрубають и ти тры ялынкы, що вона недавно посадыла и воны вже пишлы въ ростъ.

— Ни, кыдать хутора неможна.

— Тоди — продать його!

— И продавать шкода. Не викъ же жыть у тебе Шури... Може знайдется такы порядна людына. Силы-бъ на хутори, хазяйнувалы. Ни, продавать неможна. Хто знае, що буде дали. А тутъ все-жъ такы якъ-ни-якъ, а свій прытулокъ.

Воны сыдилы й розмовлялы, й миркувалы, якъ буты дали. И Трублаевычъ поришывъ неодминно заклыкаты ликаря и личыты и матиръ, и сестру. Бо и сестра нездужае. Вона звелась нинащо.

Обомъ имъ треба полагодыты нервы. Треба побалакаты й порозумитысь зъ мужыкамы, давнимы арендаторамы земли, даты имъ якись вильготы, заспокоиты ихъ и матиръ зъ сестрою. Треба довидатысь про брата — чы въ бюро полоненыхъ, чы въ штаби полка.

И винъ поклавъ завтра вранци напысать лысты туды й туды, самому пойихать на почту въ Степанивку и зайихаты до доктора, роспытатысь у його про матерыну хворобу и заклыкаты, щобъ йиздывъ частише и якъ слидъ узявся за ликы.

И колы винъ згадавъ про почту, у серци въ його ворухнулась солодка надія, що може винъ тамъ знайде й листъ видъ Любы... Але ни, цього буть не може: дуже мало мынуло часу. Лыстъ, колы-бъ Люба й зразу напысала його, не мигъ бы назавтра дійты въ Степанивку.

И винъ выраховувавъ, колы саме може прыйты лыстъ, и думка про той лыстъ и про Любу вже не покыдала його, колы винъ попрощався зъ матирью й пишовъ спать. Зъ журбою винъ думавъ про Любу и почувавъ, що кохае іи, якъ и кохавъ, колы ще не бильше. И йому хотилось вирыть, що все те, що сталось за останній часъ, мынется, забудется, що колы винъ вернется зъ одпуску, то вже побаче Любу на воли, и мижъ нымы будуть таки сами видносыны, яки булы й до самыхъ останнихъ часивъ. Винъ одружыться зъ нею й берегтыме іи, якъ казала маты, мовъ зиныцю ока. Бо винъ любыть іи, винъ кохае іи, винъ дыхать безъ неи не може...

Який винъ буде счаслывый, колы все зновъ налагодыться!

И винъ заснувъ зъ думкамы про Любу.

III.

Снигъ. Мабуть уже останній снигъ стыха спадавъ зъ тмяного неба на землю. Винъ падавъ велыкымы пухкымы клаптямы и скоро побилывъ усю землю й лиски, и крыжану стежку, де текла Кайданка. Винъ скоро облипывъ и Трублаевыча, що йшовъ по Кайданци туды, де вона втикае въ Удай. Це було не такъ далеко, — верствы тры, и Трублаевычови заманулось пійты подывыться на знайоми мисця.

Йому хотилось надыхатысь свижымъ повитрямъ, почуваты себе вильнымъ, побуты самому зъ собою. Хотилось позбавытысь хочъ на якый часъ турботы й думъ, що обсилы його голову и

стыслы ии важкымъ гнитомъ. Бажалось воскресыты свое мынуле, безтурботный дытячый викъ, ту давню любу годыну, що такъ скоро мынулась, одійшла у якусь далечинь.

Винъ шовъ по льоду ричкы. Вона вылась по лукахъ, а потимъ по лису, згыналась у каблучку и потимъ выривнювалась, щобъ зновъ закрутытысь у другый бикъ, и такъ безъ кинця. Ци закруты дуже удовжувалы шляхъ до Удая, куды хотилось дійты Трублаевычови, але винъ не жалкувавъ, що не пишовъ прямою дорогою. Йому любо було скорытысь прымхамъ малои ричкы, довирытысь ій и йты слидъ за нею туды, де вона йшла. Здавалось, що чымъ блыжче бувъ Удай, тымъ бильше Кайданци не хотилось пидходыть до його, и вона плуталась и ухылялась, ховаючысь за горбамы, крыючысь попидъ деревамы.

„Ричка не хоче,—думавъ Трублаевычъ—скорытысь немынучисти—злытысь зъ Удаемъ; ій люба й дорога своя индивидуальнисть, своя окремисть. Бо колы вона зильется зъ Удаемъ, то ии вже не буде: буде тильки Удай. Але й Кайданка потрибна".

И Трублаевычъ, обережно йдучы по крызи и не скыдаючы зъ себе свижого вохкого снигу, думавъ про те, що соціальни коммунысткчни принципы, — яки воны на першый поглядъ, а для молодижи особысто, не зваблыви, колы ихъ доводыть до краю, маючы на мети свободу людьску, — заведуть зновъ такы въ неволю, звяжуть окрему индивидуальнисть волею бильшости, волею громады, яка николы не може стояты наривни интеллектуального розвытку окремыхъ бильшъ меньшъ выдатныхъ и оригинальныхъ по своій духовній организаціи одыныць. Винъ прыгадавъ не такъ давно утопію Беллами. Въ якый бы то соціальный манастырь оберпувся свитъ, колы-бъ така утопія здійснылась!

И Трублаевычъ зъ замылуваннямъ стежывъ за тымъ, якъ Кайданка выбирае соби шляхъ, по своій уподоби. Ось вона прыгорнулась до правого берега, пидмыла його, оголыла каминня и заразъ же подалась ливоручъ и розплылась чымалымъ плесомъ биля старого крыслатого дуба. Обійшла крипку позицію, що занявъ старый велетень, и подалась дали, мольовнычно роблячы закруты.

— Яка гарна, оригинальна ричечка,—сказавъ Трублаевычъ,— а панъ Беллами запевне замисть неи вырывъ бы ривъ, прямый, якъ аршынъ. И було-бъ у йому воды горобцю по колина, а тутъ онъ бачъ!..

Винъ дійшовъ до чымалого чыстого плеса. Струнки сосны стоялы на його берегахъ, а одна пидмыта водою соснына похылылась, щобъ може зъ першою повидью зовсимъ упасты.

— „Вона загыне,—думавъ Трублаевычъ“,—але колы-бъ початы рыть ривъ, то хиба меньше було-бъ треба выкорчуваты деревъ? Не треба зъузюваты життя якымысь вузькымы, прямымы доктрынамы, не треба класты його на Прокрустове лижко... Не треба жывый организмъ заковувать у кайданы, — треба тильки допомагаты йому вильно й видповидно до його прыроды розвыватысь. Життя есть найбильшый и найгеніальнійшый творець.“

И зразъ же други думкы, якъ тинь одъ першыхъ, посталы передъ Трублаевычемъ. Думаты такъ,—це-жъ не морально. Це-жъ дозволяты кожному робыты те, що йому самому здастся корыстнымъ. Це-жъ оправдуваты той устрій, той status quo, що загальмувавъ на довги часы розвытокъ цилого народу, сотни народівъ. Це-жъ даваты власть сыльному надъ кволымъ!

Ни, не такъ. Повынна десь буты середына, повыненъ буты якыйся прыродный законъ, якый управлявъ-бы життямъ. Законъ? Винъ есть. Дарвинъ каже, що це боротьба за истнування, те-жъ саме латынське homo homini lupus est.

И зъ цимъ Трублаевычъ не мигъ помырытысь и почувавъ, що винъ стоить на якомусь роздорижжи, що винъ бачыть два таборы суспильства—старый, отой що сточывъ Россію мовъ шашиль, и новый, що хоче сцилыты ии. Серце Трублаевыча цилкомъ належыть до другого лагеря. Але що, якъ проводыри цього лагеря почнуть заковувать життя на зразокъ Беллами въ нови кайданы? Що, колы новый ладъ заводытымуть ти сами генералы — бюрократы, тильки одягшысь у либеральни маскы?..

И зновъ у Трублаевыча гострымъ болемъ одгукнулась стара думка: „у тебе немае виры, ты—маловирный, ты—не гарячый и не холодный!“

То правда, винъ маловирный и це винъ чуе на кожному ступни. Отъ и вчорашня розмова зъ докторомъ. Яка непереможна вира въ краще життя мистыться у тому маленькому, смуглявому, бородатому чоловичкови! Винъ вирыть, що оце безголовья—война й повсюдни розрухы — скинчыться добромъ. Учора воны йихалы на хутиръ и розмовлялы про це.

— Знаете, що я вамъ скажу? — говорывъ докторъ.—Мени оце все нагадуе весняну повидь. Довго була скута земля морозамы, все на ій омертвило, занимило, и багато пазбиралось усякого смитя и те смиття змишалось зъ снигомъ, прыбрало соби всяки формы. Але ось иде весна. Потроху-помалу росковуе вона землю, ламае крыгу, уже потеклы мутни, але жвави, говирки

струмкы скризь, скризь! Точать воны й пидмывають все, що не стринется имъ по дорози, злываются до купы... И тоди ревуть, бурхають, ламають все, що трапится на ихъ шляху, и несуть геть впередъ и впередъ. Несуть усю нечысть, зрывають и заносять и плодючу землю, не розбираючы правого и вынуватого. Ну, а въ кинци всього, знаете, буде май.

И будуть ясни й небо, и земля!

Докторъ засміявся.

— Бачыте, навить у мене виршъ вырвався!—сказавъ винъ.

И Трублаевычь засміявся и мовывъ:

— Колы-бъ то такъ було! А що якъ небо буде ясне, а землю замисть крыгы вкрыють туманы?

— Ну, туманы не страшни; ихъ сонце жыво розжене!

Якъ завыдувавъ тоди, та й теперъ завыдуе, Трублаевычъ тому докторови, його ясному свитогляду! Счаслыва людына! И винъ намирывся поблыжче зійтысь зъ цымъ чоловикомъ, покы буде на хутори.

Винъ ище йшовъ по Кайданци, але уже бачывъ ін кинець, и передъ нымъ розгорталась панорама горыстого правого берега Удая. Тамъ, по кряжу, стоявъ лисъ и тягся безъ краю до самого обрію въ далечинь, туды, куды йшовъ Удай. И площа Удая, и земля, лисъ булы покрыти снигомъ, и теперъ винъ зрывався тильки поодынокымы легкымы зиркамы. Було тепло й тыхо, и душу Трублаевыча обгорнувъ тыхый лиричный настрій.

Такъ, весняна повидь змые все и обновыть землю. Усмихнутся небо й земля и ти, що будуть у ти дни жыты на ій, будуть счаслыви. А ти, кого занесе повидь?... Але нащо думаты про ихъ,—така ихъ доля! Въ жытти немае ни правыхъ, ни вынуватыхъ.

Трублаевычъ сивъ на якій-ся кручи и одпочывавъ. Винъ зигрився видъ ходни, розстибнувъ пальто и повнымы грудьмы вдыхавъ мняке, солодкувате повитря.

Въ жытти немае ни правыхъ, ни вынуватыхъ. Не правъ и не вынуватъ и Андрыкъ, що теперъ десь сыдыть у окопи и може думае про матиръ, про хутиръ, може й про його. Але наврядъ. Ихъ видносыны булы якись холодни й нещыри. А скильки тепла и щырости у Андрыка! Сьогодни вранци Трублаевычъ перечытавъ уси лысты його до матери. Воны зхвылювалы його, помягчылы його серце, и винъ поришывъ, колы Андрыкъ вернется жывымъ зъ войны, побачытысь зъ нымъ, поговорыть по души и

жыть по-братськы, не буты такымы чужакамы, якымы булы до цього часу.

Винъ прыгадавъ, якъ колысь давно, ще бувшы малымы, удвохъ зъ Андрыкомъ, тежъ по льоду и снигу, воны прыйшлы сюды, на це саме мисце, и сыдилы тутъ. Тоди Удай ще не замерзъ, и вода въ йому була чорна, мовъ розведена сажою, и це робыло якыйсь дуже гарный контрастъ зъ билымы берегамы й горамы. Мовъ по снигу побигло ростоплене олыво...

Воны тоди сыдилы й розмовлялы про те, хто зъ ихъ чымъ буде, якъ выросте велыкый. Ивась казавъ, що буде професоромъ, а Андрыкъ дывывсь на воду, довго думавъ надъ тымъ, чымъ бы винъ хотивъ буты, и нарешти сказавъ, що буде монахомъ. Увесь чорный и суворо-спокійный, велычно винъ буде проходыты мымо людей...

Такъ воны марылы тоди, а теперъ одынъ зъ ныхъ служывъ въ банку, а другый у війську. Мовъ по якійся ироніи жыття...

Винъ посыдивъ надъ Удаемъ ще килька часу й повернувъ до дому. Теперъ уже винъ пишовъ просто и пидъ другымъ настріемъ. Почуваючы легку утому въ тили, винъ бувъ не видъ того, колыбъ замисто неривнои крученои тропы пидъ його ногамы була выривняна Кайданка.

На другый день винъ мавъ розмову зъ мужыкамы. Прыйшло зъ Кордубовкы симъ хазяинивъ, давнихъ арендаторивъ Трублаевычовськои земли, и попрохалы, щобъ панычъ выйшовъ до ихъ. Винъ выйшовъ не безъ опаскы, що не зуміе зъ нымы змовытысь, бо йому николы не прыходылось маты дила зъ селянамы.

Мужыкы стоялы купою биля кганку. Кудлай, пидгортаючы пидъ себе задню лапу, злистно й жалибно гавкавъ на ихъ, не пидходячы блызько. Очевыдно, його хтось зъ несподиваныхъ гостей потягъ палыцею.

Прывиталысь.

— Отъ мы прыйшлы побалакать, якъ буты на весну зъ землею. Весна скоро,—почавъ розмову одынъ зъ ихъ.

Зъ того, що винъ чувъ одъ матери й сестры, Трублаевычъ догадався, що це мусыть буты Гайдунъ.

— Що-жъ, можна поговорыть,—одповивъ Трублаевычъ.

Хуторяне помовчалы.

— Бачыте, панычу... чы може пане?..—осмихаючысь, дипломатычно запытавъ одынъ зъ хуторянъ,—сывенькый худорлявый дидокъ.—Бачыте, бралы мы землю у вашои мамаши здавна. Пахалы, сіялы... Бралы за гроши, бралы и зъ часткы. Теперъ прыйшовъ

такый часъ що, знаете... пора-бъ уже ту землю й зовсимъ намъ передаты.

— Якъ це такъ?—спытався Трублаевычъ.

— А просто, виддать намъ землю и все!..—гукнувъ Гайдунъ.

— Потривай-бо, не такъ, — звернувся до його дипломатычный дидокъ.—Ось якъ, значыть... Пахалы мы и сіялы. А теперъ такый часъ, що скризь люде будуть одбирать у панивъ землю, то мы й кажемо такъ: нехай и Трублаевычи намъ дадутъ свою землю, покы-що, на пьять литъ.

— Та вы-жъ уже бильше якъ двадцять литъ держыте іи въ аренди и зъ копы берете, — чому жъ не дать іи вамъ ще на пьять рокивъ?

— А бачыте, то мы за гроши держалы, а теперъ уже мы пьять литъ не будемо платыты вамъ ничого. Буде вона якъ наша. Будемо пахать и сіять, и все...

— Такъ же не можна! Зъ чого жъ будуть жыты мои маты й сестра? Що-жъ имъ-зъ голоду пухнуть?

— Чому зъ голоду... а вы-жъ на що?

— Я окрема ричъ, а земля матерына, и вона повынна корыстатысь зъ неи.

— Уже доволи корысталысь! — гукнувъ Гайдунъ. — Треба ще й намъ покорыстатысь, и у насъ симьи!

— Такъ земля жъ не ваша. Що-бъ вы сказалы, колы-бъ оце завтра прыйшовъ до васъ хтось чужый, та й сказавъ: отъ вы уже весь свій викъ корыстаетесь зъ своеи земли, годи вже вамъ, давайте ще я покорыстаюсь зъ неи пьять литъ! Якъ бы вамъ це здалось?

— То зовсимъ инша ричъ. А мы пахалы, сіялы...

— Отъ послухайте, панычу, що я вамъ скажу, — звернувся писля довгого сперечання и всякого миркування Трублаевыча зъ хуторянамы, одынъ зъ ихъ, що ранишъ бильше мовчавъ. — Ваша земля, якъ іи не удобрышъ, ничого не родыть, ну, а хтожъ буде чужу землю удобрять? Цей рикъ я не пожалкую своеи праци, удобрю іи, а на весну пани виддасть іи комусь другбму. Ну, мы, звистно, дуже мало возылы гною на вашу землю и було и намъ мало зъ неи корысти, и мамаши вашій. По-моему такъ бы треба зробыть, по-Божому: давайте намъ, Кордубовцямъ, землю и бильше никому; мы повынни іи удобрять, скильки наша сыла. Будемо сами пахать, и сіять свое зерно, и жать, и будемо давать вамъ четвертый снипъ. И буде хлибъ и у насъ, и

у васъ. Буде й кормъ скотыни. Такъ нехай буде пьять рокивъ, а дали тамъ выдно буде. Мы чужого не хочемо.

Трублаевычъ подумавъ и згодывся. Хочъ маты й сестра може й не зможуть прожыть на четвертый снипъ, такъ винъ имъ допоможе. Прынаймни будуть певни, що матымуть хочъ четвертый снипъ и будуть сами цили й хутиръ.

Мужыкы перебылы зъ Трублаевычемъ рукы, попрощалысь и пишлы до дому.

— Мы жъ будемо певни, що ваше слово усе одно, що слово старои пани, и що одмины ніякои не буде!

Трублаевычъ пообищавъ имъ це.

Маты й сестра нетерпляче ждалы Ивася въ хату. Шура ще въ викно побачыла, що справа якось налагодылась, що Ивась перебывъ рукы зъ мужыкамы, але ни вона, ни маты не сподивалысь, щобъ усе обійшлось такъ, якъ справди сталось. Наляканы всякымы страхамы, воны ждалы чогось нечуваного, и колы дизналысь, що все буде гараздъ, що земля буде ихня и имъ буде четвертый снипъ, то навить булы ради. А колы мужыкы и справди будуть удобрять землю, то хлибъ буде родытысь кращый, буде його бильше, и якось можна буде жыты.

Наступывъ вечиръ и промынувъ тыхо й сумырно, и на хутори мовъ повеселищало. Поришылы Терешка росщытать, а соби знайты якогось другого наймыта, щобъ бувъ смырнійшый и не пывъ горилкы. Бо зъ розмовы зъ мужыкамы Трублаевычъ довидався, що Терешко брехавъ имъ про Трублаевычивъ и наговорювавъ, що пани нахвалялась зовсимъ имъ не даваты на весну земли.

На другый день ранкомъ Трублаевычъ зновъ пишовъ по Кайданци до Удаю. И теперъ ясный, злегка меланхолычный настрій обхопывъ його, и винъ шовъ и спивавъ:

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...

И справди його тягло туды въ лисъ, до ричкы, до тыхъ гиръ, що стоялы за ричкою. Ранокъ бувъ теплый и тыхый, и землю повывавъ тонкый и нижный туманъ. На души у Трублаевыча було тыхо и спокійно, и жыття йому сьогодни здавалось не такымъ холоднымъ, хмурнымъ и запутлянымъ. Правда, багато въ йому зла, ще бильше непорозуминь, але все можна полагодыть. Отъ же и винъ порозумився зъ мужыкамы.

Винъ шовъ и спивавъ.

Але якыйся трискъ и шарудиння долетилы до його слуху. Винъ зупынывся и дывывсь, стоячы на льоду, на той берегъ, звидкиль почувся шумъ. Звидтиль показався чоловикъ зъ тильки що выламаною дубыною. Винъ шовъ босый по снигу у свыти, одягненій просто на били полотняни штаны й сорочку. Свыта була розхристана, а на голови, на довгому волосси замисть шапкы лежалы шматкы снигу, що винъ натрусывъ його, выламуючы ломаку.

Очи у того чоловика булы гостри и злы. Винъ шовъ на Трублаевыча, несучы на поготови свою палыцю, мовъ замирявсь ударыты його нею.

Трублаевычъ поступывсь, щобъ дать дорогу божевильному, бо то бувъ божевильный зъ Амосовкы. Трублаевычъ знавъ його. Звалы його тпру-тпру-Сьома.

— Ачъ, спивака! — злистно пробурчавъ винъ, обходячы Трублаевыча, и пишовъ дали, оглядаючысь, покы не заховався въ повороти Кайданкы.

Весь лырычный настрій Трублаевыча пропавъ. Далеко не все на свити такъ, якъ йому ще ось тильки що здавалось. Не всяке зло можна обійты, не всяку справу налагодыты. Ось и цей божевильный. Його спершу дражнылы диты, высміювалы, а колы винъ ганявся за нымы й бывъ ихъ, то батькы былы його. И килька разивъ його забывалы трохы не до смерти, але винъ одужувавъ и зновъ ходывъ скризь и лито й зиму босый, у тій самій свыти и злистно бурмотавъ якись слова пры зустричи зъ людьмы. И його покынулы дражныть и быть, и теперъ, якъ казала Шура, його де-хто вважа за святого. Знайшлысь дви жинкы, що взялы його до себе, и винъ жыве у ихъ, и до ихъ возять хворыхъ, и шукають порады соби, прыслухаючысь до сливъ тпру-тпру Сьомы.

Ось винъ другый бикъ жыття!

Трублаевычъ вернувся до дому сумный и розбытый.

IV.

Мынувъ тыждень, другый; промынувъ мисяць. Жыття на хутори йшло день по дню, мовъ капалы капли воды, одноманитно, сумно. Замисто Терешка бувъ другый наймытъ, Гордій. Слидъ за мужыкамы зъ Кордубовкы прыходылы бабы й домогалысь, щобъ имъ дешевше оддалы землю пидъ городы. Имъ зновъ уважылы, и воны пишлы задоволени. Трублаевычъ йиздывъ на почту

въ Степанивку, возывъ доктора. Докторъ прыйиздывъ, обдывлявся хвору, розмовлявъ и йихавъ до дому. Хвора не поправлялась.

Теперъ вона тильки й думала що про Андрыка и була цилкомъ певна, що зъ нымъ трапылася якась прыгода, и ждала звисткы про те що-дня. Зъ бюро полоненныхъ повидомылы, що въ спискахъ полоненныхъ його нема.

Въ останній часъ и Трублаевычъ мало мавъ надіи на те, щобъ братъ бувъ жывый, и винъ, перше нижъ даты газету до рукъ матери, самъ попередъ придывлявся, щобъ, колы справди прочытае, що Андрыка убыто, перестерегты якось матиръ. Бо колы-бъ вона прочытала сама, ударъ зъ нею мигъ повторытысь, и тоди бъ ій бувъ кинець.

И воны умовылысь зъ Шурою, щобъ добре переглядаты газеты попередъ самымъ.

Зима цього року держалась досыть довго, але писля того останнього снигу, що по йому Трублаевычъ ходывъ до Удаю, почало роставаты. День по дню, ничъ по ночи снигъ танувъ и танувъ. Землю обгорталы туманы и мряка, и, обгорнути имы, стоялы на хутори березы и ронылы сльозы... Мовъ ти березы журылысь за чымсь... Але за чымъ? За тымъ, що мынулось, чы за тымъ, що буде?

Трублаевычъ выходывъ зъ хаты, сидавъ на кганку и дывывся на ти березы. И серце його ссала журба. Вона непомитно забиралась туды, мовъ заходыла зъ туманомъ, що його вдыхавъ у груды Трублаевычъ. Винъ що-дня чытавъ газеты, стежывъ за тымъ, якъ крокъ за крокомъ суспильство одвойовувало соби волю, и не радивъ зъ того. Дуже мали булы ти крокы, дуже важко було ихъ робыть... и дуже воны булы непевни!

Але винъ ще бильше журывся того, що й доси не було лыста видъ Любы. Невже вона могла не даты йому одповиди на його лыстъ? Невже вона хоче видсахнутысь видъ його, не сказавшы просто, що вона рве зъ нымъ видносыны?

И чымъ бильше думавъ про це Трублаевычъ, и чымъ бильше минало часу, тымъ усе мицнише й мицнише у його въ души становылась вира, що винъ не втеряе Любы, що вона любе його и буде його дружыною. И довге ій мовчання винъ пояснювавъ соби ій внутришньою боротьбою и ждавъ кинця тій боротьбы.

Винъ сыдивъ и ждавъ лыста, а березы спускалы надъ нымъ свои довги гнучки виты, помахувалы имы и ронылы холодни сльозы.

Одного дня пройшовъ велыкый, теплый дощъ и змывъ останни слиды зимы. Заступала весна. Ще по ночахъ морозы сковувалы землю, ще ранкамы иній биливъ на деревахъ и на торишній трави, але уже була весна, и сонце стало веселише й ласкавише. И одного разу, колы Трублаевычъ самъ не пойихавъ на почту, Гордій прывизъ йому лыста.

Лыстъ бувъ видъ Любы.

Зъ замираннямъ серця взявъ його Трублаевычъ и не пишовъ чытать у хату, не ставъ чытать у двори, а пишовъ у лисъ, па берегъ Кайданкы, сивъ пидъ березою й розирвавъ конвертъ.

„Простить мене, що я такъ дóвго не пысала вамъ“—чытавъ Трублаевычъ.

— „Я довго вагалась и багато передумала, покы наважылась напысаты вамъ цього лыста. Колы вы кынулы насъ у той вечиръ, писля земського зибрання, мени здалось, що усе покинчено мижъ намы. Я побачыла, що переконання наши неоднакови, що мы не можемо зъеднаты до купы два рижныхъ свитогляда. И я поришыла прямо сказаты вамъ прó це пры першій же зустричи.

Трапылось трохы инакше. И те, що трапылось, ще дали видштовхнуло мене видъ васъ. Та исторія зъ моимы лыстамы... На що вы ихъ не спалылы?.. Але теперъ, сыдячы, въ оцій тюрми, я багато де-чого передумала и бачу, що добре вы зробылы, добре для насъ обохъ, що передалы тоди мени свій лыстъ.“

Проминь надіи майнувъ Трублаевычови.

„Якъ вы по щырости видкрылы въ йому свою душу, такъ и я мушу вамъ видкрыты свою. Такъ краще. И я скажу вамъ: я люблю васъ, але люблю й другого. И та любовъ сыльниша и владниша. И тутъ нема ничого дывного й надзвычайного, а тымъ бильше неморального. Чуття мои чысти, правдыви и глыбоки...

Мылый мій, я люблю васъ и збережу спогадъ про васъ на все жыття мое! Я люблю васъ, якъ гарну чесну людыну, якъ старшого брата, якого у мене николы не було. Ни, я васъ люблю бильше, нижъ брата, и не станься те, що сталось, мы-бъ зъедналы свою долю и булы-бъ счаслыви. Я певна въ тому.

Але друга людына стала межи намы. Вы знаете хто. Та людына запалыла мою душу бажаннямъ боротьбы, бажаннямъ видаты всю себе на те, щобъ усимъ, усимъ людямъ було краще жыть на свити. Я була короткозора й эгоистычна, я думала тильки про себе, про свое счастя, але такъ жыть неможна. Вы сами знаете

це, хочъ не можете безоглядно йты въ той таборъ, до тыхъ людей, куды тягне мене мое серце.

Я вирю въ тыхъ людей, я вирю, що правда на ихъ боци. О, чому вы не зъ намы, и чому вы не можете буты зъ намы!..

Простить мене,—я, може, ображаю васъ, але я не хочу васъ ображаты, бо вы частына мого мынулого, частына души моеи. Цымъ лыстомъ я хочу сказаты вамъ: зрозумійте мене и простить за той биль, якый я несамохить роблю вамъ. Колы можна, забудьте мене. Краще було-бъ, щобъ мы не стричалысь, але колы мы зустринемось, то прошу васъ: будемо якъ давни добри знайоми. Я знаю васъ и сподиваюсь цього видъ васъ. Ще разъ прошу васъ простыть те зло, яке я роблю вамъ."

Пидпысу не було, але винъ бувъ и непотрибенъ.

Такъ ось винъ, такъ довго жданый лыстъ! Теперъ кинець усякымъ мріямъ. Вузелъ розрубано, и розрубано до краю. Обережно, навить зъ ласкою, одштовхнуто геть його—не гарячого й не холодного, його—теплого, його—середыну на половыни! Не може винъ кыпить, колы життя вымагае кыпиння, и воно выхлюпуе його геть, якъ теплувату воду, що не може зигриты змерзлои на холоди людыны и не може остудыты ій спраглыхъ устъ у спеку. Не теплый и не холодный — ось його прокляття! Ось та печать, що ій поклала на його душу и на души тысячъ и миліонивъ людей доба реакціи. Винъ завжды бувъ чесною людыною, винъ завжды бажавъ добра людямъ, але жывъ якъ звьязаный, боявся переступыты миру, боявся чымъ-небудь выдилытысь зъ ряду другыхъ людей, щобъ не наклыкаты на себе за це кары администраціи, щобъ не дратуваты смилистю прыгниченои суспильности. И винъ засохъ и завьявъ, и колы прыйшла пора, що вымагала справжньои смилывои діяльности, то вже винъ бувъ на неи нездатенъ. Винъ умивъ тильки анализуваты, вышукуваты тини и бачыты хыбы у людськыхъ вчынкахъ, и въ серци його засило глыбоке зневирья. И, якъ невиру, його кыдають на тій никчемній середыни на половыни...

— Покыдьокъ!.. — у голосъ промовывъ винъ самъ до себе.— Не вартъ ты ничого!..

Але заразъ же звычна думка, мовъ вырнувшы звидкилясь, почала ткаты свою звычайну павутыну. Винъ, Трублаевычъ, ничого не зробывъ корыстного для суспильности, але ще не выдно, що зроблять Зембулатъ и ти, що зъ нымъ. Та й чы зроблять ще колы? Легко говорыты гарячи промовы, але важко проводыты въ життя навить дрибныци.

И гостра злисть спалахнула въ ньому проты Зембулата: уся прычына його несчастя крыется у тому прахвости, що такъ блыскуче вміе выкыдаты водограи новыхъ либеральныхъ сливъ и такъ нахабно грае своимы вытришкуватымы очыма! О, колы-бъ винъ мигъ заразъ зустритысь зъ нымъ!

И заразъ та-жъ зрадлыва думка мовъ заходыла зъ другого боку и доводыла, що хочъ-бы винъ и зустрився зъ Зембулатомъ заразъ, то ничого не зробывъ бы йому. Бо винъ не здатенъ на смилыви, незвычайни вчынкы, бо дуже винъ боится поговору, бо дуже винъ взагали мяхкотилый.

Винъ сыдивъ на берези и мнявъ розидраный конвертъ. Порвавъ його на клапти, кыдавъ ихъ по одному у воду и дывывсь, якъ каламутна прудка вода крутыла ихъ и несла геть.

Зъ того дня, хочъ навколо заходыла весна, на хутори стало ще сумнише. У Трублаевыча одпала заохота до всього, и винъ по цилыхъ дняхъ просыжувавъ або на кганку, або биля матери, роскладаючы на столи пасьянсъ. Сыдивъ и мовчавъ, и все про щось думавъ. И маты й Шура бачылы, що винъ нудыться, и старалысь усимъ догодыты йому, але винъ тильки сумно усмихався, бачучы ихъ ласку, и мовчавъ. Винъ покынувъ йиздыть на почту и тильки поверху пробигавъ очыма газеты, колы ихъ прывозывъ вмисти зъ докторомъ Гордій.

Одного разу, переглядаючы спыскы убытыхъ и раненыхъ, винъ стривъ прозвыще — Трублаевычъ. То б увъ Андрыкъ и повидомлялось, що його забыто у бою пидъ Мукденомъ.

Винъ, дывуючысь, що це не хвылюе його, ще разъ уважно перечытавъ ти слова буква по букви, мовъ упевняючысь, що такы правда тому, що винъ прочытавъ, и потимъ поклавъ газету й задумався. Андрыка убыто; якъ же теперъ буть, якъ про це сказаты сестри й матери? И йому здавалось бильше важнымъ те, якъ буты зъ сестрою й матирью, нижъ фактъ, що Андрыка немае, Андрыка забыто десь тамъ на чужыни, безъ усякои выны й прычыны. Бо и винъ уже давно звыкъ до тіеи думкы, що брата немае на свити, що це фактъ, а зъ такымы фактамы треба мырытысь. И винъ уже давно помырывся. Але що робыть зъ тымы, що не можуть мырытысь зъ фактамы?..

Сховавшы газету, одягшысь и сказавшы матери, що на цей разъ Гордій не прывизъ ій зъ почты, Трублаевычъ выйшовъ зъ хаты й поманывъ за собою Шуру. Воны пишлы лисомъ понадъ Кайданкою. Земля уже протряхла. Йшлы мовчкы.

— Що ты мени хотивъ сказать, Ивасю? — запытала Шура, колы воны одійшлы вже далеченько видъ дому.

— Я ничого не думавъ тоби говорыть, а просто хотилось трохы пройтысь зъ тобою. Дуже вже багато мы сыдымо въ хати, та й мій одпускъ скоро скинчытся. Пойиду звидциль, и не погуляю зъ тобою.

— А мени здалось, що ты щось хотивъ мени сказать...

— Що жъ, Шура, говорыть? Въ останни часы журюсь я за Андрыкомъ. Немае й немае про його ніякои звисткы, — сказавъ Трублаевычъ, одвертаючысь видъ сестры, неначе для того, щобъ зламаты гылку березы.

Береза хруснула, и въ його серци уперше писля того, якъ винъ прочытавъ про смерть брата, прокынулось якесь чуття и щось нибы увирвалось тамъ, и винъ почувъ, що може заразъ заплакаты.

— Мабуть зъ нымъ такы щось сталось, — додавъ винъ и замовкъ.

— Я такъ думаю, — задумлыво мовыла Шура. — Винъ мени снытся що-ночи и бильше все веселый та прыязный такый. Прокынусь и плачу.

Помовчалы трохы обое.

— А що-бъ мы, Шуро, робылы, колы-бъ Андрыкъ загынувъ на войни? Може-жъ це справди статысь!..

— Що-жъ робыть?.. Мы-бъ, не дай Богъ чого, поплакалы, посумувалы, та потроху-бъ и помырылысь, а отъ мама... Вона-бъ не перенесла цього!

— Ты такъ думаешъ?

— Я певна въ тому.

Чого боявся Трублаевычъ, того боялась и Шура, — значыть справди неможна говорыть про це матери. Але Шура... чы говорыты ій?

И Трублаевычъ поришывъ, що треба сказаты.

Воны йшлы понадъ невысокою кручею берега.

— Шурочко, давай сядемо тутъ! Тутъ сухо, — сказавъ Трублаевычъ и сивъ, спустывшы ногы зъ кручи.

Шура тежъ сила.

— Я бильше не буду таитысь видъ тебе...

Шура злякано подывылась на брата.

— Все одно треба знать.

— Що?

— Андрыка немае на свити.

— Що ты кажешъ?.. Ивасю!..

— Такъ. Въ сьогодняшній газети есть про це звистка.

— Я такъ и знала!.. Боже жъ мій, Боже-жъ мій!..

Шура схылылась на кручу й залылась сльозамы.

Зачувшы ти сльозы и бачучы, якъ сестра бьется всимъ тиломъ въ рыданни, Трублаевычъ не мигъ здержатысь и самъ заплакавъ.

— Шуро, Шурочко, не убывайся-бо такъ! Того, що сталося, повернуть не можно, — говорывъ винъ сестри и самъ почувавъ, що говорыть зайви слова и що не можно ніякою логыкою утышыты горя, що навалюется на симью и уже прыдавыло и його самого, й сестру...

Вернулысь воны до дому не скоро и поришылы мовчаты й ничого не говорыты матери про смерть Андрыка, бо сказать ій теперъ—значыть своимы рукамы убыты ій. Може згодомъ якось можно буде, пидготувавшы потроху, сказаты, що винъ умеръ.

Воны до вечера вештались по надвирью, тилькы на короткый часъ навертаючысь до хаты, щобъ маты по очахъ не помитыла, що воны бережуть видъ неи тайну. У вечери ляглы спать тежъ рано. На другый день маты завважыла, що у Шуры червони очи и спытала ій, чого вона плакала. Але Шура одмовылась, що вона не плакала, а у неи всю ничъ проболила голова, и вона не спала. Здалось, що маты повирыла. Та колы Гордій прывизъ дальнійшый номеръ газеты, и зновъ не знайшлось того номера, що мусывъ прыйты вчора, маты стурбовалась: а що, якъ одъ неи скрылы той номеръ?

Але вона никому не сказала про це и тилькы була неспокійна й нервова весь вечиръ и не спала ничъ. На ранокъ вона була жовта, якъ вискъ.

— Ивасю, ты-бъ сьогодни самъ пойихавъ на почту и роспытався, чы не задано куды нашого номера? — сказала вона сынови.

— А для чого винъ намъ? Ну, пропавъ одынъ и нехай пропадае!

— Ни, треба знайты, або добуть у сусидъ. Може жъ тамъ саме звистка про Андрыка.

— Ну, добре, я пойиду.

Здавалось, маты заспокоилась.

Але колы сынъ вернувся зъ почты й не прывизъ газеты, вона зновъ почала турбоватысь. И ій здавалось, що й сынъ и дочка щось видъ неи таять. Це вона бачыла по очахъ Шурыныхъ, по тому, що воны иноди мовчкы переглядаются мижъ собою и

выходять зъ дому. И маты поришыла шукаты газеты дома: вона тутъ, але ін не показують ій.

Одного разу, колы и Шуры, й Ивася не було въ хати, вона поклыкала Петровну й велила ій обдывытысь скризь и пошукаты газеты.

Петровна позносыла ій вси газеты, але того номера, якый бувъ потрибенъ, не знайшлось. Тоди пани велила переглядиты вси карманы у одежи Ивася и вси ящыкы й чемоданы.

Петровна рылась довго и въ чемодани знайшла якусь зибгану газету и прынесла ін пани. Та глянула на номеръ газеты и мовчкы велила выйты ій зъ хаты.

Номеръ бувъ той, що казалы, що винъ пропавъ.

На що жъ його сховано? Значыть тутъ, у цьому номери, и есть звистка!

Щось страшне й давно сподиване пидступыло до хворои, и ій здалось, що нибы й волосся на голови у неи заворушылось. Одніею рукою вона розгорнула газету и шукала очыма спыску забытыхъ и раненыхъ.

Спысокъ бувъ и досыть довгый.

Вона почала його чытать и не могла, бо буквы стрыбалы въ ін очахъ. Безсыло на хвылыну вона опустыла газету на колина и, закынувшы голову вгору, заплющыла очи, щобъ трохы заспокоитысь. Але це тильки було на хвылыну, и вона зновъ узялась за чытання.

Теперъ вона шукала тильки прызвыщъ, яки почыналысь-бы на „т".

— Трохыменко... Торубаевъ... Трублаевычъ!.. Андрій Трублаевычъ!..

Ій треба було верчутысь назадъ, щобъ дизнатысь, чы убыто, чы тильки поранено Андрыка.

— Убыто... — скрыкнула вона. — Боже жъ мій, що це таке, за що-жъ це?..

Газета упала до долу, а маты одкынулась на спынку крисла. Ій ничимъ було дыхать и вона уся тремтила.

— Петровна!.. гукнула вона не своимъ голосомъ, такъ що та почула ін зъ пекарни и кынулась на поклыкъ.

— Убыто!..

— Кого?

— Андрыка...—ледви вымовыла маты, бо сльозы душылы ін.

— Упокой, Господы, його душечку!..

— О, та що жъ воны зробылы, та за що жъ це?!.. Та де-жъ та правда въ свити!.. — рыдала маты. — Сыне мій, сыне, соколе мій, що жъ воны зробылы зъ тобою!

— Петровно!.. — звернулась разомъ пани до служныци. — Перехресты мене.

Петровна узяла праву хвору руку и перехрестыла нею стару пани, якъ хрестять малыхъ дитей.

— Упокой, Господы, раба твоего Андрія, — проказала маты, пидводячы вгору заплакани очи. — Дай, Господы, покой души його!.. А вы вси, по чыій выни убыто його, хто наклыкавъ оту войну, будьте прокляти!.. Будьте прокляти и на цьому й на тому свити!..

Маты забылась въ рыданняхъ. Петровни здалось, неначе вона ворухнула й виднятымы ногою й рукою.

— Пани, голубко, не побывайтесь такъ!.. Пожалійте себе!

— Що мени жалить себе, колы... колы...

Вона не договорыла за плачемъ.

— Поклычъ дитей сюды!

Петровна побигла за Ивасемъ та Шурою, але ихъ у двори не було. Вона побигла въ лисокъ и почала тамъ гукаты. Ивась озвався.

— Паныча убыто! — гукнула Петровна, побачывшы кризь дерева брата й сестру.

Що? Якого паныча?.. — разомъ спыталысь ти.

— Андрія Мыхайловыча... Андрюшу!

— Якъ? Хто тоби сказавъ?

— Пани сказалы. Клычуть васъ...

Братъ и сестра переглянулысь.

— Звидкиля-жъ вона дизналась? — спытавъ Ивась.

— У газети прочытала, въ тій, що у васъ въ чамайдани була.

— Такъ це ты їй дала? — накынувся Ивась на неи.

— Пани прыказалы обшукать скризь и позносыты имъ газеты. Велилы и въ чамайдани подывыться. Я й нашла...

— Эге, онъ що!.. Ходимъ скорише въ хату.

Воны ледви не бигцемъ кынулысь до дому.

— Що? видъ матери крытысь задумалы?.. — стрила ихъ маты.

— Мамочко!

— Голубочко!

Маты покывала головою.

— Усе одно. Дизналась, не сховалы!.. Ой, Боже, Боже, що жъ мени робыть? Краще-бъ я його маленькымъ своимы рукамы задавыла, та знала-бъ я, що лежыть винъ у земли, що не валяется непрыбраный у поли, що не грызуть його тила собакы! А, будьте вы прокляти!

Сынъ и дочка утишалы матиръ, але не було тыхъ сливъ, не було тіи сылы, щобъ утышыты ій горе, заспокоиты ій поранене серце. Воно, криваве, былось и здригалось, и не було на його ликивъ...

Надійшовъ вечиръ. У горныцяхъ засвитылы вси лампадкы. Пани велила запалыты передъ образомъ воскови свичи и сыдила въ своему крисли, мовъ надъ покойныкомъ. Въ хати було тыхо, и тильки чулысь ій зитхання. Ивась и Шура сыдилы по куткахъ и мовчалы, и колы несподивано почувся голосъ матери, воны разомъ здригнулысь.

— Лежышъ, ты, мій сыну, въ степу на морози.... Задубилы твои били рученькы, здеревилы быстри ниженькы, занимилы вустонька люби-прывитни!..

Вона хытала головою, немовъ схылывшысь надъ трупомъ сына.

— Лежышъ ты, мій сыну, де впавъ... И никому було ни пидвесты тебе, ни ранъ твоихъ кривавыхъ зявьязаты, ни крови твоеи гарячои спыныты. И замерзла вона на лютому морози... Замерзла кровъ моя!..

Маты здригнулась усимъ тиломъ, мовъ морозъ обхопывъ ій.

„Це Рахиль плаче объ дитяхъ своихъ“ — подумавъ Ивась. „Це та библійна маты, що плаче и не може утишытыся — одынока, осыротила.“ И винъ выйшовъ зъ свого кутка, прысивъ до нигъ матери, цилувавъ руку ій и мочывъ своимы сльозамы, бо серце його розмякло, якъ вискъ на огни.

А маты мовъ не помичала ни його, ни тыхъ слизъ. И, помовчавшы, зновъ заговорыла:

— Скосыла смерть мій цвитъ любый, пидтяла його: не цвиты на морози! Не нужно тебе снигу билому, не нужно тебе каминю холодному!.. Охъ, сыне, сыне!

Кожне слово падало, якъ капля крови, и пекло, мовъ розплавлене олыво. „Рахиль плаче за своимы дитьмы и не може утишытысь...“ И скризь, по всьому обшыри Россіи плачуть Рахили. Але колы Рахиль може тильки плакать, сыны ій повынни думать

про те, щобъ осушыты ти сльозы, щобъ у-друге не убывалы ïи дитей!

И кожне слово матери теперъ выклыкало у серци сына гнивъ и на себе, и на всихъ другыхъ, що безпечно спалы, береглы свои шкуры, и допустылы, що доведено ридный край до погыбели. Ни, такъ жыть не можна! Мовчаты й сыдиты смырно— це значыть и самому прыставаты до ворогивъ отчызны и самому наносыты серцю Рахили нови раны. Ни, треба иты туды, куды пишла Люба, куды йде Зембулатъ и други. Колы не буты вильнымы, то краще не жыты. Бо рабське жыття недостойне людыны!

И у серци Трублаевыча нарождалось якесь нове для його чуття, — бажання покласты свои сылы на корысть людямъ, бажання прынесты жертву. И здавалось, що у тій жертви повынна була буты мета усього жыття його, та до цього часу винъ уныкавъ видъ тіи повынности. Але теперъ пиде й прынесе свою жертву.

V.

Пидъ образамы горилы свичи. Палалы лампадкы. У горныцяхъ було душно и ничымъ було дыхать. И здавалось, що сюды, у ци невелыки й нызеньки кимнаты, зайшло горе и засило въ ихъ, и вже николы не выйде звидциль. Воно сыдило по куткахъ, дывылось и моргало своимы байдужнымы очыма зъ кожного затинка, и було йому любо й безпечно у цьому зтрухлявилому домку...

Воно сыдило й дывылось тысячею байдужныхъ очей на нещасну стару жинку, що не хотила лягать на лижко и все сыдила, обкладена подушкамы, у крисли. Дывылось на стомленыхъ, знесыленыхъ сына й дочку тіеи людыны... и моргало, и мовъ чогось ждало.

— Прокляти!.. будьте вы прокляти!.. Зъ усихъ краивъ позабиралы вы одъ материвъ сынивъ, видъ дитей батькивъ, видъ жинокъ муживъ и послалы ихъ на смерть. До васъ тильки брызкы летять! Дывиться: вы въ крови! Вы въ крови бративъ своихъ!.. И ничымъ вы ïи не змыете во викы!

— Мамо!..

Вона не слухала и, помовчавшы, почынала говорыты знов:

– Воны встануть, воны прыйдуть до васъ поранени, порубани, зъ одирванымы рукамы й головамы, зъ вырванымы бокамы й спынамы—воны прыйдуть до васъ и спытають: за що вы убылы насъ?.. Кровъ наша на васъ и на дитяхъ вашыхъ. Прокляти!..“

— Мамо, мамусю!..

Огныкы въ лампадкахъ здригаются и пидстрыбують, а зъ куткивъ и затинкивъ моргають очи горя.

— Бувъ у матери сынъ и його втягло у той выръ кривавый и його немае... О горе, горе!..

Горе чуе той окрыкъ, але не озывается и тильки байдуже блымае своимы очыма. Що йому? Воно зробыло свое дило и дали зробыть, колы прыйде часъ.

Годынныкъ цокае и одбывае хвылыны. Ихъ не личать люде, але ихъ личыть горе и терпляче дожыдае, покы прыйде його часъ, часъ новои жертвы.

Але де вона? Хто зъ трьохъ, чы вси заразъ?

Вси воны готови. Маты й дочка давно, а сынъ... тежъ давно! Винъ сыдыть, якъ закамъянилый. Мовъ гарячымы зализнымы буквамы въ його мозку выпалени слова матери, и йому згадуется те, що винъ вычытавъ сьогодни зъ лыста докторового брата, лыста видтиль, зъ того несчасного краю, писля Мукденського побоища:

... „Пережыто дуже багато,—пысавъ братъ.—Не можу зрозумиты, якъ рука смерти помынула мене, бо мене навить не ранено. Зъ 22 по 28 весь часъ нашъ полкъ бувъ у бояхъ. Досыть сказать, що 22 лютого мы ходылы въ аттаку симъ разивъ — зъ ранку до вечера и загубылы зъ полка 1354 салдата, а зъ офицеривъ у строю зисталось зъ 54 тильки 11, та й то трое „божевильныхъ“.

Видъ куль, гранатъ, шимозъ и пулеметивъ все гынуло навколо! Я, колы бъ бувъ вирующый, мигъ бы сказать, що мене оберегавъ Богъ.

Бой — це пекло.

Навколо — стогинъ, галасъ злобы, лютости, жаху, торжества; шумъ, свыстъ, скыглиння, шыпиння, гримъ, скрежетъ, плачъ, прыпадкы, клятьба, мольба, несамовытисть, молытвы; руйновыще, безладдя, трупы, кривави повязкы, падання, агонія, хрыпиння, сльозы радости, шаленый жахъ, мертвотна блиднисть, героизмъ— подекуды, частише — паника... И кровъ, кровъ повсюды й скризь!

...Я не знаю, — чы не сонъ це все?.. Бо тутъ розгадуется загадка жыття. И у всьому тому есть своя врода... И колы бачышъ пролытою свою кровъ, то тягне побачыть чужу... И було моторошно, и страшно, и весело, и прыемно.

О, яки мы ще звири — вси люде!..“

„Яки мы ще звири, яки безсердечни звири!..“—думае Трублаевычъ и пидраховуе, що двадцять другого лютого бративъ полкъ повыненъ бувъ иты въ резервъ, на одпочынокъ, и замисть того пишовъ у бой. И хто знае, чы знайшовъ смерть Андрыкъ видъ якоись першои кули, чы видбывавъ уси аттакы и повыненъ бувъ одступаты, може бигты середъ загальнои паники, упасты раненымъ и умираты пидъ ногамы своихъ же... благаты, простягаты рукы, хвататы за ногы озвирилыхъ шаленыхъ людей и умираты зъ останнимъ словомъ прокляття. Хто знае?..

Шура сыдыть нерухома. Уставыла очи въ кутокъ и не моргае навить, мовъ зачарована тымъ горемъ, що дывыться на неи изъ того кутка, и зъ усихъ щилынъ, дывыться тысячею очей.

И вси ти очи пронызують іи серце и холодять його, по капли видбырають снагу. И ій здается, що все оце сонъ, якась омана, що заразъ одчынятся двери и увійде Андрыкъ, але увійде не жывый, а тинь його. И вона боится глянуть на двери. Боится звесты очи на викна.

— Ось винъ увійде!.. Ось заразъ винъ увійде, — шепоче якыйся голосъ.

И двери видчынылысь, и въ ихъ увійшовъ Андрыкъ... Винъ безъ рукы й безъ плеча... Дывыться на неи и сміется:

— Прыйшовъ, ха-ха!

И вразъ падае до іи нигъ.

— Ай!.. — скрыкуе вона не своимъ голосомъ, зрывается зъ мисця й бижыть, мовъ не на своихъ ногахъ у другу кимнату и падае на порози.

Маты зъ несподиванкы тежъ скрыкуе, схоплюется зъ мисця и падае зъ крисла на помисть.

— Шура!.. Мамо!..

Трублаевычъ бижыть до матери, бере іи на рукы, якъ дытыну и, дывуючысь, що вона така легка, сажае іи зновъ у крисло, а Шура бьется въ корчахъ и плаче й регоче.

— Мамо, що зъ вамы? Васъ злякала Шура?

Але маты мовчыть, хоче сказаты йому щось и не може. Якъ блыскавка пронызуе мозокъ Трублаевыча думка, що зъ матирью повторывся ударъ.

— Петровно!.. Гордій!... — крычыть винъ у двери. — Скорище за докторомъ!

Але зъ пекарни нихто не одгукався. Тамъ давно уже сплять. Винъ кыдается туды, буде Гордія й прыказуе йихать по доктора.

Гордій пидвівся, сивъ на лави и сопе: винъ зъ просонку ничого не розуміе.

— Заразъ запрягай кони й йидь у Степанивку за докторомъ!

— Гордіе, Гордіе, — штурхае його за плечи Петровна, — панычъ кажуть: йидь за докторомъ!

Гордій прокыдается:

— Добре.

— Петровно, голубочко, ходимте зо мною: мами негарно, та й Шури... — благае Трублаевычъ Петровну. — Несить воды!..

И самъ бижыть туды, въ ти кимнаты, де пануе страшный прывидъ — горе.

— О, Боже мій, що робыты?..

. . . . . .

Уже свитае. Докторъ стоить биля лижка хворои и говорыть Трублаевычови:

— Ничого не можно зробыть... остання боротьба жыття й смерти — агонія. Чого я боявся, те й сталось: повторна апоплексія!.. Не руште іи, не руште!.

И бере стилець, сидае биля лижка и мовчкы дывыться на умирающу.

Трублаевычъ стоить у головахъ матери и стежыть за іи перерывчатымъ дыханнямъ и іи хрыпиння прымушуе здригатысь його серце. Чого-бъ винъ теперъ не давъ, щобъ вернуты жыття матери... Якъ бы винъ пестувавъ и голубывъ іи, винъ, що по чотыри рокы не бачывъ іи и по цилыхъ рокахъ не згадувавъ про неи.

Але немае тіеи сылы, щобъ вернуты ій жыття.

— Знаете, по правди, то мало було надіи на те, щобъ вона одужала. Кинець мусивъ буты все одно ранише чы пизнише, — говорывъ роздумчыво докторъ. — Оце ще одна жертва веснянои повиди... памьятаете?

Трублаевычъ хытнувъ головою въ ознаку згоды. Непиддержана розмова увирвалась. И якъ можно було Трублаевычови розмовлять теперъ про якусь повидь, колы умирала маты? Але слова доктора немовъ збудылы його уяву и йому ввыжалось, що щось велыке, незнане й непереможне, справди, якъ весняна кала-

мутна повидь, насувается на життя и ламае все, що попадется на його шляху, и заносе геть, невидомо куды...

Увійшла Шура, уся розбыта й зимнята, якъ зламана былына. Вона пидійшла до лижка матери, дывыться на неи й кывае головою.

— Прысядьте, Олександро Мыхайливно! — каже докторъ и пидставля ій стилець.

Стилець заторохтивъ по помосту и немовъ злякавъ на хвылыну тышу. Потимъ зновъ усе затыхло, и тильки було чуты важке, хрыпке дыхання хвороі . . . . . .

. . . . . .

Черезъ тры дни въ гайку, що стоявъ надъ шляхомъ, биля старыхъ могылъ, появылась свижа высоченька могыла, а въ старому домку бувъ обидъ. За столомъ сыдилы: пипъ, дяконъ, дячокъ, килька сусидъ и Трублаевычъ. Шура не прысидала до столу, а прыслужувала.

Духовенство смачно йило й пыло, гучно розмовляло й брязчало посудомъ, немовъ було заклыкане на якесь свято. Кадыльный дымъ змишався зъ дымомъ тютюннымъ, але Трублаевычови й Шури усе здавалось, що въ кимнати стоить важкый трупный духъ. Гости того не помичалы.

Дяконъ уже почавъ бувъ розсказуваты якыйся веселый анекдотъ, але пипъ спынывъ його и почавъ розмову на сучасни темы. Винъ выпысувавъ „Свѣтъ“ и бувъ велыкымъ патріотомъ.

— А якъ тамъ у васъ на пивдни мужыкы?—запытавъ винъ Трублаевыча, обгрызаючы кистку зъ курятыны.—Ворушатся, чы ни?

Трублаевычъ глянувъ на його.

— Якъ скризь,—сказавъ винъ.

— Такъ,—затвердывъ пипъ, кыдаючы кистку и вытыраючы масни губы.

— Отець Иванъ, выпьемо ще по одній?—запытавъ дяконъ.

— Налывайте. Такъ... Ну, а якъ вы думаете, що зъ цихъ розрухивъ буде?—выпытувавъ винъ Трублаевыча.

— Важко сказаты, що саме буде,—неохоче одповивъ той.

— А а знаю, що буде! прыцмокнувшы, промовывъ отець Иванъ,—лоза переведется вся чысто въ нашому царстви!

Дяконъ и дякъ зареготалысь.

— Чысто вырубаютъ усю, якъ почнуть пороть бунтаривъ,— продовжувавъ розмову отець Иванъ.—Вы, якъ у васъ есть де лоза по Кайданци, попрыбережить іи: добри гроши матымете!

— Ге-ге-ге!.,—зареготавъ дяконъ.

— Кару на тило одминено закономъ, и нихто не сміе сикты людей,—суворо, ледви здержуючы свій гнивъ, одмовывъ Трублае-вычъ.

— Законъ—то дарма,—сказавъ дяконъ.—Онъ уже тры села перепоролы на слидстви: въ Собынцяхъ, Гнылій та Дмуханивци. Що сахарный заводъ спалылы...

— То беззаконіе и воно мусыть буть покарано.

— Ого, беззаконіе!.. А палыты заводы не беззаконіе, а грабуваты панськи коморы та клуни не беззаконіе?—спалахнувъ отець Иванъ.—Колы мужыкы законъ переступылы, то й начальство може переступыть.—Помылуйте: тамъ, у Манчжуріи война, коженъ бы повыненъ останній свій гришъ виддаты на неи, кровъ свою пролыты за честь и славу ридного краю, а воны бунтують... Я-бъ ихъ самъ усихъ перепоровъ!

— Ге-ге-ге!.. Засукуйте, отче, рукава та прыймайтесь за роботу!—засміявся пидпылый дяконъ.

— И прыймусь!—роздратовано гукнувъ отець Иванъ.—Тебе першого выпорю!..

— Овва! Рукы коротки...

— Побачымо.

— За що жъ це такый гнивъ?

— Знаемо за що!

— Цикаво було-бъ знаты!

— Багато знатымешъ, скоро зистаріешся... Чувъ?

— Чувъ. То може ще по одній выпьемо?—пишовъ на згоду дяконъ.

— Налывай! Духовни пьють, а чого-жъ мыряне не пидтрымують? Давайте вси выпьемо за упокой новопреставленои рабы Божои Олимпіады.

Выпылы й закусылы. Уси булы и найидени, й напоени.

Отець Иванъ повагомъ пидвився й похоплыво забурмотавъ молытву:

— Жывымы и мертвымы обладаяй...

— Во блаженномъ успеніи,—забасывъ дяконъ, проковтуючы останній шматъ мняса,—вѣчный покой подаждь, Господи...

— Вѣчная память, вѣчна-а-я память, вѣ-ѣ-ѣчная память,— проспивавъ гуртомъ увесь клиръ.

Обидъ скинчився. Духовенство й сусиды ще посыдилы килька часу, покурылы, побалакалы й розийхалысь. Трублаевычъ розчынывъ настижъ уси викна и выйшовъ зъ хаты.

Уже бувъ блызько вечиръ. На заходи рожевилы весняни хмары и въ рожевому сяеви стояды березы, роспускаючы свои довги брунькы. Молодши зъ ихъ уже почалы зеленить.

Трублаевычъ пишовъ на могылу матери. И йому дывно бачыты свижу горку зъ писку и прызнаваты, що це могыла матери, що вси думы, уси болп, страждання дорогои людыны закинчылысь отіею купою сырого писку.

Винъ узявъ зъ могылы соснову торишню шышку и видкынувъ ін геть. Повызбиравъ и поодкыдавъ и други шышкы й лыстя, шо замишалысь у писокъ. Йому хотилось, щобъ могыла була чыста й непорочна, щобъ нічого на ній не було такого, щобъ нагадувало про непорядокъ, нечысть. Потимъ винъ знайшовъ и зирвавъ килька стеблынъ ще нерозквитлого рясту и поклавъ ихъ на могыли тамъ, де повынни булы буты груды материны.

Було тыхо, и прохолода, весняна бадьора прохолода, обгортала все—и землю, и рослыны, й дерева. И Трублаевычови теперъ здавалось, що й краще, що маты опочыла и лежыть тамъ, у земли, у прохолоди: тамъ ій спокійнище. Не будутъ ін мучыты думкы, не краятымется наболиле серце, заспокоятся намучени нервы. Бо усьому есть мира и всьому повыненъ буты край. Повыненъ буты кинець и мукамъ людыны. И Трублаевычови здавалось въ цю хвылыну, що смерть не страшна и навить бажана, що смерть не зло, а благо, якъ прыродный кинець истнування.

— Вичная память тоби, ненько! Спы спокійно, скоро й мы прыйдемо до тебе.

Винъ пишовъ у лисъ и тамъ ходывъ до смерку и все думавъ про жыття и смерть, про велыку загадку, що зъ викивъ стоить передъ людьмы и буде до вику стояты передъ нымы нерозгаданою.

VI.

Трублаевычъ вернувся зъ одпуску немовъ увесь покаличеный и физично й морально. Винъ утикъ зъ хутора заразъ же

якъ тильки можно було йому писля похорону матери. Шура зосталась на якый часъ сама, щобъ трохы упорядкуваты хозяйство и йихаты до його въ городъ на одпочынокъ, а може й зовсимъ на жыття. Цього воны ще не поришылы.

Для Трублаевыча знова почалось звычайне жыття: банкъ, чытання газетъ и часописивъ, розмовы на сучасни темы, сперечання й сваркы, обрàзы самолюбства—та нервова товчія, що мае назыще жыття интеллигентного. Винъ зъ важкою головою увечери лягавъ спать и однаково зъ важкою головою прокыдався вранци, и серце його завжди мовъ було чымъ здавлене.

А жыття, якъ и перше, було каламутне й неспокійне и грало якъ молоде выно. Ще не можно було зовсимъ ясно пробачыть певныхъ перспективъ, хочъ уже выдно, що наблыжается кинець реакціи, що бюрократію тежъ поняло весняною водою й розмывае й шарпае іи, и вона уже не може устояты проты натыску смилывыхъ и непереможныхъ новитныхъ течій. Вона ще крипылась, вона ще змагалась, вона ще вела давно програну войну и дома, и тамъ, на Далекому Сходи, вона послала останню эскадру, поставыла, якъ завзятый, запальный грокъ, на конъ останній червонець и ждала, що слипе счастя перейде на іи бикъ. И та эскадра, зарани оплакана й похована у водахъ океану и своимы й чужымы, друзьямы й ворогамы, блукала десь у далекыхъ моряхъ.

И вси ждалы морського бою. Ждалы зъ жахомъ.

А тымъ часомъ суспильство гуртувалось, выроблялись програмы, заводылись спилкы, легальни й нелегальни, и вси воны малы своею метою вызволення народу зъ политычнои неволи, прыдбання громадськыхъ правъ. Проты цыхъ сылъ гуртувалысь други протылежни сылы и то тутъ, то тамъ спалахувалы кривавы огни.

Городъ, у якому жывъ Трублаевычъ, бувъ здавенъ тыхымъ, сонлывымъ мистомъ, але й винъ прокынувся, и въ йому найшлы собы одгукъ усы сучасни течіи. Навить Донда и той, писля несподиваного для його арешту сына, обурывся проты „бюрократіи“ и розносывъ іи не гирше, нижъ евреивъ. Хочъ по головній його думци всьому булы выннi все-жъ такы евреи... И винъ ждавъ, шо ихъ отъ-отъ будуть быть.

Трублаевыча знова помалу втягло у выръ того скаламученого жыття, але винъ теперъ не анализувавъ такъ однобоко кожне зъявыще, коженъ фактъ, и не вышукувавъ у прогрессивныхъ напрямкахъ Ахылесовыхъ пятъ,—винъ знавъ, що воны есть у

кожній справи. Винъ сказавъ соби разъ назавжды, що прогрессъ краще регрессу, що воля краще неволи и що треба жаднымъ способомъ добыватыся того, що такъ яскраво стало передъ очыма суспильства... Теперъ йому було ни за кого и ни за що боятысь: доля одибрала у його матиръ, брата и Любу. Теперъ прыгода зъ нымъ никого не вразыть. И теперъ винъ дывувавъ смилистю и безповоротнистю поглядивъ своихъ попереднихъ спильныкивъ по думкахъ и ворогивъ. Винъ зновъ зійшовся зъ Билогрудомъ и другымы смилывымы и нерозважнымы людьмы и завивъ зносыны зъ гуртамы молодижи. Винъ почувавъ, що весняна повидь захоплюе його усього и виддався ій цилкомъ. „Що буде, то й буде“—думавъ винъ, „нехай ця довго ждана повидь занесе й мене зъ собою, але вона прынесе людямъ нове жыття, краще и тымъ, хто буде жыть писля насъ, буде легше дыхать и вильнише жыть“.

Люба уже давно выйшла зъ тюрмы, бо за нею не було знайдено ніякои справжньои выны, але Трублаевычъ не стривався зъ нею, бо вона выйихала зъ городу до Одесу, до родычивъ. Трублаевычъ добре знавъ, що цього намагався и таки добывся батько, щобъ одлучыты іи видъ мисцевыхъ знайомыхъ. Винъ сподивався, що въ другому городи, пидъ доглядомъ титкы, вона одумается.

Зембулатъ ще сыдивъ у тюрми, але була чутка, що и його скоро выпустять.

Трублаевычъ сылкувався не думаты про Любу, гнавъ видъ себе згадкы про неи, але не мигъ ничого зробыты. Ни громадська, ни банкова робота не моглы захопыты його усього цилкомъ. Не було того дня, щобъ образъ іи не майнувъ передъ нымъ, не осмихнувся йому, не кынувъ йому поважного замысленого погляду, не опикъ його несподиваною искрою зпидъ темныхъ вій. А колы винъ зоставався на самотыни,—чы де въ парку, чы на бульвари, чы дома у себе,—вона завжды була зъ нымъ. Воны розмовлялы урывкамы, розумiючы одне одного зъ пивслова, и мовчалы, и зновъ розмовлялы. И у Трублаевыча щемило й ныло серце: винъ все-жъ такы не мигъ вернуть іи, вона була чужа. И не мигъ одректысь одъ неи...

Килька разивъ винъ збирався пойихаты до Одесу, побачытысь зъ нею, побалакать, и може винъ вернувъ-бы іи собы. Та винъ заразъ же гнавъ видъ себе спокусу: того николы не може буты въ той часъ, якъ Зембулатъ сыдыть у тюрми. Винъ теперъ для неи дорожшый, нiжъ колы небудь у другый часъ, теперъ

винъ герой для неи... Ім вси думкы биля його. И йому хотилось, щобъ и винъ бувъ кому-небудь дорогый и любый.

Одного разу, колы винъ сыдивъ на самотыни въ глухому кутку мійського парку и думавъ про Любу, до його пидійшла Дубраевська. Вона була легко й гарно одягнена и була гарна собою. Довге пидстрыжене волосся надавало ій интелигентности, а легка хода, пры досыть высокому зрости, свидчыла про ій физычну сылу и гарне здоровья.

Трублаевычъ пидвився зъ мисця на зустричъ ій, прывитався, и воны зновъ силы на тій самій лави удвохъ.

— Онъ куды вы забралысь!—говорыла, дывлячысь у вичи Трублаевычови Дубраевська.—И я люблю це мисце. Тутъ гарно.

— Иноди я тутъ просыжую довгенько, колы...—винъ зупынывся.

— Колы...—пидсказала Дубраевська и пидняла бровы, ждучы продовженя його фразы.

„У неи гарни й добри очи“—подумавъ Трублаевычъ и, осмихнувшысь, сказавъ:

— Колы есть до того заохота.

— Ну звычайно!.. Тильки вы хотилы сказать щось друге. А про те розумію...—сказала вона зъ лукавою усмишкою.—Колысь було прыемно сыдиты тутъ... и не одному, а теперъ—солодки й спогады!

— Чому такъ, що спогады?

— А такъ, вамъ краще знать.

— Не розумію.

— Не розумієте? Ну, колы хочете, я вамъ розскажу казочку... Хочете?

— Кажить, послухаю.

Дубраевська зъ хвылыну зновъ подывылась на його лукавымъ поглядомъ, вышукуючы, якъ зручнише почать свою казку.

— А вы не розсердытесь?—спытала вона.

— Ни, колы... вы не розсердыте.

Дубраевська засміялась и одкынулась на спынку лавы.

„Вона гарна й весела“—поришывъ Трублаевычъ и имъ заволодивъ якыйся чудный настрій: хотилось, щобъ Дубраевська сказала йому, що любыть його.

— Тильки цуръ зъ умовою—сказавъ винъ:—вы розскажете мени казочку, а я вамъ.

— Добре!—видповила Дубраевська и пидморгнула по-товарыськы.—Добре. Слухайте! У одному городи жывъ одынъ чоловикъ...

— Такъ: у одному городи жывъ одынъ чоловикъ... И невже тильки одынъ?

— Иване Мыхайловычу, не перебывайте, а то я розсердюсь!

— И не докажете казкы?

Дубраевська засміялась.

— Ну, такъ ото жывъ одынъ чоловикъ. Бувъ винъ молодый и гарный, але самитный и суворый на поглядъ, хочъ не бувъ такымъ у души.

— Замитымо: не бувъ такымъ у души.

— Иване Мыхайловычу, не перебывайте!

— А то будете гниватысь?

— Буду.

— Ну, я не буду.

— То-то, дывиться. Не було у того чоловика у тому городи ни родыны, ни блызькыхъ людей товарышивъ, и жывъ винъ, мовъ у пустыни.

— А казка ваша зъ настроемъ!

Дубраевська не звернула увагы на слова Трублаевыча и говорыла дали:

— Ни до кого було йому прыхылытысь серцемъ у тій пустыни, и наглядивъ винъ молоду дыку горлычку, и прыручывъ ій до себе. Росповидавъ винъ дыкій горлычци про свое жыття, про свои смуткы, росповидавъ про те, якъ важко жыты въ пустыни поодынокымъ людямъ, такымъ, якъ винъ, и вона, покы у неи не выросльі крыла, стрыбала биля його, турчала и зазырала йому въ вичы. И полюбывъ винъ ту дыку горлыцю, якъ свою душу. Але одного разу на тимъ дереви, пидъ которымъ турчала горлыця, затурчавъ свою писню дыкый голубъ. Спурхнула горлычка до того голуба и полетилы далеко-далеко и не верталысь уже до одынокого самитного чоловика. И стало його жыття писля того ще самитнійшымъ и сумнійшымъ.

Дубраевська зупынылась.

— Що жъ дали? — запытавъ Трублаевычъ, и въ голоси його уже не було й тини жарту.

— Що дали? А жыве й доси у тому городи той чоловикъ, и журыться, и поты журытымется, покы не забуде про тую горлыцю.

— Такъ.

— Ну, теперъ вы скажить свою казку.

— Я свою забувъ.

— О, ни, вы повынни іи прыгадать!

— Ну, слухайте.

Трублаевычъ замыслывся. Дубраевська ворухнула въ його души саму найчутлыву струну, и вона задзвенила и наповныла його душу сумомъ.

— Моя казка буде про того-жъ самого чоловика. Якъ одлетила та горлыця и тяжко сумувавъ той чоловикъ, то одного разу въ ночи чыясь рука пидкынула йому якыйся струментъ. Бувъ подибенъ той струментъ до серця людського, и колы його хто зачыпавъ, то зъ його вылиталы таки сумни згукы, що той чоловикъ плакавъ. Зачыпалы той струментъ зли люде, зачыпалы и просто цикави. Навить, колы просто подмухавъ на його витеръ, то и витеръ выклыкавъ ти сумни мелодіи и згукы. Одного разу прылетивъ и сивъ на той струментъ вродлывый метелыкъ. Нижно винъ доторкувався своимы лапкамы до струнъ и воны задзвенилы ще сумнише, ще жалибнише, нижъ колы до ихъ торкалысь зли и просто байдужи, але цикави люде...

— Иване Мыхайловычу!.. Буде, не розсказуйте дали своеи казкы, — сказала Дубраевська и облыччя іи стало сумне й стурбоване.

— Чого?

— Такъ. Дуже вона сумна.

— Вамъ здается?

Винъ осмихнувся и взявъ іи за руку.

Вона стыснула його руку.

— Простить мене... Я не хотила, я не сподивалась того...

— Ничого, Соломіе Францовно, може колы той чоловикъ и про голубку забуде, и той струментъ геть выкыне.

— Дай йому Богъ!

— Справди? — осмихнувся Трублаевычъ, зводячы на жартъ те, що тильки-що сталось.

Дубраевська вся счервонила и тежъ засміялась, здавыла ще разъ йому руку й выхопыла іи зъ його рукы.

— Дай Богъ! Свитъ шырокый и веселый и замисто того города-пустыни есть гарни людяни й весели города.

— Пойидемо шукать такого города? — запытавъ Трублаевычъ, и неможно було вгадаты, жартуе винъ, чы навсправди каже.

— Пойидемо! — одповила вона тымъ же тономъ.

— Справди?

— Справди.

— А колы жъ збираться?

— Колы завгодно!

Винъ узявъ и крипко стыснувъ ii руку.

— Трохы пидождемо, — сказавъ винъ просто й тепло, побратерськы. — Нехай у того чоловика загоятся хочъ трохы раны.

— Добре.

Все сталось такъ разомъ и такъ несподивано, що колы Трублаевычъ проводывъ Соломію до дому и зостався самъ на вулыци, то винъ спытавъ себе: чы справди таке сталось? И повыненъ бувъ сказаты, що руль на човни його жыття круто повернувъ въ другый бикъ, и човенъ мавъ плысты теперъ другою дорогою.

Писля того дня Трублаевычъ стривався зъ Дубраевською частише нижъ ранишъ, але ни винъ, ни вона не згадувалы про розмову въ парку. Воны немовъ мовчкы згодылысь не говорыты ничого про те, що воны зналы тильки вдвохъ, и ця тайна еднала ихъ. Дубраевська поришыла терпляче ждать, покы „загоятся раны сумного чоловика."

Та раны не загоювалысь, и вона це бачыла.

Вона знала, що Трублаевычъ уже разъ писля ихъ розмовы йиздывъ у Одесъ, и знала, чого винъ шукавъ тамъ и кого хотивъ побачыть. Та йому не поталаныло зустритысь зъ Любою, и це тильки бильше розворушыло його раны. Винъ засумувавъ ще тяжче, и хто подывывся-бъ на його, той сказавъ-бы, що це хвора людына.

А жыття не заспокоювалось. Пидійшла Цусымська катастрофа. Флотъ, на якый такъ багато покладалось надій тымы, хто його послявъ, загынувъ пры Цусыми. Броненосци, мовъ розбыти чавуны, одынъ за однымъ пурнулы на дно моря, а яки зосталысь цили, ти поспускалы свои корогвы и здалысь въ полонъ. Теперъ уже убытыхъ и потопленыхъ нихто не рахувавъ, переличувалы тильки броненосци та крейсера.

Ганебнійшои подіи ще не було зъ початку войны.

Але суспильнисть уже мало турбовалась и хвылювалась такымы подіямы. Теперъ стало ясно навить для слипцивъ, що война програна по всій линіи, не зоставалось ни краплы надіи. И думкы суспильства зъ Манчжуріи повернулысь назадъ, — до дому. Вси зрозумилы, що прычына такыхъ нечу-

ваныхъ невдачъ ховается не тамъ, на Далекому Сходи, а тутъ, дома. Теперъ уже не було про це двохъ думокъ.

И зновъ усе забурлыло, забродыло зъ новою сылою.

Ждалы чогось такого, чого ще не було. Лягалы спать зъ думкою, що може доведется прокынутысь зовсимъ у другому стани, пры другыхъ порядкахъ. Нервова напруженнисть доходыла до краю.

Трублаевычъ ходывъ звычайно въ банкъ, але йому здавалось, що може трапытысь, що завтра або пислязавтрого не треба буде иты въ банкъ, а доведется робыты щось нове, велыке и страшне. И колы винъ думавъ про це, йому хотилось буты биля Любы, стояты рядомъ зъ нею. Про Соломію тоди винъ забувавъ и розмову въ парку почытавъ помылкою.

И Трублаевычъ зновъ пойихавъ у Одесъ.

Ничъ була, колы винъ йихавъ, тыха й зоряна, и винъ до свиту проходывъ по чердаку парохода, думаючы про Любу и думкою розмовляючы зъ нею. Теперъ винъ поришывъ неодминно найты ій и переговорыты напрямкы. Теперъ и Зембулатъ бувъ на воли, и зъ цього боку винъ бувъ спокійный: шансы ихъ булы однакови. Колы тоди винъ не мигъ безоглядно виддатысь громадськымъ справамъ, то теперъ винъ може. Теперъ жертва не страшна для його.

А внутришній голосъ все-такы говорывъ йому, що даремно винъ йиде, що марни його сподивання, и йому було важко й соромно за себе.

VII.

Въ Одесъ Трублаевычъ прыйихавъ ранкомъ. Ще по дорози въ гостыныцю видъ звощыка винъ почувъ, що въ городи покынулы роботу хлибопекы и ще якись ремисныкы и збираются шабашыть конкы. Але не звернувъ на це увагы, бо таки подіи въ останни часы зробылысь повсюднымы.

Винъ узявъ соби номеръ, переодягся, напывся чаю и пишовъ шукаты Любу.

— Вы зновъ до насъ завиталы? — запытавъ його, видчыняючы двери гостыныци, старшый швейцаръ. — Не побоялысь?

— А чого-жъ боятысь?

— Будьте обережни, — въ городи не такъ-то спокійно. Знаете, хлибопекы... майстеровi. Колы-бъ чого не сталось, якои бучи.

— Вы думаете?

— Вси мы такъ думаемо и перестерегаемо своихъ жыльцивъ.

— Ну, ничого. Якось обійдется... Я не надовго, — сказавъ Трублаевычъ и выйшовъ на вулыцю.

Було ще рано и йты до титкы Любы було незручно, та винъ и не знавъ ии адресы. Треба було дизнатысь про неи. Винъ пишовъ у адресне бюро. Тамъ йому подалы певну адресу. Кватыря титчына була не такъ далеко, и можно було не поспишатысь иты, але Трублаевычъ подумавъ, що колы прыйде нерано, то може й не застаты Любы дома, и заразъ же помалу пишовъ шукаты названу йому вулыцю й номеръ дома.

По дорози винъ прыдывлявся до людського натовпу и нычого надзвычайного въ йому не помичавъ: кожне затурбоване похапцемъ бигло кудысь, не звертаючы увагы на другыхъ, и тильки газетяри та телеграмщыкы кыдалысь до кожного, видъ кого можно було сподиватысь, що винъ купыть газету або телеграму, и протягалы рукы зъ свиже-выдрукованымы велыкымы аркушамы.

— Газеты сьогодняшни!.. Перши телеграмы!..

Трублаевычъ купывъ и перебигъ очыма газету. И тамъ говорылось, хочъ досыть глухо, про те, що де-яки майстеровi пошабашылы и домагаются прыбавкы заробитнои платы.

Знайшовшы кватырю, де жыла Любына титка, Трублаевычъ подзвонывъ.

— Дома Любовъ Мыколаевна Говорецька и можно ии бачыть?— запытавъ винъ покоивку, що выбигла до його.

— Ни, панночкы немае дома, — видповила дивчына.

— А колы буде?

— Не знаю.

Роспытавшысь и розсказавшы, хто такый винъ самъ, Трублаевычъ довидався, що Любы уже немае дома два дни, и що нихто не знае, де вона, и титка ии дуже тымъ стурбована.

Цього Трублаевычъ не сподивався. Вси до одниеи речи Любыни булы у титкы, и тильки ии самои не було дома. Зныкла, мовъ кризь землю провалылась.

— А ранишъ бувало такъ колы-небудь? — спытався винъ.

— Було вже одынъ разъ.

Трублаевычъ знызнувъ плечыма. Винъ пообищавъ навидатысь ще разъ у-вечери и пишовъ ходыть по городу. У його була потаенна думка, що може винъ де зустрине ій.

Винъ пройшовъ найбучниши улыци, спустывся до прыморського бульвару, подывывся на море, на портъ. Все мало звычайный свій выглядъ, скризь метушылысь люде, свыстилы паровозы, гулы гудкы, гремилы зализни пидвагы на пароходахъ, хапаючы купы ящыкивъ або куливъ, пидносячы ихъ вгору и зновъ спускаючы. И ввесь портъ повывавъ дымъ.

Посыдывшы килька часу на бульвари, Трублаевычъ зайшовъ у ресторанъ поснидаты. Винъ знайшовъ соби окреме мисце въ кутку и сивъ, дожыдаючы, покы подадуть йисты.

— Пане Трублаевычъ! Иване Мыхайловычу! — гукнувъ до його хтось зъ прысутнихъ.

Трублаевычъ повивъ очыма по зали. Все булы незнайоми люде, колы зъ-за одного зъ столивъ пидвився якыйся чоловикъ и пидійшовъ до його.

Трублаевычъ упизнавъ у йому доктора Левандовського, що рокивъ за тры передъ цымъ выйихавъ зъ города, де жывъ винъ, до Одесу.

— Не пизнаете? — запытавъ винъ.

— Ни, пизнаю, — одповивъ Трублаевычъ, пидводячысь зъ стильця и протягаючы назустричъ докторови руку. — Але ніякъ не сподивавсь зустриты васъ.

— Ге, гора зъ горою не сходытся, а люде товчутся завжды на одному мисци!—весело гукнувъ докторъ.—Вы надовго до насъ?

— Днивъ на два.

— То прошу васъ до мене сьогодни увечери. Посыдымо, побалакаемо.

Трублаевычъ пообищавъ зайты, колы буде вильный. Левандовськый сказавъ свою адресу. Винъ уже поснидавъ и, розглажуючы свою довгу, чорну якъ смоль, бороду, збирався бигты кудысь на практыку..

— Такъ я-жъ буду ждаты васъ, — сказавъ винъ, прыймаючы видъ лакея свои брыль и палыцю.

— Якъ можно буде, то неодминно буду,— запевнывъ Трублаевычъ.

— Теперъ, знаете, у насъ дуже цикавый часъ! — кынувъ докторъ, прощаючысь зъ Трублаевычемъ.

И винъ выйшовъ зъ залы, ставный и жвавый не по литахъ.

Трублаевычъ давно знавъ його. Це була жыва й запальна людына. Винъ чуло видгукався на вси подіи, усимъ цикавывся и скризь, де винъ появлявся, вносывъ зъ собою якесь прыемне ожывленя. Колы почыналысь суперечкы, то нихто не мигъ такъ скоро й зручно ихъ улагоджувать, якъ докторъ Левандовськый. Трублаевычъ поришывъ неодминно пійты до його.

Винъ цилый день проблукавъ по городу, вдывляючысь у кожне облыччя, але Любы не стривъ. Та й важко іи було зустриты, колы вона, хочъ и була въ городи, та не хотила, щобъ іи хтось бачывъ, хтось стежывъ за нею. Але вона могла й просто выйихаты зъ города до когось на дачу. Це було дуже похоже на праву.

Увечери Трублаевычъ пишовъ до Левандовського.

— А знаете, зъ вашыхъ у насъ у городи ще де-хто есть. Оце недавно я зустривъ Зембулата зъ якоюсь панною,—сказавъ Левандовськый, колы воны прывиталысь и увійшлы въ його кабинетъ.

Зембулата? А вы його знаете? — здывувався Трублаевычъ..

— А якъ-же! Винъ вчывся у нашому университети. Хлопчына гарный и ватажокъ зъ його чудесный. Я казавъ йому, и винъ може зайде сьогодни до мене.

Трублаевычъ хотивъ запытать, яка панна була зъ Зембулатомъ, але зразу не наважывся. Винъ боявся, що Левандовськый помитыть, що винъ дуже цикавытся тіею панною. Але трохы зперегодомъ винъ спытавъ:

— А не помитылы вы, що за панна була зъ Зембулатомъ?

— Щось мени незнайоме. Здается не одесситка: вродлыва, чорнява дивчына, досыть высокого зросту... волосся у неи роскишне.

Трублаевычъ не сказавъ ничого, але поришывъ, що то Люба. Зембулатъ прыйихавъ, щобъ побачытысь зъ нею, и можно було думать, що вона утекла винъ титкы на цей часъ. Може утекла й не для того тильки: въ городи сподивалысь велыкого заколоту, и вона могла прыняты участь въ його пидготуванни.

Але Левандовськый не давъ йому довго розмирковуваты. Винъ роспытувавъ його про те, якъ стоять робочи и други пытання въ городи, звидкиль прыйихавъ Трублаевычъ; роспытувався, дизнавшись, що Трублаевычъ недавно йиздывъ до дому, якъ тамъ стоять справы по селахъ, и розсказувавъ, чого сподиваются въ Одеси. Писля цусымськыхъ подій и тутъ все зновъ заворушылось зъ новою сылою. Булы неспокійни вси верствы робочого люду, и вже де-яки купы й гурты шабашылы, але вся сыла була въ порту и портъ уже не мовчавъ...

— Не знаю де якъ, а у насъ цусымська катастрофа не обійдется даромъ,—говорывъ Левандовськый: — уси роздрочени нею, мовъ осы. Окримъ того й багато одеситивъ загынуло тамъ.

Слухаючы доктора, Трублаевычъ подумавъ, що якъ незважно зробывъ Говорецькый, що саме въ цей часъ пустывъ дочку сюды.

— Та що вы такый сумный та вьялый? — запытавъ його раптомъ Левандовськый. — Немовъ вы що загубылы, чы чого шукаете, чы чого ждете?

— Я? Я заразъ такый, якъ буваю завжды.

— Ни, не такый...

Але имъ не довелось довесты розмову до краю, якъ у кватырю доктора ускочывъ якыйся новый чоловикъ: высокый и сухорлявый, зъ довгымы рукамы й ногамы, мовъ у коныка. Винъ ходывъ мовъ на ходуляхъ и безперестанно розмахувавъ своимы кистякуватымы рукамы. Це бувъ знайомый Левандовського — Золотныцькый. Докторъ познайомывъ ихъ.

— Чулы вы? — скрыкнувъ винъ ще зъ порога. — Чыталы?— показавъ винъ клаптыкъ папиру.

— Що таке? — спытався докторъ.

— Оци вирши.

— Яки?

— Вирши Латанського... Гымнъ смерти.

— Ни.

— Ну, такъ слухайте!

Золотницькый ставъ биля лампы такъ, що йому можно було побачыть написане, выривнявся и, незапынаючысь, прочытавъ ци вирши пидъ заголовкомъ *„Morituri salutant.“*

Левандовськый и Трублаевычъ слухалы мовъ загипнотизовани.

— Що? — запытавъ Золотницькый, обводячы поглядомъ ихъ обохъ и зморгуючы очыма, мовъ и самъ вызволяючысь зъ гипнозу.

— Гарно! Чудесно!— скрыкнувъ Левандовськый и потягся за виршами. — Дайте ихъ сюды.

— Мицно, чудесно написано!..

— Дайте мени перепысать ци вирши,—сказавъ Трублаевычъ. — Можно?

— А чого-жъ? Можно, — видповивъ Золотницькый. — Воны теперъ скризь ходять.

Трублаевычъ перепысавъ. Ци вирши зробылы на його велыке вражиння и здавалысь йому доповненнямъ до лыстивъ брата зъ войны. Може й Андрыкъ, раненый на смерть, бачывъ у хвылыни скончання той лютый прывыдъ и посылавъ ти прокляття.

— Ну, вирши виршамы, — говорывъ, ходячы по кимнати, Золотницькый,—а жыття жыттямъ; колы не на завтра, то на пислязавтра збирается таке, чого ще може й не було у насъ!

И винъ розсказавъ, чого сподиваются въ городи. Винъ повторывъ те-жъ, що чувъ Трублаевычъ видъ швейцара и Левандовського. Вси говорылы въ одно. Насувалась гризна хмара, и все мовъ прытыхло, ущухло, мовъ збиралось зъ сылы.

Вертаючысь въ-ночи въ номеръ по затыхлымъ вулыцямъ, Трублаевычъ шовъ обережно, мовъ боячысь порушыты тышу, розбудыты ии, хочъ справжньои тыши й не було: городъ по всьому свойому обшыри торохтивъ и турчавъ видъ тысячъ колисъ, що котылысь по йому, и топота копытъ,—тильки винъ торохтивъ менше, мовъ дримавъ. У порту переклыкалысь пароходы сыплуватымы басыстымы голосамы и мовъ щось змовлялысь промижъ собою...

На ранокъ Трублаевычъ зновъ поришывъ шукаты Любы, хочъ у його вже не було надіи на те, щобъ йому була яка корысть зъ ихъ зустричи. Хотилось довесты справу до краю, хотилось просто побачыты іи, подывытысь на неи. И на другый день винъ зновъ зайшовъ до титкы Любынои и видъ тіеижъ прыслужныци довидався, що Люба учора передъ вечоромъ була дома, але зновъ кудысь пойихала и дома не ночувала. Ци дни вона гостювала у якоись знайомои на дачи, але де саме та дача, и якъ прызвыще знайомои, вона не знала. Трублаевычъ хотивъ бувъ спытаты про це титку Любыну, але іи не було дома. И винъ зновъ пишовъ блукать по городу.

Винъ пройшовъ його въ одынъ край, повернувъ назадъ и зновъ вернувсь въ осередокъ. Пишовъ у другый край и зновъ вернувсь назадъ. Тоди сивъ на конку и пойихавъ, не пытаючы, куды вона повезе його. Йому прыемно було сыдиты, одпочываты и дывытысь на будивли, що вырыналы назустричъ зъ одніи и другои серіи вулыць, дывытысь на людей що снувалы попидъ тымы будивлямы, мовъ комашня, и нычого не думаты, бо голова уже натомылась видъ думокъ, и мозокъ потрибувавъ видпочывку. Винъ йихавъ довго и дойихавъ до краю коліи. Дали конка не йшла, и тамъ бувъ уже не городъ, а почыналысь дачи. Винъ ришывъ пройты до моря, и пишовъ знайомою йому дорогою внызъ. Скоро винъ бувъ на самому берези моря.

Блыскуче, зеленувате, воно почыналося биля рудого невысокого берега и розлягалось въ далечинь, злываючысь зъ небомъ на далекому обріи. Мисцямы воно здавалось сынимъ и грало й перелывалось зелено-сынимы колирамы и помалу хвылювалось. Хвыли йшлы до берега, выбигалы на його видлогый выривняный край, закыпаючы на йому билою шумучою пиною, и розбывалысь. А въ далечини курылы пароходы, одни потроху зныкаючы въ безкрайности моря, а други выплываючы звидтиль. Недалеко видъ берега на хвыляхъ гойдалысь невелыки човныки,—то рыбалкы ловылы рыбу. Таки човны булы й на берези, вытягнени на писокъ. Биля ихъ вешталысь люде, а дитвора бигала по берегу босонижъ и то забигала до воды, то тикала видъ хвыли дали на берегъ.

Хвыли йшлы на берегъ и шумилы, мовъ выгукувалы:

— У-ухъ!

— У-ухъ!

Выще одъ воды ходылы по берегу й сыдилы на лавахъ поодыноки люде й купами, по-два, по-тры, и дывылысь на море. Трублаевычъ знайшовъ вильну лаву и собѣ сивъ.

Рожденець иншои краины, винъ дуже ридко бачывъ море, але воно робыло на його коженъ разъ, колы прыходывъ до його, дуже глыбоке вражиння. Винъ не любывъ його въ бурю, роздратованого, але воно зачаровувало його въ гарну погоду—таке шыроке, таке вильне й таке спокійно-пестливе, що колы винъ сыдивъ надъ нымъ, то й самъ не помичавъ того, якъ спокій обгортавъ його усього, а думкы сами собою пидносылысь до темъ высокыхъ и поважныхъ.

Винъ полюбывъ його зъ часивъ свого студентства, колы йому довелось пробуты рикъ у Одеси для скинчення курсу университету.

Винъ теперъ сыдивъ и увесь потопъ въ думахъ соглядання, шырокыхъ и спокійныхъ, якъ те море, що було передъ його очыма. И колы биля його сивъ якыйся зовсимъ сывый дидокъ у легкій, тежъ билій, одежи, винъ тильки глянувъ на його й посунувся, щобъ даты йому мисце.

— А море чудесне сьогодни!—промовывъ старый, жмурячы очи видъ блыску хвыль.

Трублаевычъ мовчавъ.

— Такъ, такъ... Гарне. Помичайте... выбачте...—звернувся винъ до Трублаевыча,—оту смугу онъ-онъ-о? Бачыте, яка вона сыня? Чудесно!

Трублаевычъ глянувъ на свого сусида. Щось знайоме показалось йому и у фигури старого, и въ облыччи. Винъ прызнавъ у йому свого профессора Кончака.

— Ныконе Пылыповычу, це вы?—звернувся винъ до його.

— Я. А вы хто такый?—повернувся винъ до Трублаевыча,—Чы не Портанськый?

Трублаевычъ сказавъ свое прызвыще, и старый профессоръ прыгадавъ його. Винъ бувъ дуже литній и давно бувъ на пенсіи.

Воны розбалакалысь. Розмова скоро перейшла на сучасни темы. И старый професоръ говорывъ про весну, про той велыкый рухъ, що поставъ скризь. Винъ на все дывывся оптимистычно и сподивався, що все налагодыться, и навить дуже скоро, на кращый бажаный ладъ.

— Теперъ уже не довго зосталось, и я вирю, що и я побачу други порядкы,—говорывъ винъ. — А колы-бъ не було войны, то ничого-бъ цього не було, усе було-бъ по-старому! Такъ... Такъ...

— Невже-жъ тильки циною всихъ жертвъ оцiеи несчаснои войны можно було розбудыть суспильство?—спытавъ Трублаевычъ.—Невже краща доля завтрашнього дня мусыть буты куплена циною крови людей сьогодняшнього дня?

— А такъ... такъ... Це законъ жыття, законъ исторiи.

Професоръ усмихнувся.

— Циною крови людскисть добуває коженъ крокъ свого розвытку,—додавъ винъ, прыдывляючысь до молодыхъ панночкы й мужчыны, що саме пры останнихъ словахъ пидiйшлы до того мисця, де сыдилы професоръ и Трублаевычъ, пройшли трохы впередъ и сталы надъ кручею, дывлячысь на море.

Трублаевычъ глянувъ тежъ на молоду пару и кровъ ударыла йому въ выскы.

То булы Люба й Зембулатъ.

VIII.

— Сьогодни есть чутка, що въ портъ прыйшовъ зъ Тендры броненосець и що на йому щось не ладно. А дывиться, то не винъ?

Кончакъ показавъ рукою на якесь судно, що выйшло було зъ порту и зновъ повернуло назадъ. Але Трублаевычови було не до того.

— Выбачте мени, я васъ на хвылын/ покыну,—сказавъ винъ, пидвивсь и пишовъ до Любы и Зембулата.

— Здрастуйте, Любовъ Мыколаевно! — сказавъ винъ, пидходячы и протягаючы руку Люби.

Та здригнулась зъ несподиванкы и раптомъ повернулась въ його сторону.

— Якъ вы злякалы мене!.. Видкиля вы взялысь, що я васъ тутъ не бачыла?

— Я сыдивъ тамъ на лави.

Трублаевычъ прывитався зъ Зембулатомъ.

— Иванъ Мыхайловычъ бувъ у шапци невыдымци, а теперъ знявъ ии—сказавъ той.

Имъ обомъ, и Люби, й Зембулату, було ниякова, и це Трублаевычъ помитывъ зъ першого погляду. Постеригъ винъ такожъ, що Люба, мовъ голубка до голуба, всiею своею истотою тягнется до Зембулата, и упевнывся безъ усякыхъ розмовъ, що вона любыть Зембулата палко й безроздильно, и що йому немае тутъ мисця.

Винъ поришывъ навить не заводыты зъ нею розмовы про те, що хотивъ выяснаты соби, для чого й прыйихавъ сюды.

Уси трое почувалы себе ниякова и мовчалы. Першый почавъ розмову Зембулатъ. Винъ тежъ звертавъ увагу на те судно. Але ни Люба, ни Трублаевычъ не пиддержалы початои имъ розмовы.

— Якъ вы въ останнiй часъ зминылысь,—сказала Люба до його,—у васъ мабуть трапылась якась прыгода дома?

— Брата убыто на войни и вмерла маты,—сказавъ Трублаевычъ, и йому хотилось додаты, що не такъ йому важко було утеряты брата й матиръ, якъ ии.

Винъ глянувъ на неи. Вона мовъ ще бильше покращала. Счастя кохання робыло ии ще вродлывишою. Те счастя свитылось у ии очахъ, и блыскъ його бувъ такый знайомый йому колысь, ще недавно, а теперъ такый чужый, такый ворожый. Трублаевычъ згадавъ, що вси знайоми говорыли йому, що винъ зминывся, постаривъ, и винъ самъ це бачывъ, що-дня помичаючы, якъ усе бильше й бильше прокыдается у його въ бороди сывына, проклята непереможна сывына, вистныкъ старости.

— Вы скоро думаете вернуться до дому?—спытавъ винъ Любу, колы Зембулатъ одiйшовъ трохы одъ ихъ, прыдывляючысь у той край, де бувъ портъ, до стовбивъ дыму, що почалы пидносытысь надъ нымъ.

— Не знаю. Валерьянъ Васильевычъ думае пидшукаты соби тутъ якусь посаду, и мы може зовсимъ зостанемось тутъ.

— Дывиться, дывиться, що тамъ робыться!..—гукнувъ Зембулатъ, показуючы рукою на дымы.—Це въ порту: не портъ горыть!..

Люба й Трублаевычъ подывылысь у той край, куды показувавъ Зембулатъ. Тамъ вставалы стовбы чорного и рудого дыму и вже заволикалы собою пивъ неба. Люба вжахнулась.

— Це щось надзвычайне! Йидемо туды!..

— Йидемо!..

Трублаевычъ хотивъ сказать: „и я зъ вамы“,—але не сказавъ. Винъ бувъ зайвый биля ихъ. Воны хутко попрощалысь и подалысь вгору до конкы. Трублаевычъ зостався самъ. Винъ проводывъ ихъ поглядомъ и перевивъ очи на дымы.

— Бачыте, яка штука творыться въ порту!—почувъ винъ биля себе й здригнувсь

Трублаевычъ озырнувся навколо. Увесь берегъ заметушывся: тамъ по гори биглы въ городъ чоловикы, пани й диты, переганяючы одне одного, а въ самому берези килька чоловикъ стягалы въ воду човны, щобъ йихать на ихъ туды, де творылось щось надзвычайне. Килька човнивъ уже видчалылы видъ берега й гойдалысь на хвыляхъ, прямуючы до порту.

— Треба й иамъ подаватысь до дому,—сказавъ Кончакъ.—Вы де жывете?

Трублаевычъ назвавъ свою гостыныцю.

Тоди намъ по дорози. Идемо!

И воны почалы пидійматысь вгору. Прыйшлы до станціи конкы и довго ждалы, покы прыйшовъ вагонъ. Думалы, що винъ и зовсимъ не прыйде. Кондукторъ и визныкъ булы дуже чымсь стурбовани и немовъ вагалысь, чы пускаты назадъ вагонъ. Нарешти вагонъ рушывъ.

Спершу винъ йшовъ по глухыхъ вулыцяхъ и на ихъ не було помитно велыкого руху людей, але чымъ винъ блыжче пидходывъ до осередку города, тымъ було бильше выдно, що все и йде, й бижыть до порту. Сунулы цили лавы, биглы майстерови, гучно розмовляючы й переклыкаючысь зъ одного боку вулыци на другый.

— Щось таке незвычайне!..—говорывъ Кончакъ.

Конка посувалась помалу на гору и, выбравшись на ривне, зовсимъ стала.

— Що таке?

— Дали йихать неможно.

— Якъ такъ?

Подывиться.

Уси выскочылы зъ вагона. Трохы впереди, куды повыненъ бувъ иты вагонъ, дорога була чымся загорожена. Побиглы туды. Тамъ лежавъ на дорози перевернутый вагонъ конкы.

— Онъ якъ! Теперъ доведется иты пишкы. Будемо вже держатысь купы, — сказавъ Кончакъ, беручы за руку Трублаевыча.

Воны пишлы по тротуару и скоро вже не йшлы, а биглы, бо все бигло, все путлялось, збывалось до купы и зновъ розбывалось.

— Помалу!.. Помалу!.. — ледви переводячы духъ, говорывъ Кончакъ и самъ бигъ.

Але на перехрести воны разомъ зупынылысь. Дорогу запружувавъ натовпъ людей. Головы всихъ булы повернени въ ливый бикъ. Трублаевычъ вытягся навспынкы и побачывъ, що зъ боковои вулыци суне якась лава людей и надъ нею хылитаются пидняти вгору червони хусткы. Полиція, кинна й пиша, сылкувалась загородыты тій лави шляхъ, але даремно.

Стоявъ галасъ, крыкъ, тупотиння... щось выгукувалы... десь дали щось спивалы, и разомъ вси, що стоялы впереди Трублаевыча, подалысь назадъ и кынулысь вростичъ...

Щось залящало, мовъ лопалысь десяткы фейерверкивъ...

Прямо на Трублаевыча кынувся чоловикъ, блидый якъ полотно, ухопывшысь рукою за плече. Кровъ бигла по його пальцяхъ...

Колы це разомъ все що спершу було побигло въ ту вулыцю, зъ якои выйшлы Трублаевычъ зъ Кончакомъ, сунулось назадъ, кынулось за вуголъ.

— Козакы!..

Когось звалено, когось стоптано... Той упавъ раненый и опынывся пидъ копытамы коней. Въ повитри засвысталы канчукы...

— Въ сторону!..

И все кынулось геть.

Трублаевычъ ухопывъ Кончака за руку и тягъ його за собою. Той не мигъ иты, ногы пидгыналысь у його, и винъ увесь трусывся. Трублаевычъ оглянувся. Ихъ наздоганяла та лава, що

йшла зъ ливого боку. На чоли ій винъ помитывъ высоку сухорляву постать чоловика, що махавъ высоко надъ собою рукамы.

Винъ прыгадавъ, що то той чоловикъ, що винъ бачывъ у Левандовського, що то Золотныцькый. И въ ту-жъ мыть Золотныцькый зробывъ два-тры крокы напередъ и, мовъ запнувшысь за що, махнувъ у останне рукамы и впавъ на землю...

Хотивъ пидвестысь, уже бувъ пидвився, махаючы рукою и щось крычучы зъ помертвилымъ облыччямъ и упавъ...

Morituri te salutant!..

Зновъ щось затрищало й захлопало, и ревъ людей покрывъ собою усе, и мовъ одъ його здригнулысь будынкы. Щось опекло спыну Трублаевычови... штовхнуло його и винъ упавъ на тротуаръ... Хотивъ пидвестысь, крыкнуты, але щось гаряче й солоне выхопылось у його зъ горла й не дало йому крыкнуты... Зелени кругы пробиглы въ очахъ, и въ ихъ промайнуло перелякане облыччя Кончака, що схылывся до його.

— Morituri te salutant!.. Ось воно що!..—проказавъ Трублаевычъ, втрачаючы прытомнисть. — Повидь...

Винъ не договорывъ.

Старый профессоръ ухопывъ свого ученыка и сылкувався стягты його зъ дорогы, поблыжче пидъ будынокъ, и не мигъ. Хтось молодый и дужый пидхопывъ раненого пидъ пахвы й перетягъ пидъ стину. Старый схылывся надъ нымъ, захыщаючы його своимъ тиломъ, а кругомъ усе ревло й гремило, повне роздратування й жаху, повне гниву й ненавысти.

М. Чернявськый.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1)]

Жизнь моего отца—Іоанна Алексѣевича Горохова-Соколова.

Выдержки изъ дневника о. Іоанна, заключающія авто-біографическія свѣдѣнія. — Доходы его въ Мценскомъ соборѣ. — Перемѣщеніе его на должность священника въ с. Спасское. — Постройка здѣсь новаго дома. Доходы о. Іоанна — отъ церковной земли и отъ церковныхъ службъ. — Событія 1812 года. — Дьячокъ *Матвѣй Васильевичъ Поповъ*, его болѣзнь и дурной нравъ. — Выдача замужъ дочери *Анастасіи*. — Впечатлѣнія отъ нашествія французовъ. — Пріѣздъ въ с. Спасское его помѣщиковъ, братьевъ *Евграфа* и *Александра Гриневыхъ*. Ихъ характеристика. — Постройка новой каменной церкви помѣщиками и ея неудача. — Моръ и голодъ въ 1813 году.—Начало падучей болѣзни у о. Іоанна.—Пономарь Акимъ Петровичъ и его большой авторитетъ въ приходѣ.—Бѣсноватые и кликуши въ с. Спасскомъ.—Выдача замужъ другой дочери—*Екатерины*.—Братъ о. Іоанна—*Никаноръ Алексѣевичъ*. — Бурмистръ *Иванъ Дементьевичъ*. — Прикащикъ *Николай Павловичъ Черкасовъ*—и сестра его *Пелагея Павловна*.—Смерть матери автора—*Авдотьи Васильевны*.—О. Іоаннъ уступаетъ свой приходъ младшей дочери своей *Варварѣ*, вышедшей замужъ за священника *Оранжева*,—а самъ выходитъ въ отставку и ведетъ подвижническую жизнь.—Священникъ Оранжевъ изъявляетъ согласіе быть миссіонеромъ въ Алеутской Епархіи.—Трагическая смерть жены его Варвары Ивановны.—Самоотверженіе *Пелагеи Павловны Черкасовой*. — Пріѣздъ о. Іоанна Соколова въ Одессу—къ сыну—и кончина его здѣсь.—

Составляя замѣтки въ тетради, переплетенной въ холстъ, отецъ мой мало въ нихъ говоритъ о себѣ. Вотъ только что замѣтилъ онъ о жизни своей и поступленіи на должность.

„1792 г., ноября 30 дня—я, будучи 10 лѣтъ, записанъ въ семинарію въ г. Орлѣ, гдѣ продолжалъ ученіе до піитики. Въ 1797 г. въ октябрѣ перевели въ классъ риторики—въ г. Сѣвскъ.

---

1) См. Кіевск. Стар., № 1

1799 г. іюня 3 дня я вступилъ въ бракъ—г. Мценска Мироносицкой (Никитской тожъ) церкви умершаго дьячка Василія Никифоровича съ дочерію Евдокіею. Авг. 6-го того же года произведенъ во дьячка къ Мироносицкой церкви; 18-го числа того же мѣсяца вступилъ въ должность.—Въ томъ же году 8 ноября указомъ потребованъ къ преосвященному *Досиѳею*. Досиѳей приказалъ подать прошеніе на діаконское мѣсто къ Мценскому собору, и я тогда же произведенъ былъ во діакона, вступилъ въ должность 24 декабря; но грамота выслана мнѣ 1800 года января 4 дня. На этой должности и нынѣ нахожусь." — „3 года и 3 мѣсяца служилъ дьякономъ въ Соборѣ одинъ. 1803 года марта 28 прибылъ дьяконъ другой; а 1807 года августа въ 30 день произведенъ я во священника въ село *Спасское*, гдѣ и нынѣ нахожусь".—

Я уже говорилъ выше, по чьему ходатайству Досиѳей вызвалъ къ себѣ отца моего и далъ ему мѣсто при соборѣ. Необъяснимымъ остается, откуда отецъ мой могъ взять средства чрезъ три года построить домъ, стоившій, по его вычисленію, до 700 р. Доходъ, получавшійся съ мѣста соборнаго діакона, по замѣткамъ его въ памятной книжкѣ, былъ обыкновенный. Въ 1800 г. онъ получилъ 150 р.; въ 1801 г.—192 р.; въ 1802 г.—211 р.; въ 1803 г.—214 р.; въ 1804 г.—194 р.; въ 1805 г.—192 р.; въ 1806 г.—190 р.—Вѣроятно, покойный тесть оставилъ приданое, или Степанъ Ѳедоровичъ, поселившись въ домѣ тестя на мѣсто моего отца, что-нибудь сплотилъ ему. Развѣ школа, которую держала мать моя, приносила значительный доходъ. А у ней, какъ впослѣдствіи говорила она, постоянно бывало около 40 человѣкъ учениковъ.

Отецъ, мой, какъ разсказывали мнѣ, любимъ былъ гражданами. Протоіерей собора *Дмитрій Алексѣевичъ Алексѣевъ* дорожилъ имъ, какъ хорошимъ писцемъ и, какъ разсказывалъ отецъ, слишкомъ обременялъ его писаніемъ какъ по церкви, такъ особенно по духовному правленію. Едва чрезъ 7-мъ лѣтъ позволилъ ему проситься во священника. Во время нахожденія отца при соборѣ—въ 1800 г. родилась у него дочь *Настасья*; въ 1802 г.—другая дочь—*Екатерина*; въ 1805 году февраля 12-го въ полночь родился я.

Въ село *Спасское* въ 25 верстахъ отъ Мценска по дорогѣ въ Орелъ—отецъ мой поступилъ на мѣсто священника, уволившагося по преклонности лѣтъ за штатъ. Долженъ былъ помѣститься съ нимъ въ одномъ домѣ. Съ священникомъ жилъ

сынъ 40 лѣтъ, мѣщанинъ, и дочь 30 лѣтъ. Домъ ихъ ничѣмъ не отличался отъ поселянскихъ. Это была изба, впрочемъ не курная,—съ сѣньми и небольшою холодною клѣткою, окруженная сараями. Отецъ мой спѣшилъ построить черезъ дорогу въ концѣ конопляника и огорода свой домъ; но для того нужно было продать тотъ, который оставался во Мценскѣ. Покупщиковъ было много; стоялъ онъ не на церковной усадьбѣ; но нужно было въ тогдашнее время испрашивать разрѣшенія на то у архіерея. Два раза подавалъ онъ прошеніе въ 1808 г., но не получилъ разрѣшенія. Наконецъ въ 1809 г. вышло это разрѣшеніе. „1809 г. маія 2, домъ въ г. Мценскѣ продалъ я за 500 р., а въ селѣ Спасскомъ выстроилъ въ томъ же саду другой и перешелъ въ него 23 сентября того же года"—замѣчено въ памятной книжкѣ. Домъ былъ построенъ окнами на улицу. Это была изба и горница, раздѣленная сѣньми безъ потолка и съ крыльцомъ на улицу. Изба и горница были по три сажени въ длину, сѣни — 2 саж. Потолокъ въ горницѣ доставаемъ былъ рукою возрастнаго. Въ горницѣ было 2 окна на улицу и 2 во дворъ. Въ избѣ—одно на улицу и одно во дворъ. Внутренность горницы раздѣлялась вдоль на двѣ неровныя части печью, почему-то называвшеюся *голландскою*, и достаточно глухою перегородкою — съ дверью. Въ малой половинѣ за перегородкою помѣщалась кровать большая и лежанка печки. Въ большой половинѣ помѣщались въ углу столъ въ аршинъ съ четвертью ширины и въ два аршина длины. Между 2-мя окнами на улицу висѣло небольшое зеркало; по стѣнамъ—кожаныя стулья. Въ сѣняхъ былъ чуланъ или кладовая и дверь на дворъ.—Въ избѣ, какъ и у всякаго поселянина того села, отъ входа направо—*коникъ* и лавка, къ нимъ прилегалъ дубовый столъ; передъ столомъ — скамья; на лѣвой—верхній коникъ, подполъ, надъ нимъ палати. Далѣе — варистая большая печь. Вотъ фасадъ дома [1]).

Священникъ заштатный скоро померъ. Домъ его проданъ на сломъ; дѣти выселились въ городъ. Новопостроенный домъ еще не высохъ, какъ родители мои заняли его. Отецъ и мать болѣли—первый въ ноябрѣ, послѣдняя въ мартѣ 1810 г.; сестра страдала зубами. Только я и сестра Екатерина не болѣли.

---

[1]) Въ подлинной рукописи слѣдуетъ дальше рисунокъ ново-построеннаго дома въ с. Спасскомъ.—Л. М.

Деньги, какія получены за Мценскій домъ, изъ которыхъ только малая часть употреблена на деревенскій, скоро прошли между руками. 200 р. отецъ употребилъ на выкупъ изъ крѣпостнаго состоянія дѣтей своей сестры, мужъ которой удавился; а 200 р. далъ взаймы одному мелкому помѣщику *Осипу Петровичу*. Эти деньги хотя и возвращены были, но—по новому курсу. Пятирублевая ассигнація прежде стоила 5 серебряныхъ рублей; но послѣ 1812 года ходила за 1 р. 25 коп. серебромъ.

Отецъ мой купилъ дорогихъ лошадей, но ихъ украли въ тотъ же мѣсяцъ. Съ тѣхъ поръ онъ держалъ самыхъ дешевыхъ лошадей и обрабатывалъ ими землю. Подцерковной земли числилось 49 десятинъ, въ томъ числѣ было много лѣсу. Вокругъ церкви росла сотня—другая старыхъ березъ. Далѣе—чрезъ двѣ десятины начиналась *ярушка* сначала березнякомъ, потомъ тянулся дубовый лѣсъ, далѣе орѣшникъ, и затѣмъ она развѣтвлялась на два луга съ лѣсными пригорками. Такая земля, такой лѣсъ у другого послужилъ бы источникомъ большаго хозяйства; но отецъ мой, избалованный 8-лѣтнею городскою жизнію, не былъ расположенъ къ расширенію хозяйства. Часть земли и часть сѣнокоса онъ отдавалъ въ наемъ. Замѣчательно, земля тогда еще нанималась дорого, 8 и 10 рубл. десятина. Можетъ быть не было и досуга отцу самому обрабатывать всю землю: приходъ былъ большой и, пока не вымерли люди въ 1813 году, многолюдный. Исправленіе требъ давало ему обезпеченіе. Вотъ его доходы съ прихода и церкви, по памятной книжкѣ:

„Въ 1808 г. въ 1-ю недѣлю Велик. поста получилъ 8 р.; во 2-ю, 3-ю, 4 и 5-ю—по 4 р.; всего 24 рубля. За Страстную, Святую и родительскую—40 р.

1809 г. За страстную, святую и проводы вмѣстѣ и за постъ—50 р.—Сверхъ того—на святой недѣлѣ 2 мѣшка ржи и 2 мѣшка гречихи; къ Благовѣщенью на просфоры 7 осьминъ муки.—

Въ 1809-мъ же году за молитву предъ Рождествомъ, въ рождественскую и крещенскую недѣли—15 р.; за свадьбы—10 р.; еще за свадьбы—15 р.

Въ 1816 г. всего деньгами получено 200 р.“

Полагая, что отецъ мой въ предшествующіе года получалъ съ прихода по 200 р. деньгами, не считая хлѣба,—онъ тратилъ больше. Такъ подъ 1810-мъ годомъ у него записано расходу на 240 р.

Замѣчательны слѣдующія статьи прихода и расхода въ 1815 г. Конопля продавалась за 20 р. четверть.—Въ 1817 г.—16 р.

четверть—и ея продано на 120 р.; вмѣстѣ съ тѣмъ продано овса и гречихи на 34 р. Продавалась рожь и пенька,—только отецъ не отмѣчалъ цѣны. Только цѣна вина или водки и сапогъ показывалась ясно. Такъ, ведро вина стоило 6 р.—Сапоги 5 р. 50 к.

Надобно полагать, что отецъ мой отъ экономіи своей получалъ 200 р., да съ прихода на 200 р. Въ то время это были большія деньги, особенно для сельскаго священника, у котораго, кромѣ водки, дегтя и верхняго платья, все было не купленное. Кромѣ истраченныхъ моею матерью на наряды въ Мценскѣ 28 р. и отцемъ 10 р. въ Орлѣ, „еще дано матери въ Коренную ярмонку 50 р.“ (ужъ, конечно, на наряды), замѣчено въ памятной книжкѣ.

О событіяхъ 1812 года одна замѣтка отца моего: „получено извѣстіе: 8 сентября Москва занята французами.“—Въ 1813 г. былъ такой моръ, что изъ числа 120 дворовъ села Спасскаго 4 вовсе запустѣли. Въ томъ же году поступилъ въ Спасское дьячкомъ *Матвей Васильевичъ Поповъ*—18 лѣтъ. Отецъ помѣстилъ его въ своемъ семействѣ. Но скоро онъ оказался зараженнымъ *французскою* болѣзнію, какъ тогда называли *сифилисъ*. Объ этомъ узнали уже тогда, когда заразились отъ него всѣ дѣти семейства, двѣ сестры и я. Признаками этой болѣзни являлись на языкѣ бѣлыя пятна. Дьячекъ отправленъ былъ куда-то на излечѣніе, а насъ лѣчили дома. Чѣмъ же лѣчили? Мы пили *декохтъ*, не ѣли ничего, кромѣ прѣсныхъ лепешекъ, держались въ теплѣ; сверхъ того употребляли во внутрь купоросное масло, разведенное водою, полъ-рюмки, и чѣмъ-то еще насъ окуривали. При употребленіи послѣдняго способа сажали больнаго надъ раскаленными угольями въ горшкѣ, бросали въ него такой порошокъ, который горѣлъ зеленымъ огнемъ, затѣмъ окутывали одѣялами. Всѣ мы освободились такимъ образомъ отъ страшной болѣзни. Освободился отъ нея и дьячекъ. Отецъ говорилъ, будто болѣзнь занесена въ село проходившими черезъ него войсками. Мать утверждала, будто дьячекъ съ нею и поступилъ въ нашу семью. Не смотря на это, мой дѣдъ и бабка заинтересовались дьячкомъ и выдали за него предпослѣднюю свою дочь *Татьяну*. Она была бѣлокурая—съ большими глазами, личико ея было овальное. Да, это было въ 1809, или въ 1810 году, когда мнѣ было 5 лѣтъ. Послѣ того какъ женихъ и невѣста обвѣнчались и сидѣли въ малой половинѣ горницы на кровати

моихъ родителей, я все подбѣгалъ къ невѣстѣ и цѣловалъ руки ея, и когда женихъ вышелъ куда-то, я вскочилъ на постель, обнялъ ее и цѣловалъ въ шею, въ щеки и зубы.—Отецъ мой выстроилъ имъ домъ; но скоро изъ этой ненаглядной красавицы остался одинъ скелетъ, покрытый блѣдною кожею. Она часто прибѣгала къ намъ и пряталась отъ побоевъ мужа. *Матвѣй* возненавидѣлъ ее за то, будто, какъ ему объяснили люди, что отецъ мой для того и держалъ его при своемъ домѣ, чтобы навязать ему свою сестру. Несчастная, забитая и замученная до чахотки. чрезъ 2 года умерла. Дьячокъ женился на другой, лицомъ цыганкѣ, и жилъ съ нею лучше. Но все остался звѣремъ, особенно въ пьяномъ видѣ.

Отецъ мой, по кротости и трусости характера, терпѣлъ дьячка-негодяя даже послѣ того, какъ онъ едва не убилъ его. Однажды отецъ и мать мои были на храмовомъ праздникѣ въ селѣ *Сычевомъ*, въ 12 верстахъ отъ с. Спасскаго. Послѣ обѣда гости вышли на улицу. Тутъ дьякона начали выказывать силу свою. Явился дьячокъ *Матвѣй*, гостившій у мѣстнаго дьячка; схвативши отца моего сзади въ охабку, ударилъ его объ-земь. Отецъ мой 3 или 4 минуты лежалъ мертвый. Дьячекъ извинялся ненамѣренностію и желаніемъ пошутить. Вскорѣ послѣ этого открылась у отца на груди рана, съ которой онъ возился лѣтъ нѣсколько. Этого ли случая послѣдствіемъ была рана, или другого, о которомъ скажу при описаніи моей собственной жизни,—но замѣчательно: когда закрылась на груди рана, отецъ сталъ подверженъ нервной падучей болѣзни, которая вызвана была питьемъ воды въ разгоряченномъ состояніи.—Дьячекъ Матвѣй женился и *на третьей*, кажется—вдовѣ; подъ старость ослѣпъ и умеръ недавно 77 лѣтъ. Въ 1870 г., когда я заглянулъ въ Спасское, я нашелъ дочь его отъ второй жены за пьяницею—сапожникомъ и подалъ ей милостыню.

Отецъ и мать испытали на вѣку своемъ счастіе видѣть первую дочь *Анастасію* хорошо пристроенною и жить съ нею вмѣстѣ. У священника села *Сычева* былъ внукъ, бѣлокурый красавецъ 19 лѣтъ—*Поликарпъ Сильвестровичъ Сильвестровъ*, жившій при дѣдѣ дьячкомъ. Онъ женился на Анастасіи и скоро поступилъ въ Спасское дьячкомъ. Производство его стоило 200 руб. По прошествіи 5 лѣтъ, дѣдъ сдалъ ему свое мѣсто. Производство обошлось въ 700 р. Все это было при Гавріилѣ епископѣ. Сестра моя Анастасія не долго жила: послѣ родовъ простудилась и умерла, оставивъ двухъ мальчиковъ и дѣвочку. Поликарпъ

всѣхъ воспиталъ и пристроилъ. Онъ еще живъ; въ сентябрѣ въ 1876 г. онъ жилъ у младшаго сына—священника; во время пожара едва спасенъ былъ людьми,—лицо его сильно обгорѣло. Долго ли проживетъ онъ? Ему уже 78 лѣтъ.

1812-й годъ отецъ мой провелъ безъ страха; однако приготовился оставить домъ. Онъ не зналъ географіи, но зналъ французовъ изъ прежнихъ манифестовъ, которые не разъ читалъ въ Мценскомъ соборѣ. Мать безпрестанно плакала; мы, маленькіе, боялись темной комнаты, пугая другъ друга французомъ. Тогда по церквямъ читали манифестъ или, можетъ быть, указы синода, въ которыхъ Бонапарте именовался *Антихристомъ*. На молебнахъ пѣли жалобнымъ тономъ: *Господи, покори враги подъ ноги наша!* Эта пѣснь особенно наводила на всѣхъ уныніе. Прежде наша деревня почему-то не видѣла войска, хотя отъ большой дороги находилась въ 9 верстахъ; а теперь и конные, и пѣшіе часто останавливались въ Спасскомъ, и начальники всегда квартировали у моего отца. Отецъ угощалъ ихъ, чѣмъ только могъ, и отъ нихъ узнавалъ новости войны. Отецъ мой часто повторялъ фамиліи вождей: *Барклай-де-Толли*, *Багратіонъ*, *Кутузовъ*. Село каждую недѣлю съ плачемъ и причитаньями провожало своихъ ратниковъ—съ 25-ти одного и сверхъ того наряженныхъ подъ сухари. Тогда вся деревня занята была печеніемъ сухарей изъ своего хлѣба и на своихъ подводахъ отправляла ихъ къ войску. Мать видѣла во снѣ, что солнце превратилось въ мѣсяцъ. Сонъ объяснился тѣмъ, что черезъ три дня получено извѣстіе о взятіи Москвы. За двѣ недѣли передъ этимъ въ село наше переѣхали помѣщики его изъ Дорогобура. Сперва вступила въ село стая собакъ въ 50 штукъ борзыхъ собакъ съ охотниками на лошадяхъ. Потомъ прибылъ баринъ *Евграфъ Ивановичъ Гриневъ* и братъ его *Александръ Ивановичъ*. Первый былъ чиномъ штыкъ-юнкеръ, другой—портупей-прапорщикъ. Оба старики и не женатые. Ихъ имѣнія (четыре села) достались по наслѣдству *Телепневу*, тогда молодому человѣку. Младшій Гриневъ скоро оставилъ наше село, а Евграфъ Ивановичъ долгонько жилъ въ Спасскомъ. Онъ полюбилъ отца моего и далъ приказъ отпускать отцу соломы, половы и березы на лучину, сколько понадобится. По воскресеньямъ бывалъ въ церкви; послѣ обѣдни приглашалъ отца къ обѣду. У него было огромное пузо. У него былъ камердинеръ *Терентій Михайловичъ*—однихъ съ нимъ лѣтъ и почти съ такимъ же пузомъ, также—неженатый. Эту разряженную особу, которую такъ уважали, Евграфъ Ивановичъ кликалъ: *Терешка*!...

Отецъ иногда бралъ на обѣдъ меня. Я со страхомъ смотрѣлъ на барина, и когда онъ крикнулъ: *Терешка!*, а явился на зовъ Терентій Михайловичъ, я сталъ смотрѣть на вельможу съ благоговѣйнымъ ужасомъ, тѣмъ болѣе, что Терентія Михайловича принимали въ нашемъ домѣ съ уваженіемъ.—Баринъ ни разу не былъ въ домѣ отца, но за то отецъ съ удовольствіемъ и уваженіемъ принималъ людей его. Молодые изъ нихъ, прекрасно одѣтые, мнѣ и сестрамъ моимъ казались людьми просвѣщенными и образованными; они многое разъясняли нашимъ родителямъ, которые съ удовольствіемъ слушали ихъ.—Терентій Михайловичъ, во время посѣщенія своего, разсказывалъ о богатствѣ, характерѣ и жизни своихъ господъ. По его разсказамъ, Гриневы имѣли одну деревню—*Спасское*, гдѣ они родились и гдѣ погребены родители ихъ. Но три другія деревни будто-бы выиграли они въ карты и послѣ, уволенные изъ службы, въ руки не брали картъ. Имѣли огромную псарню, хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ, свой театръ. Дворни у нихъ было до 200 человѣкъ съ псарями, охотниками, кучерами, птичниками. Не довольствуясь этими людьми, по большимъ праздникамъ собирали бабъ и мужиковъ со всего села на барскій дворъ, выкатывали бочку вина и заставляли играть и веселиться, какъ умѣли. Зиму проживали въ Москвѣ.

Отецъ мой склонилъ Евграфа Ивановича построить вмѣсто деревянной каменную церковь. Начали строить огромную 3-хъ престольную церковь. Крѣпостные его архитекторы составили планъ и фасадъ. Это былъ 4-хъ-угольный сарай съ куполомъ на 4-хъ колоннахъ. Въ 1817 г. она была вчернѣ почти окончена. Рабочіе сошли съ постройки, два человѣка были на половинѣ купола, а 8 человѣкъ—на самомъ верху забивали, какъ говорили, *замокъ*. Вдругъ куполъ падаетъ, разсыпается и распираетъ стѣны. Страшный и глухой громъ и столбъ пыли возвѣстили селу паденіе церкви... два человѣка задавлены, восемь человѣкъ разбились, но остались живы; ихъ высвободили изъ-подъ лѣсовъ и камней.—Это было въ Августѣ. Въ 1818 г. вновь началась строиться церковь—по тому же плану и фасаду, только подъ надзоромъ техника. Сколько прежде богачъ былъ щедръ, столько потомъ сталъ скупъ. Колокольня построена уже была ниже церкви. Богачъ померъ,—братъ его приказалъ отдѣлывать внутренность церкви; но какъ онъ наслушался Волтеріанскихъ мыслей, то иконостасъ пришлось додѣлывать отцу моему, и ему много было хлопотъ.

Въ 1813 г. былъ въ селѣ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ, близкихъ къ театру минувшей войны, моръ: изъ 120 дворовъ четыре двора опустѣли. Во всемъ селѣ померло болѣе 200 душъ. Отцу не давали покоя ни днемъ, ни ночью, и я помню, какъ въ теченіи одной ночи его три раза поднимали съ постели причащать умирающихъ. Но въ нашемъ домѣ, хотя и была горячка, но никто не померъ. Теперь объясняется причина мороваго повѣтрія: тѣла на поляхъ сраженій оставались долго неубранными, особенно на полѣ Бородинскомъ и Тарутинскомъ, а весною кучи французовъ, погребенныхъ въ снѣгу—на пути отступленія, долго тлѣли непогребенными.

Весною 1813 года горожане испытали голодъ. Рожь была 12 р. четверть, овесъ—9 р.—Въ 1818 г. былъ повсемѣстный голодъ. Во Мценскѣ рожь продавалась 16 р. четверть, мука—2 р. пудъ, гречиха—10 р. четверть... Въ с. Спасскомъ пекли хлѣбъ съ лебедою и съ половой. Мужички охотно и такой хлѣбъ ѣли, только жаловались, что „на малыхъ и большихъ напущенъ *ьдунъ:* сколько ни ѣшь, все хочется ѣсть".—Въ 1821 г., была рожь въ одно время 21 р. четверть. По моимъ теперешнимъ соображеніямъ, неурожай былъ мѣстный; но недостатки путей быстраго сообщенія и умноженіе ассигнацій съ 1812 года были причиною дороговизны и голода въ городахъ.

Въ 1816 г. отецъ повезъ меня въ уѣздное училище—въ г. Сѣвскъ—съ провизіей на цѣлый годъ. Замѣчаетъ онъ въ *запискахъ* своихъ, что на меня истрачено въ этотъ годъ 50 р., считая, вѣроятно, въ томъ числѣ и цѣну провизіи. Только-что мы выѣхали изъ села, какъ шворень подъ возомъ сломался, а отецъ грудью упалъ на переднюю ось. Долго онъ катался по землѣ отъ боли, но не воротился домой. Можетъ быть, отъ этого ушиба послѣ появилась у него на груди рана, съ которой онъ долго возился.

„1815 г.,—замѣчаетъ отецъ мой въ своей *памятной книгѣ*,—іюня 18 была встрѣча Архирея въ с. Подчерневомъ, и я тамъ былъ, но только буду помнить пріѣздъ его". Что съ отцемъ случилось? Вѣроятно, пріѣзжалъ отецъ къ храмовому празднику Казанской Богоматери 8 Іюля и тамъ долго прогостилъ, а Досиѳей замѣтилъ ему это.—А можетъ быть и что-другое.

Въ 1820 г. замѣчаетъ отецъ мой о себѣ: „со мною сдѣлался припадокъ на току и въ первый день повторился 3 раза.—1821 г. прибылъ на епископію архіерей *Гавріилъ*".

Припадки падучей болѣзни у отца моего повторялись довольно часто, и два раза во время служенія литургіи. Что было

дѣлать? Итти за штатъ? Но вѣдь оставались непристроенными еще двѣ дочери; на его содержаніи учились я—въ семинаріи—и братъ *Евграфъ* въ училищѣ. Но прихожане любили отца. Причтъ не доносилъ даже благочинному, потому что боялся перемѣны священника. Да и кто-бы сталъ доносить?—Скоро дьячкомъ поступилъ въ Спасское зять *Полікарпъ*. Дьячекъ *Матвѣй*, забивъ мою тетку и женившись на другой, часто напивался и дрался съ мужиками въ приходѣ; онъ боялся, чтобы на него не донесли. Пономарь *Акимъ Петровичъ*?—Это былъ авторитетъ между причтомъ въ приходѣ—по милости отца моего. Отецъ объявилъ его знатокомъ во всѣхъ дѣлахъ. Явилась передъ 1812 годомъ *комета*,—Акимъ Петровичъ сталъ предрекать жестокую войну и сбылось предреченіе. Акимъ Петровичъ—маленькій, рыженькій, съ рѣзкимъ хриповатымъ голосомъ, съ длиннымъ лицомъ и кучерявою красною головою и маленькою клиномъ бородою, никогда не смѣющійся, вѣчно серіозный—былъ страшный бичъ при обыскѣ свадебномъ. Какъ давній на приходѣ, онъ зналъ родство мужиковъ и въ каждой четѣ видѣлъ родню. По природной, можно сказать—наслѣдственно переданной отъ отца робости характера, отецъ мой всегда посылалъ сватовъ къ Акиму Петровичу, отказывавшемуся итти въ церковь, и ему кой-что перепадало—хлѣбомъ, деньгами, или же водкою. Мужики и безъ того считали пономаря знатокомъ погоды и всѣ приходили совѣтоваться къ нему, пора-ли сѣять. Многіе въ приходѣ считали его *знахаремъ* и *колдуномъ*. Кто выведетъ червей у скотины? Акимъ Петровичъ! кто заговоритъ кровь, прогонитъ чужого *домоваго* изъ конюшни? Акимъ Петровичъ. Кто у чорта былъ на рогахъ, кто видѣлъ русалку?—все Акимъ Петровичъ. Отецъ шутилъ иногда надъ нимъ; но, кажется, и самъ вѣрилъ многому. Какъ же теперь было Акиму Петровичу мѣнять священника?!

Вотъ первый примѣръ легковѣрія моего отца, которымъ пользовался Акимъ Петровичъ къ увеличенію своего авторитета въ народѣ. Однажды отецъ поѣхалъ съ Акимомъ Петровичемъ на храмовой праздникъ въ с. *Карповку*—въ 5 верстахъ отъ Спасскаго. Въ пристяжкѣ была кобыла Акима Петровича. На возвратномъ пути ночью отецъ дремалъ. Акимъ П—чъ правилъ лошадьми. Передавъ возжи отцу, пономарь спрыгиваетъ съ повозки. Отецъ продолжаетъ ѣхать тихонько. Акимъ П—чъ не возвращается. Отецъ остановился. Вдругъ слышитъ крикъ пономаря уже далѣе—впереди: „Отче Іоанне, спаси, спаси молитвою!“ Отецъ поѣхалъ на голосъ рысцею. Чтожъ? Акимъ Петро-

вичъ стоитъ надъ оврагомъ.—„Что съ тобою?“—„Послѣ разскажу, а теперь благослови и помолись о мнѣ.“—Когда Акимъ П—чъ сѣлъ въ телѣгу, отецъ опять спросилъ: что съ тобою? какимъ образомъ ты очутился впереди?—Акимъ П—чъ долго молчалъ и только подъѣхавъ къ церкви и крестясь на нее, началъ такъ объяснять случай: „Когда я слѣзъ съ телѣги и ты шажкомъ поѣхалъ впередъ,—говорилъ онъ,—вдругъ увидѣлъ я свою кобылу подлѣ себя. Я выругалъ тебя, прости отче Іоанне, чортомъ, полагая, что ты задремалъ и не видалъ, какъ отстягнулась кобыла. Я вскочилъ на нее, ищу на головѣ узду, и ощупываю *роги*; я перекрестился, кобылы не стало, а предо мною—оврагъ. Тогда я началъ кричать и звать тебя!“—Послѣ того Акимъ Петровичъ по всему селу разсказывалъ, какъ онъ былъ у чорта на рогахъ,—и отецъ мой волей—неволей долженъ былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ подтверждать разсказъ его.

Не столько привязанность причта и любовь прихожанъ удерживали отца моего на должности, сколько особый взглядъ на болѣзнь его, образовавшійся въ средѣ окружавшихъ его. На отца смотрѣли какъ на *святаго*, преслѣдуемаго злымъ духомъ.—По желанію помѣщика Евграфа Ивановича, отецъ долженъ былъ отчитывать бѣсноватыхъ и кропить ихъ водою, въ которую погруженъ камень отъ Гроба Господня, купленный помѣщикомъ у захожихъ монаховъ. Около ста человѣкъ со всѣхъ имѣній Евграфа Ивановича свезено было въ Спасское—кликушъ. Тутъ были не одни женщины, но и старикъ 60 лѣтъ и дѣвочка 12 лѣтъ. Когда они были проводимы въ церковь—во время херувимской пѣсни, они падали и кричали, ругая отца моего. Ихъ держали приставленные къ нимъ мужики. Этотъ крикъ, этотъ гамъ продолжался до конца обѣдни. Помѣщикъ рѣдко когда присутствовалъ и уѣзжалъ изъ деревни въ Вязьму или Дорогобужъ. Отецъ по его просьбѣ продолжалъ дѣло отчитыванья. Когда случился припадокъ съ отцомъ на току, никто въ деревнѣ не зналъ объ этомъ. Но въ первое же служеніе—на литургіи бѣсноватые начали кричать: „Шелуганъ, шелуганъ! А что тебѣ было на току?“—Въ другой разъ—ночью отецъ схватился съ постели и бѣжалъ вонъ изъ горницы; онъ былъ въ бреду и ему представилось, что схватили его разбойники и тащатъ вонъ изъ дому. Мать едва удержала его и привела въ сознаніе. Что-жъ? Въ первое же служеніе литургіи кликуши кричали объ этомъ домашнемъ случаѣ съ отцемъ—и грозили, предсказывая, что онъ не долго будетъ бороться съ ними. Эти припадки кликушъ, соединенные

съ такимъ ясновидѣніемъ, поражали всѣхъ. Всѣ съ участіемъ стали относиться къ отцу—и никому не приходило на мысль считать отца моего неспособнымъ къ продолженію служенія.— Каково было матери моей, которая одна ухаживала за отцемъ во время припадковъ его! Но она, женщина здоровая, не изнемогала. Впрочемъ не долго жила: въ 5 часовъ пополудни августа 27 дня 1832 г. она скончалась отъ поноса, сопровождавшагося икотою.—

„1823 г. февр. 14 дня,—дѣлаетъ замѣтку въ своей *памятн. книжкѣ* отецъ мой,— совершился бракъ любезной дочери моей *Екатерины*, которая выдана была за пономаря *Ивана*—Болховской округи села *Насѣдкина*,—дѣло, которое вѣкъ буду помнить— до самаго гроба."

Дьяконъ села *Везилокъ* Болховской округи (уѣзда), достигши 60 лѣтъ, рѣшился сдать свое мѣсто единственному своему сыну *Ивану Владиміpцеву*, который только мнѣ былъ извѣстенъ, какъ однокашникъ по училищу; силачъ, лѣнивый ученикъ, но добрый парень. Онъ то явился женихомъ для Екатерины. Женихъ слишкомъ не интересный, малоученый и лицемъ не пригожій, къ тому же безголосый. Онъ не понравился ни роднымъ моимъ, ни сестрѣ. Но родители рѣшились выдать дочь, такъ какъ она уже была 21 года, и дѣвица слишкомъ бойкая. Она перечитала всѣ книги, какія были въ домѣ и церкви, даже *Сіонскій Вѣстникъ*. Она хотѣла самоучкою выучиться писать, но у ней отнимали перо и чернила. Мать моя, обучившая на вѣку своемъ до 500 душъ, тоже не умѣла писать. Въ то время духовные и купцы не учили дѣвицъ писать, чтобы лишить ихъ возможности писать любовныя письма. Съ другой стороны, кромѣ разныхъ рукодѣлій—пряжи, тканья, плетенія кружевъ и шитья по танбуру, отецъ мой пріучалъ дочерей къ сельскимъ работамъ: онъ посылалъ ихъ даже жать.— Послѣ свадьбы Иванъ поѣхалъ проситься на мѣсто отца своего, на экзаменѣ онъ оказался безголосымъ. Однако ему велѣно было ходить на клиросъ въ домовую Архіерейскую церковь. Разъ онъ проспалъ утреню; іеромонахъ донесъ архіерею Гавріилу. Гавріилъ, тогда писавшій резолюціи текстами, написалъ на прошеніи, принятомъ отъ старика, отца нашего зятя: „да будетъ домъ его пустъ, Епископство же пріиметъ инъ." Консисторія предписала указомъ черезъ духовное Правленіе діакона уволить за штатъ, а сыну его въ дьяконскомъ мѣстѣ отказать и впредь въ этотъ санъ не проситься.

Послѣ сего началась трудовая жизнь для сестры моей Екатерины и супруга ея *Ивана Николаевича*. Не долго они оставались

въ с. *Насьдкиномъ*, перешли въ с. *Бакланово*, Орловскаго уѣзда, и заняли избу ветхую, безъ двора. Тутъ родивши дитя, Екатерина едва не умерла отъ холода и сырости. Тутъ пошли частыя дѣти. Супруги трудились, не давая себѣ покою, воспитали дѣтей. Одинъ изъ сыновей ихъ былъ даже священникомъ; другой померъ отъ чахотки; дочерей выдали въ городъ: одну—за мѣщанина, другую—за канцелярскаго служителя. Они до сихъ поръ еще живы. Екатеринѣ 74 года, а Ивану 76 лѣтъ. Живутъ при внукѣ. Но получаютъ отъ меня пособіе. Внукъ по временамъ бросаетъ ихъ, отдаетъ землю въ наемъ, самъ живетъ въ церковной караулкѣ.—Сынъ ихъ—священникъ померъ, тоже отъ чахотки, оставивъ сиротъ безпомощныхъ.

Отецъ и мать мои перенесли еще одно горе. Въ 1828 или въ 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, потребовали въ военную службу дьячковъ и пономарей, и учениковъ духовныхъ училищъ и семинаріи, замѣченныхъ въ худомъ поведеніи. Братъ отца моего *Никаноръ Алексѣевичъ*, служившій дьячкомъ во Мценскѣ при Пятницкой церкви, и зять *Иванъ Николаевичъ* оказались худо отмѣченными по формулярамъ: первый—не всегда трезвымъ, послѣдній—непочтительнымъ къ старшимъ. Ихъ вытребовали въ Консисторію. Никаноръ оставилъ жену и трехъ дѣтей, а Иванъ—жену и двоихъ дѣтей. Никанору тотчасъ забрили лобъ, и онъ отъ тоски и побоевъ при ученіи не пережилъ и двухъ мѣсяцевъ. Ивана отстояли, но чего это стоило? Все, что было у отца моего, употреблено на хожденіе въ домъ архіерея Гавріила. Говорили, что этотъ архіерей отличился предъ всѣми доставленіемъ большого количества рекрутъ изъ своей Епархіи, думая за это получить благодарность.—

Отецъ мой не читалъ книгъ, кромѣ Четіихъ-Миней; но онъ любилъ проводить досужее время съ людьми, выходившими изъ ряду мужиковъ. Таковы были два управляющихъ: бурмистръ Гриневыхъ *Иванъ Дементьевичъ* и прикащикъ Бибиковыхъ—*Николай Павловичъ*. (1.) Первый былъ безграмотный, но мущина видный, доставлявшій Евграфу Ивановичу Гриневу 90 тысячъ съ деревень!—Евграфа Ивановича не было ужъ въ живыхъ; деревни

---

1) Изъ дальнѣйшаго разсказа оказывается, что *одна изъ деревень*, приписанныхъ къ приходу села Спасскаго, принадлежала помѣщикамъ *Бибиковымъ*.—Л. М.

принадлежали брату его Александру. Смолоду Иванъ Дементьевичъ былъ каменщикомъ въ Петербургѣ, послѣ съ братьями занимался извозомъ. Какъ онъ былъ бездѣтнымъ, не пьяницей, то помѣщикъ поставилъ его управляющимъ въ селѣ. Съ 1817 года помѣщикъ его безвыѣздно жилъ близь Вязьмы,—по этому Бурмистръ занималъ его хоромы. У него-то отецъ мой проводилъ время и знакомился съ разными странами—*Таганрогомъ*, *Одессою*, *Нижнимъ-Новгородомъ*, *Казанью*. Бурмистръ, по совѣту отца, обучилъ крестьянскаго мальчика грамотѣ и письму и веденію прихода и расхода, женилъ его на вольноотпущенной красавицѣ. Но этотъ писарь сдѣлалъ доносъ на Ивана Дементьевича. *Александръ Иеановичъ Гриневъ* потребовалъ его къ отвѣту въ Вязьму и послѣ истязаній, по тогдашнему праву помѣщиковъ, сослалъ его на поселеніе въ Сибирь. Проѣзжалъ село Спасское Иванъ Дементьевичъ уже въ сопровожденіи караула; полъ-головы и бороды у него было обрито; полное лицо его осунулось. За чаемъ онъ разсказывалъ, какъ его истязали, какъ во время сѣченія его нѣсколько разъ отливали водою... Мать и отецъ мои навзрыдъ плакали... Онъ утѣшалъ ихъ тѣмъ, что онъ теперь свободенъ и, какъ ремесленникъ, онъ лучше будетъ жить на поселеніи, чѣмъ жилъ подъ такою властію.—Доносчикъ получилъ вольную, занялъ его мѣсто въ селѣ: но отецъ не часто бывалъ у него, а только по должности.

Николай Павловичъ Черкасовъ, остроумный лакей Бибиковыхъ, прозванный *„Господиномъ фонъ-Бокомъ“*, потому что онъ былъ кривобокъ. Какъ грамотный и бойкій, онъ завѣдывалъ порядкомъ въ кабинетѣ Бибикова. Съ нимъ шутили и любовались остроуміемъ его многіе вельможи Екатерининскаго времени, посѣщавшіе Бибикова. Лицо его было длинное, голова—большая, словомъ—фигура Езопа. Бибиковъ разодѣвалъ его какъ вельможу и называлъ всегда „господиномъ фонъ-Бокомъ“. Николай Павловичъ говорилъ по французски, хотя не читалъ и не зналъ французскаго алфавита. Бибиковъ объявилъ его вольноотпущеннымъ, сдѣлалъ его прикащикомъ деревни своей въ нашемъ селѣ. Но не успѣвъ выдать ему документы на освобожденіе отъ крестьянства, умеръ. Наслѣдники продали деревню одному изъ *Шеншиныхъ*. Шеншинъ лишилъ Черкасова мѣста управляющаго, и тогда Черкасовъ снялъ постоялый дворъ на Отрадѣ и прожилъ въ немъ свое состояніе.

Бибикову нравились въ Черкасовѣ честность, безкорыстіе, прямота слуги, особенно гордое обращеніе съ господиномъ и по-

сѣтителями его. Бибиковъ женилъ Езопа своего на первой красавицѣ, сѣнной дѣвушкѣ дочери своей—*Матренѣ Львовнѣ*. Черкасовы не имѣли дѣтей.—Когда Бибикова деревня, сосѣдняя съ церковію и Поповкою, была внѣ управленія ихъ и тогда они были въ дружбѣ съ моими родителями. У нихъ былъ старикъ высокій и сугорбенный—отецъ Матрены Львовны, и пожилыхъ лѣтъ дѣвушка, сестра Николая Павловича—*Пелагея Павловна*. Не знаю почему, въ 1810 г. родители мои посылали сестеръ моихъ учиться грамотѣ къ старику, который часто сѣкалъ ихъ розгами. Старикъ скоро померъ. *Пелагеѣ Павловнѣ* отецъ мой позволилъ построить келью на церковной землѣ. Какъ она была пожилая, ходила въ черномъ, не ѣла мяса,—отецъ поручилъ ей продавать церковныя свѣчи, кому изъ поселянъ понадобятся онѣ въ теченіе недѣли, потому что староста въ церкви могъ продавать ихъ только по воскресеньямъ. Потерявши свое состояніе на содержаніи постоялаго двора, къ Палагеѣ Павловнѣ перешли жить и Черкасовы. Теперь-же Черкасовы стали вѣрными друзьями и совѣтниками дома нашего. Каждый день бывали они у насъ. Не было замѣтно, чтобы отецъ помогалъ имъ въ чемъ-либо. Матрена Львовна занималась шитьемъ, а Николай Павловичъ писалъ мужичкамъ письма. Мужики любили ихъ. Николай Павловичъ хвалился, что, во время управительства своего, ни одного не наказалъ тѣлесно. И можно было вѣрить ему. Онъ зналъ всѣ афоризмы Руссо, всѣ выходки Вольтера, былъ либералъ и гуманистъ XVIII вѣка. Кажется, онъ собиралъ новину, потому что у него было зерно всякаго рода; держалъ только куръ, одну свинью и корову. Былъ у него и огородецъ маленькій; но вообще онъ неспособенъ ни къ какому труду. Относительно пищи онъ свободенъ былъ отъ всякихъ предразсудковъ. Такъ, весною у него всегда была яичница изъ вороньихъ яицъ и жаркое изъ вороньяго мяса; зимою онъ отбиралъ у мужиковъ ободранныхъ зайцевъ, которыхъ они не ѣли, а бросали собакамъ, и не только дѣлалъ изъ нихъ жаркое, но и солонину. Онъ рѣдко когда ходилъ въ церковь и молился къ небу. Онъ безпрестанно отпускалъ афоризмы противъ внѣшняго богослуженія. Не смотря на это, отецъ мой любилъ его и проводилъ съ нимъ время. Черкасовы говорили языкомъ тогдашняго высшаго круга, перемѣшивая русскія слова съ иностранными, знали вдоль и поперекъ Екатерининскихъ вельможъ, разсказывали обычаи, похожденія и оргіи ихъ. —Послѣднюю мою сестру *Варвару* они взяли къ себѣ изъ пеленокъ. Пелагея Павловна воспитывала ее въ духѣ благочестія: Мат-

рена Львовна учила ее разнымъ мастерствамъ и обращенію. Сестра только обѣдала дома; съ 14 лѣтъ впрочемъ стала и ночевать дома. Черкасовы, хотя были бѣдняки, но держали себя независимо и вели себя такъ, что родители мои не могли жить безъ нихъ.—Николай Павловичъ въ 1829 г. умеръ отъ потрясенія и горя. Къ нему явился одинъ изъ наслѣдниковъ Бибиковыхъ и требовалъ документовъ на увольненіе его изъ крестьянства, или 250 рублей. А у Черкасова не было никакого формальнаго документа. Только Пелагея Павловна имѣла отпускную. Это обстоятельство такъ поразило Черкасовыхъ, что Николай Павловичъ заболѣлъ и умеръ. Отецъ мой уговорилъ барина—прохвоста оставить жену Черкасова въ покоѣ; можетъ быть произошла сдѣлка эта не безъ денегъ...

Въ 1832 г., августа 27 дня, умерла мать моя—*Авдотья Васильевна*—отъ поноса, сопровождавшагося икотою. Отецъ мой упалъ духомъ, опустился. И прежде онъ любилъ пить, не смотря на падучую болѣзнь свою, но только по воскреснымъ днямъ—въ приходѣ. По смерти жены сталъ залучать къ себѣ встрѣчнаго и поперечнаго, чтобы раздѣлить горькую чарку... Я былъ уже на должности; братъ Евграфъ поступилъ въ Академію. Родные склоняли отца скорѣе устроить послѣднюю дочь. Я послалъ на выдачу ея замужъ свои призовыя деньги, полученныя за разсужденіе *„О крещеніи Вел. Княгини Ольги.* [1]) Но что и тогда значили эти деньги? Отецъ рѣшился въ пользу дочери пожертвовать своимъ священническимъ мѣстомъ,—а самъ, вышедши за штатъ, хотѣлъ поступить въ монахи. Архіерей оставилъ его при своемъ домѣ духовникомъ. Съ этихъ поръ отецъ мой погрузился въ свято-отеческія творенія, и выписками изъ нихъ наполнена вся *памятная книжка* его. Онъ даже писалъ ихъ между строками написаннаго прежде—въ теченіе жизни. Онъ уже не пилъ водки. Но вдругъ постигаетъ его несчастіе. Въ банѣ, когда онъ парился, сдѣлался съ нимъ припадокъ: когда онъ пришелъ въ себя, потерялъ языкъ, или правильнѣе—память словъ и рѣчи. Онъ не могъ припомнить названія вещи, на которую указывалъ. Если послѣ и возвратилась память словъ, то онъ не могъ распредѣ-

---

[1]) Будучи студентомъ Кіевской Академіи, авторъ сихъ „записокъ“ Ник. Ив. Соколовъ написалъ сочиненіе на премію Митрополита Кіевскаго Евгенія—подъ заглавіемъ: *„О времени крещенія Велик. Княгини Ольги“*—Изъ какой суммы состояла премія и когда она получена была авторомъ,—сбъ этомъ подробно говорится въ этихъ *запискахъ* ниже—Л. М.

лить ихъ по вещамъ и предметамъ.—Отецъ былъ отданъ на пропитаніе роднымъ Сестра моя *Варвара* и мужъ ея—*Оранжевъ*, занявшій мѣсто моего отца, пріютили больного. Съ ними тогда жила и Матрена Львовна. Отцу возвратилась полная память: но онъ хотѣлъ быть *схимникомъ*. Онъ давно не пилъ водки, не ѣлъ мяса; но для уединеннаго чтенія молитвъ уклонялся въ богадѣльню, построенную изъ кирпича, по его внушенію, еще Евграфомъ Ивановичемъ, когда строилась церковь. Въ этой богадѣльнѣ никого не было: мужики своихъ калѣкъ держали при себѣ. Лѣтомъ даже ночевалъ тамъ отецъ. По временамъ онъ пѣшій ходилъ верстъ за 20 къ несчастной дочери своей *Екатеринѣ*—въ село *Бакланово*. Порывался онъ и ко мнѣ; но *Оранжевы* не пускали.—Примѣръ воздержанія и непрестанной молитвы моего отца сильно дѣйствовалъ на сестру Варвару Оранжеву и мужа ея. Они перестали ѣсть мясное и рѣшились посвятить себя исключительному служенію Богу и человѣчеству. А тутъ въ 1837 году послѣдовалъ вызовъ священника на дѣло распространенія вѣры между Алеутскими язычниками. Въ 1838 г. въ Орловской губерніи былъ страшный голодъ. Въ это время священникъ Оранжевъ изъявилъ согласіе на миссіонерство, и отца моего отправилъ ко мнѣ—въ Одессу. Оставивъ его въ 1831 году, во время тогдашняго посѣщенія мною родины, сильнымъ и безъ малѣйшей сѣдины, я видѣлъ теперь хилаго и сѣдого старика, развалину, и едва по голосу узналъ его. Онъ меня видѣлъ безъ бороды и въ свѣтской одежѣ,—теперь и онъ едва могъ узнать меня—въ рясѣ и съ широкою бородою... Когда узналъ меня, онъ долго любовался мною... Привезъ онъ 10 рублей мѣдью и, подавая ихъ мнѣ, промолвилъ, что ничего изъ нихъ не истратилъ, а питался только хлѣбомъ, взятымъ на дорогу. Квартира моя была просторна, но сыра, и я помѣстилъ его въ самой сухой и теплой комнатѣ. Оранжевы писали, что отправляя отца, они только исполнили непреодолимое желаніе его—видѣть меня, но умолчали о свирѣпствовавшемъ голодѣ и о томъ, что подписались на вызовъ правительства въ Алеутскую епархію.

Спустя годъ или полтора присланы были деньги на подъемъ и на дорогу до Иркутска съ предписаніемъ всѣмъ подписавшимся немедля отправляться. Оранжевъ не колебался, запродалъ домъ поступившему на его мѣсто въ с. Спасское священнику. Сестра тоже рѣшилась. Пріѣхала къ нимъ сестра Екатерина. Съ нею сестра Варвара поѣхала въ Орелъ скупить нужное на дорогу. Тамъ они услышали, что до мѣста, куда надо было

ѣхать, 6 тысячъ верстъ. Но не вѣрили. Они не знали географіи. Когда возвратились въ Спасское, Оранжевъ не сталъ скрывать отъ нихъ истины,—и Варвара упала въ обморокъ съ конвульсіями... Этотъ обморокъ повторился и въ церкви—во время молебна напутственнаго. Екатерина стала развлекать ее пѣсеньками, Варвара вторила ей. Когда, уложившись на дорогу, стала прощаться съ сестрой, съ нею послѣдовалъ третій припадокъ, окончившійся въ тотъ же часъ смертію... Послѣдовали похороны, остановившіе выѣздъ Оранжева на недѣлю, но нисколько не воспрепятствовавшіе ему. — *Матрена Львовна Черкасова* умерла незадолго предъ этимъ. Но оставалась *Пелагея Павловна*. Эта самоувѣренная старушка приняла на руки дѣтей покойницы—мальчика и дѣвочку—и, бросивъ свою келлію или домикъ, отправилась съ Оранжевымъ въ Алеутскую епархію. Мальчикъ не вынесъ дороги, умеръ и погребенъ за 20 верстъ не доѣзжая до Иркутска... Пелагея Павловна съ дѣвочкою оставлена въ Иркутскѣ въ женскомъ монастырѣ, а Оранжевъ отправленъ къ Алеутамъ. Что съ нимъ послѣдовало, не знаю; слышно было, что Оранжевъ возвратился и теперъ настоятельствуетъ въ какомъ-то монастырѣ...

Отецъ мой не перемѣнилъ жизни въ моемъ домѣ. Онъ не ѣлъ мяса, не пилъ водки, часто молился вслухъ; и это продолжительное и частое чтеніе молитвъ и акаѳистовъ наскучивало нѣкоторымъ лицамъ моего семейства. Онъ не выжилъ и года... Сталъ слабѣть и когда ослабѣлъ, просилъ напутствовать его причастіемъ св. таинъ. Смерть его была не тяжелая. Сперва охладѣли ноги и руки, потомъ животъ: оставалась жизнь только въ груди и въ головѣ. Чувствуя холодъ, онъ просилъ *омигу*... Насилу понялъ я, что онъ проситъ водки. Я далъ ему рюмку. Вскорѣ онъ не въ состояніи былъ откашливать мокроты и цѣлые сутки храпѣлъ. Промочивъ чаемъ глотку его, я спрашивалъ его: гдѣ чувствуетъ боль?—И получилъ отвѣтъ: „нигдѣ,—пріятенъ сонъ, не буди меня"!—Скончался тихо...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ

СТОРОЖЕНКО.

Родился 13 мая 1840 г., скончался 10 января 1906 г.

Николай Ильичъ Стороженко.

Еще одна большая сила ушла отъ насъ въ могилу, оставивши лишь отблескъ своего духа. Въ Москвѣ, 12-го января, скончался Н. И. Стороженко. Въ ближайшее время послѣ его смерти, во многихъ газетахъ были помѣщены некрологи, въ которыхъ, пока кратко, было указано, какую потерю понесла наука и московскій университетъ въ лицѣ угасшаго Николая Ильича, ученаго съ большимъ именемъ и недавняго профессора. „Кіевская Старина", въ предыдущей книжкѣ, послала также свое земляцкое скорбное слово на свѣжую могилу Николая Ильича, оставивши для настоящей книжки возможность дать болѣе подробный обзоръ жизни его и литературной дѣятельности, а также прилагаемый портретъ его. Мы не будемъ перечислять біографическихъ фактовъ, вошедшихъ въ некрологи; напомнимъ лишь главнѣйшіе, изъ которыхъ первый, мѣсто рожденія Н. И-ча, имѣетъ для насъ особое значеніе, какъ доказывающій земляцкую близость къ намъ покойнаго.

Н. И. Стороженко родился въ Полтавщинѣ, въ лохвицкомъ уѣздѣ, въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ, гдѣ и провелъ дѣтство, — время, оставляющее самыя глубокія впечатлѣнія, формирующія духовный складъ человѣка, создающія на всегда незримую связь его съ роднымъ мѣстомъ. Гимназическіе годы Н. И-чъ провелъ также на Украинѣ, такъ какъ воспитывался въ кіевской гимназіи. Лишь университетская наука оторвала его отъ родного края: онъ проходилъ университетъ московскій. Мы не имѣемъ указаній, при какихъ воздѣйствіяхъ, или по какимъ личнымъ

соображеніямъ, Н. И. выбралъ именно московскій университетъ; но фактъ этотъ имѣлъ рѣшающее, во всякомъ случаѣ, огромное вліяніе на всю послѣдующую ученую дѣятельность Николая Ильича и на связь его съ родиной, въ смыслѣ связи съ наукой и словомъ, близкими Украинѣ. Безспорно, будучи московскимъ студентомъ-филологомъ Н. И. имѣлъ возможность слушать такихъ профессоровъ, — знаменитостей въ области тогдашней русской науки, — какъ Грановскій, Буслаевъ, Кудрявцевъ и другіе, но за то Москва оторвала Н. И-ча отъ Украины, отъ круга литературныхъ интересовъ родного центра, отъ идей, въ какой бы то ни было степени близкихъ къ мѣстнымъ, національнымъ задачамъ украинской, или, какъ тогда говорили, украинофильской интеллигенціи. Какъ много могло бы значить въ данномъ случаѣ болѣе тѣсное общеніе съ приверженцами національной украинской идеи, можно судить по тому, что первыя ученыя занятія Н. И-ча были навѣяны Бодянскимъ и Максимовичемъ, близкимъ тогда къ московской филологической сферѣ: Н. И-чъ ревностно занимается еще въ университетѣ филологіей и старинной письменностью Южной Руси.

Замѣчательно, что и первая работа, съ которой Н. И-чъ выступилъ въ области литературной критики, сдѣлавшейся впослѣдствіи его спеціальностью и доставившей ему громкое имя, — касалась украинскаго изданія. Это была довольно обширная и очень обстоятельная рецензія на альманахъ, выпущенный Мордовцевымъ въ Саратовѣ, подъ названіемъ „Малорусскій литературный сборникъ“. Рецензія эта помѣщена въ Отеч. Зап. за 1859 г.

Мы остановимся подробнѣе на этой статьѣ, такъ какъ она интересна не только сама по себѣ (характеризуя изданія и рецензіи, появлявшіяся почти лѣтъ 50 назадъ), но также по тѣмъ особенностямъ, которыя Н. И-чъ обнаружилъ, какъ критикъ, въ этой первой своей работѣ.

Изъ первыхъ же строкъ ея видно, что авторъ относится съ симпатіей къ новостямъ украинской литературы. Онъ начинаетъ свою рецензію такъ: „Сборникъ этотъ составляетъ пріятное явленіе въ современной малорусской литературѣ. Честь и слава новымъ дѣлателямъ на нашей родной нивѣ — Украинѣ! Но за то, какъ обильна, какъ благодатна эта нива: какіе полные, свѣжіе звуки несутся оттуда!“

Однако такое сочувственное отношеніе автора рецензіи къ новинкѣ украинской литературы не сдѣлало его пристрастнымъ

въ оцѣнкѣ изданія. Н. И-чъ отнесся съ должной требовательностью къ изданію и даже въ частности къ „дѣлателю"—Д. Мордовцеву: въ первыхъ же строкахъ, слѣдовавшихъ за вступленіемъ, Н. И. упрекаетъ Мордовцева въ неискренней, или, во всякомъ случаѣ, неясной постановкѣ въ его предисловіи къ сборнику вопроса объ украинскомъ языкѣ: „Не знаешь", — говоритъ Н. И., — „считаетъ ли авторъ украинскій языкъ за вѣтвь великаго цѣлаго, или даетъ ему значеніе самостоятельнаго нарѣчія. Къ чему эти недомолвки? Имъ не мѣсто въ строго ученомъ изложеніи. По нашему мнѣнію, въ настоящее время всякія препирательства о древности и самобытности южно-русскаго нарѣчія совершенно безплодны, особенно когда появляются изданія памятн. древняго церк.-слав. языка, свидѣтельства которыхъ могущественнѣе и убѣдительнѣе всевозможныхъ разсужденій".

Затѣмъ, съ цитатами Мордовцева и своими, авторъ рецензіи обсуждаетъ вѣчно юный (даже до нашихъ дней!) вопросъ о томъ—„языкъ это или нарѣчіе"? „самостоятельное или нѣтъ"?... Приводятся слова изъ старыхъ письменныхъ источниковъ, — лѣтописи, сборника XII в., о которомъ въ рецензіи говорится: „Недавно, въ Чтеніяхъ Мос. Общ. исторіи и древностей былъ изданъ Бодянскимъ дрогоцѣнный памятникъ нашей древней письменности — житіе Ѳеод., по характерному списку одного сборника XII в. Въ этомъ сборникѣ мы видимъ, какъ сквозь тройную броню церковно-славянскаго склада рѣчи пробивались иногда слова чисто-народныя. Правда, они пробиваются еще какъ-то робко, но тѣмъ не менѣе число ихъ значительно (*вгодник*, *жито*, *проскура* и пр.). Даже наша неизмѣнная „*свита*" и тогда уже была въ употребленіи, что видно изъ слѣдующаго мѣста житія: „а одежда его (Ѳеод.) бѣ свита власяна". Кажется, приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы заключить, что въ XII в. существовало нарѣчіе, которымъ говорила тогдашняя кіевская Русь, которое незамѣтно вторгалось въ повѣствованіе и которое есть не что иное, какъ наше украинское нарѣчіе".—

Переходя къ содержанію сборника Мордовцева, Н. И. не одобряетъ поэмы самого издателя — „Козаки і море"; онъ цитируетъ такой отрывокъ (взрывъ въ крѣпости):

Торохъ!... З коргвами,
З списами, з ножами,
З кривими шаблями,
І усі з чубами,

І мури, і брами....
Земля застогнала,
Нічого не стало!...

Н. И., называя поэму Мордовцева „трудная повѣсть" (перефразируя выраженіе „Слово о пол. Игор." въ иномъ значеніи), говоритъ, что украинскій простолюдинъ, „который съ наслажденіемъ будетъ слушать что-нибудь изъ Котляревскаго, Шевченка, Марка-Вовчка, Куліша и др., ничего не пойметъ изъ приведенной страницы".

Но затѣмъ рецензентъ съ похвалою указываетъ два мѣста въ поэмѣ: пѣсню Галі й прощанье кошевого съ предводителемъ козаковъ, передъ походомъ на турокъ; къ послѣднему мѣсту приводится цитата:

Оце-ж тобі моя шабля,—
Заржавіла, бідна!
А се тобі куля срібна,
Як матінка рідна! — і т. д.

Выраженіе „срібна куля" даетъ поводъ рецензенту къ экскурсіи въ область этнографіи, со ссылками на источники (между прочимъ на Lud ukrainski, Новосельскаго), что показываетъ уже и у тогдашняго Стороженка пріемъ достойный подражанія — говорить о предметѣ съ солидными данными въ рукахъ.

О переводѣ Мордовцева Гоголевской повѣсти „Ночь наканунѣ Ивана Купала" Н И—чъ говоритъ, что онъ сдѣланъ довольно хорошимъ языкомъ, но былъ бы еще лучше, еслибъ Мордовцевъ не держался такъ близко подлинника: тогда языкъ перевода былъ-бы „живѣе и развязнѣе".

Самое серьезное вниманіе останавливаетъ Н. И—чъ на отдѣлѣ думъ и пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ (болѣе 200, записанныхъ на Волыни Костомаровымъ). По поводу этихъ пѣсенъ рецензентъ высказываетъ самое теплое отношеніе къ родному слову: „Если судить по этому (т. е. большому количеству вновь опубликованнаго пѣсеннаго матеріала), то какая богатая жатва ожидаетъ впереди любителей украинской старины! Благодаря нѣжному, можно сказать религіозному отношенію украинскаго простолюдина къ его роднымъ пѣснямъ, мы теперь можемъ вызвать нѣсколько живыхъ звуковъ изъ доносящагося до насъ неяснаго гула минувшаго времени, начертить яркую картину исторической жизни Украины, по крайней мѣрѣ какъ она отразилась

въ народномъ сознаніи. Пѣсни — это запекшаяся кровь народа на развалинахъ его исторической жизни". Затѣмъ приводится извѣстный отзывъ объ украинскихъ пѣсняхъ Гоголя: „Моя радость! жизни моя, пѣсни! какъ я васъ люблю!" и т. д.

Одно мѣсто сборника, въ думѣ про Хмельницкаго, — „бодай тебе, Хмельниченьку, перша куля не минула!" — (проклятіе за то, что союзники Хмельницкаго, татаре, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей на Украинѣ) — очень огорчило рецензента: онъ изо всѣхъ силъ старается защитить Хмельницкаго.—„Это страшное народное проклятіе", — говоритъ Н. И-чъ, — „бросаетъ на величественную фигуру Хмельницкаго какой-то зловѣщій отблескъ; но мы не можемъ принять на себя тяжелой роли обвинителей противъ него, потому что еще не выслушана altera pars: скорбный голосъ этой пѣсни едва слышенъ посреди торжествующихъ кликовъ благодарности и восторговъ, которыми тотъ-же народъ почтилъ память своего любимаго гетмана:

Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа!
Сама себе на сміхъ не давала,
Неприятеля підъ ноги топтала....

Затѣмъ Н. И. отмѣчаетъ „единственную у насъ религіозную думу" — волынскую пѣсню о битвѣ подъ Почаевомъ. („Ой зійшла зоря вечеровая, над Почаевом стала"...). Останавливается Н. И. также на пѣсняхъ о Морозенкѣ, о Бондаривнѣ и др.; оканчиваетъ же рѣчь о пѣсняхъ тѣмъ, что отсылаетъ читателя къ Сборнику — къ самому источнику: „gratius ex ipso fonte bibuntur aquae".

По поводу помѣщенныхъ въ Сборникѣ сказокъ (про Оха, Ивашка и др.) опять дѣлаются научныя сближенія, а именно— мотивовъ нашихъ сказокъ съ мотивами древне-сѣвернаго эпоса (ретязь—и Schwanring, дѣва-лебедь—и schwanjungfrau). Въ этихъ научно-обставленныхъ комментаріяхъ опять видѣнъ послѣдователь школы Бодянскаго и Максимовича.

Оканчиваетъ Н. И. свою рецензію такъ: „Отъ души желаемъ видѣть скорѣе продолженіе трудовъ г. Мордовцева и его сотрудниковъ на поприщѣ украинской старины и народности".

Нельзя не сказать по поводу всей этой рецензіи Стороженка: какъ жаль, что, будучи первымъ его критическимъ трудомъ, она осталась, на долгій періодъ, единственной пробой Н. И-ча въ

этой области! Обнаруживши такую любовь къ родному слову, такую симпатію къ его дѣятелямъ, — какимъ бы полезнымъ руководителемъ украинской литературы могъ быть Н. И-чъ, при его познаніяхъ, при его критическомъ талантѣ и чутьѣ!

Но за первой блестящей работой Н. И-ча въ области украинской критики не послѣдовали другія... Очевидно, иные факты ближайшей умственной жизни, другіе литературные интересы заняли время и заполонили мысль Н. И-ча. Онъ дѣлается преподавателемъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, а затѣмъ и профессоромъ Московскаго университета. Предметъ всеобщей литературы всецѣло поглощаетъ его. Онъ предпринимаетъ поѣздку за границу, уже увлеченный критическими работами о Шекспирѣ...

Къ тому же, надо сказать, что его первая рецензія на сборникъ Мордовцева относится къ періоду особаго оживленія украинской литературы. Но періодъ этотъ, ознаменовавшійся не только выходомъ отдѣльныхъ украинскихъ изданій (Кулиша и др.), но даже изданіемъ особаго журнала „Основы“, былъ не дологъ. Уже въ 61 году поднялась, вышедши изъ Москвы, травля на все украинское движеніе; прекратилась „Основа“, да и вся вообще украинская лутература стѣснена была до крайности и мало давала матеріала для рецензентовъ!.. Потянулись для украинскихъ писателей долгіе годы подневольнаго молчанія; лишь изрѣдка появлялось въ печати сдавленное украинское слово. Нужна была у авторовъ *особая* охота писать по украински, а у рецензентовъ особая охота замѣчать эти единичныя попытки поддерживать тлѣющую искру...

Этой *особой* охоты Н. И-чъ не проявилъ. Связи съ роднымъ краемъ было у него мало; Москва же все больше и больше забирала его. Являлись вообще иные умственные интересы, какъ мы сказали выше. Н. И-чъ мало по малу дѣлается извѣстнымъ авторомъ, критикомъ въ области литературы русской и западноевропейской.

Уже такія работы, какъ „Апостолъ гуманности и свободы“, (Паркеръ), какъ „Поэзія міровой скорби“, „г-жа Сталь“ и др., могли бы сдѣлать Н. И-чу имя въ литературѣ. Но особенную славу пріобрѣлъ онъ своими критическими трудами о Шекспирѣ, снискавшими ему извѣстность одного изъ лучшихъ въ Европѣ Шекспирологовъ.

На этихъ трудахъ мы намѣрены особенно остановиться.

Изслѣдованіе произведеній Шекспира разрослось у Н. И-ча въ обширнѣйшую область: сюда вошло не только подробнѣйшее изученіе самихъ произведеній геніальнаго драматурга, въ связи съ біографіей его, но также изученіе произведеній предшественниковъ его, изученіе всей эпохи, изъ которой они вышли, которая обусловила тотъ или иной характеръ ихъ творчества; къ этому прибавляется еще подробное знакомство съ критической литературой, относящейся къ предмету.

Трудно себѣ представить всю ту массу матеріаловъ, которую Н. И-чъ поставилъ себѣ въ обязанность прочесть! Ему казалось недостаточнымъ познакомиться съ тѣмъ книжнымъ матеріаломъ, какой онъ могъ имѣть въ русскихъ столичныхъ хранилищахъ, — Н. И-чъ дважды отправляется для своихъ трудовъ по изученію Шекспира въ Англію и тамъ перечитываетъ массу печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, — всякаго рода литературныхъ произведеній, старыхъ хроникъ, переписки, критическихъ отзывовъ (среди которыхъ назовёмъ изданіе Шекспировскаго Общества — въ нѣсколькихъ томахъ, „отзывовъ о Шекспирѣ за сто лѣтъ"), и т. д. и т. д! Въ результатѣ этого подробнѣйшаго изученія — Шекспировская эпоха встаетъ въ изслѣдованіи Стороженка живою, говорящею не только академическимъ, но также своимъ интимнымъ языкомъ, при чемъ какая нибудь повидимому незначительная мелочь, слово какого-либо стоящаго въ сторонѣ лица, даетъ важный штрихъ въ общей яркой картинѣ.

Разумѣется, что не достаточно было познакомиться съ этою массою архаическихъ и новѣйшихъ источниковъ, — надо было освѣтить ихъ всесторонне и разобраться въ нихъ съ извѣстной осторожностью и чутьемъ. Вотъ здѣсь то и сказался тонкій, аналитическій складъ ума Н. И-ча. Онъ съ истинно художественнымъ чутьемъ разбирается иногда среди противорѣчивыхъ данныхъ и мнѣній, отличаетъ важное отъ случайнаго, взвѣшиваетъ весь матеріалъ по своему, подвергаетъ собственному даровитому анализу цѣлыя критическія теченія, дѣлая свои остроумнѣйшіе блестящіе выводы. Не даромъ изслѣдованіе Н. И-ча Стороженка обратило на себя вниманіе въ западной Европѣ, имѣющей огромную критическую литературу о Шекспирѣ; не даромъ англійское Шекспировское Общество наградило нашего изслѣдователя почетнымъ титуломъ „Вице-предсѣдателя" этого О-ва.

Мнѣ хочется подробнѣе остановиться на изслѣдованіи Н. И. Стороженка о Шекспирѣ, его школѣ, критическихъ системахъ, касавшихся его, — хочется сдѣлать это не по долгу лишь авто-

ра статьи о Стороженкѣ, а хочется подробнѣе остановиться на этомъ капитальномъ трудѣ Н. И-ча потому, что трудъ этотъ увлекаетъ меня своимъ интересомъ, стройностью изображенія такого сложнаго предмета, ясностью освѣщенія и красотою изложенія. Съ сочиненіями Н. И-ча у насъ мало знакомы. Обширныя литературно-критическія изслѣдованія теперь вообще „не въ фаворѣ“; между тѣмъ образцовое изслѣдованіе интереснѣйшей эпохи и геніальнѣйшаго творчества стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ подробнѣе.

Начиная обзоръ произведеній Шекспира, Стороженко не ограничивается его драматическими сочиненіями, а останавливается прежде всего на его лирическихъ стихотвореніяхъ — сонетахъ, ставя характеръ ихъ въ связь и съ драматическими произведеніями Шекспира. Считаю не лишнимъ привести изъ многихъ его сонетовъ, цитируемыхъ Н. И-чемъ въ своемъ изслѣдованіи, хотя одинъ (тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, далеко не всѣмъ извѣстенъ и самый фактъ существованія этого рода произведеній Шекспира). Вотъ это поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ искусное по формѣ стихотвореніе:

Когда простились мы, — какой зимой нежданной
Повѣяло вокругъ! Какъ сумрачны поля!
Какъ тяжекъ небосклонъ угрюмый и туманный!
Какой пустынею казалася земля!
А вѣдь она цвѣла: сады въ уборѣ новомъ
Сіяли золотомъ, дыханья розъ полны,
И осень пышная, подобно юнымъ вдовамъ,
Несла плоды любви умчавшейся весны.
Но умирающей казалась мнѣ природа...
Ты лѣто для меня, а нѣтъ тебя со мной,
И нѣмы соловьи, и если съ небосвода
Польется робко пѣснь подъ чашею лѣсной,
Такъ сумрачна она, что, чутко ей внимая,
Поникшіе цвѣты блѣднѣютъ, умирая.

Это чисто лирическое, нѣжно-красивое стихотвореніе и другія въ томъ же родѣ не исчерпываютъ мотивовъ Шекспировскихъ сонетовъ, среди которыхъ иные отличаются болѣе энергическимъ тономъ, горячею страстью; одинъ изъ сонетовъ приводится Стороженкомъ, какъ имѣющій въ себѣ чисто „гражданскій“ мотивъ. Вотъ начало этого стихотворенія (въ переводѣ Червинскаго).

Тебя, о смерть, тебя зову я, истомленный!
Усталъ я видѣть честь поверженной во прахъ,
Заслугу — въ рубищѣ, свободу — искаженной
И бѣдность съ шутовской усмѣшкой на губахъ...
Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
Опальныхъ мудрецовъ, носящихъ скорбь въ тиши,
Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И силу, мертвую отъ немощей души,
Искусство робкое предъ деспотизмомъ власти...

И такъ далѣе, — настоящій вопль отчаянія при видѣ торжествующаго насилія, зла и несправедливости въ родной странѣ. Въ другомъ сонетѣ высказывается горькое раздумье надъ жизнью вообще, съ призывомъ къ нравственному совершенству.

Въ Шекспировскихъ сонетахъ, этихъ юношескихъ произведеніяхъ, не смотря на неизбѣжную въ духѣ того времени условность ихъ формы, антитезовъ и сравненій, Стороженко видитъ своеобразную искренность, высоко-настроенную душу и вообще *основныя черты* поэтическаго генія Шекспира, на первой ступени ихъ развитія: идеальный строй духа, страстное участіе къ волновавшимъ тогдашнее общество вопросамъ и философскій складъ ума, побуждавшій его даже въ юности задумываться надъ горькимъ смысломъ жизни. Въ частностяхъ тоже можно наблюдать совпаденіе между сонетами Шекспира и драмами. Такъ, въ сонетахъ не разъ встрѣчается сравненіе міра со сценой, а людей съ актерами. Этотъ профессіональный образъ Шекспиръ развиваетъ въ монологѣ Жака (*какъ вамъ угодно*) и въ монологѣ Макбета: „наша жизнь — одна бродячая тѣнь, громкій актеръ, который рисуется и кичится какой нибудь часъ на сценѣ, а потомъ пропадаетъ безъ вѣсти; это сказка, разсказанная безумцемъ“...). Второй приведенный нами сонетъ Шекспира (66-й) служитъ прототипомъ для знаменитаго монолога Гамлета „Быть или не быть“: также какъ тамъ, у принца является желаніе умереть при видѣ царящаго зла.

Такимъ образомъ, точкой отправленія какъ для изученія драмъ Шекспира, такъ и его характера, должны служить сонеты, и если Шекспиръ, какъ творецъ Гамлета, Макбета и Лира, внушаетъ намъ благоговѣніе къ его генію, то Шекспиръ сонетовъ, пылкій, восторженный, стремящійся къ идеалу нравственнаго равновѣсія, правды и гуманности, — внушаетъ намъ высокое уваженіе къ его нравственной личности.

Такимъ блестящимъ аккордомъ заканчиваетъ Стороженко сближеніе стихотвореній Шекспира съ его драмами. Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ драмъ, Стороженко разбираетъ положенія наиболѣе выдающихся критическихъ школъ, опредѣлявшихъ произведенія Шекспира и смѣнявшихъ одна другую.

Отдавая должное вообще нѣмецкой критикѣ, которая въ качествѣ первой на европейскомъ континентѣ признала высокое значеніе произведеній Шекспира, признавая громадную эрудицію и глубину изслѣдованія нѣмецкой критики, Стороженко поочередно анализируетъ положенія по отношенію къ творчеству Шекспира, въ ихъ исторической послѣдовательности. Прежде всего онъ знакомитъ со взглядами на Шекспира псевдоклассической школы нѣмецкой, для которой, при ея условности и окаменѣлой традиціи, творчество Шекспира казалось слишкомъ дерзкимъ и грубымъ новаторствомъ. Кромѣ простонародныхъ, балаганныхъ представленій, на нѣмецкой сценѣ всецѣло царили французскіе ложно-классическіе образцы, съ ихъ ходульными героями, напыщеннымъ, манернымъ языкомъ. Имя Шекспира упоминается въ нѣмецкой литературѣ не ранѣе 1682 года, и лишь въ 1740 г. появляется въ Германіи, на берлинскомъ театрѣ, Шекспировскій „Юлій Цезарь“; по поводу этого появленія нѣмецкій критикъ писалъ, что Шекспиръ творилъ подъ вліяніемъ дикаго, порывистаго вдохновенія, и если ему иногда удавалось выбрасывать со дна своей души настоящіе перлы, то это была не болѣе, какъ случайность, потому что онъ былъ безъ всякаго образованія и вкуса. Такъ судила о Шекспирѣ критика школы ложно-классической.

Но на смѣну ей уже шло новое литературное движеніе. Французскіе образцы драмы уже отжили свое время; нѣмецкая критика мало по малу начинаетъ предъявлять къ драмѣ иныя требованія. Лессингъ явился могучимъ борцомъ противъ французской трагедіи и, начавши эту борьбу, вооружился именно произведеніями Шекспира. Онъ совѣтуетъ нѣмецкимъ драматургамъ не подражать французскимъ образцамъ, — если они хотятъ создать что-либо въ народномъ духѣ, — а обратиться къ Шекспиру и его современникамъ: они укажутъ вамъ настоящую дорогу.

Однако престижъ классическихъ авторовъ былъ такъ великъ, что Лессингъ строитъ свою защиту Шекспира на нихъ, доказывая, что онъ, не зная древнихъ, стоитъ къ нимъ ближе, чѣмъ Корнель, такъ

какъ Корнель ограничивался чисто внѣшнимъ, механическимъ подражаніемъ, междутѣмъ какъ Шекспиръ, подобно Эсхилу и Софоклу, изображалъ жизнь во всей ея полнотѣ и разнообразіи, соблюдая Аристотелевъ законъ единства драмат. творчества.—Такой отзывъ характеризовалъ собою школу *эстетическую,* которая считала принципы и пріемы творчества общими,—безотносительно къ конкретнымъ условіямъ міросозерцанія, эпохи и ближайшей жизни автора.

Ученики Лессинга, идя по намѣченному имъ пути въ дѣлѣ освобожденія нѣмецкой драмы отъ ложно-классической рутины, пошли гораздо дальше, образовавши школу *историческую*, представителемъ которой является критикъ Герстенбергъ. Школа эта оставляла въ сторонѣ *общіе* законы драмы, доказывала, что „каждый народъ имѣетъ свое особое міросозерцаніе, иначе понимаетъ трагическое, и что поэтому странно прилагать къ произведеніямъ Шекспира масштабъ Аристотелевой теоріи, составленный по другимъ образцамъ, выросшей на другой почвѣ, подъ другимъ небомъ".

Знаменитый Гердеръ далъ болѣе стройное, талантливое развитіе идей Герстенберга, обнаруживъ живое и цѣльное пониманіе искусства. Въ особой статьѣ о задачахъ драмы онъ писалъ, что каждый народъ, кромѣ особаго языка, отличается отъ другихъ народовъ особымъ складомъ ума и фантазіи. Наиболѣе вѣрное и яркое выраженіе міросозерцанія народа — его поэзія; въ ней отражается душа народа, его задушевныя мечты, его любимые идеалы. Греческая драма была роскошнымъ цвѣткомъ въ развитіи миѳологическихъ и общественныхъ идей Греціи. Требовать отъ Англіи драмы въ греческомъ стилѣ нелѣпо. Драма Софокла и драма Шекспира—это двѣ до того различныя вещи, что онѣ едва-ли могутъ называться однимъ и тѣмъ же именемъ, а между тѣмъ онѣ обѣ прекрасны. Въ драмѣ Софокла царствуетъ единство типа и характера; разнообразіе характеровъ, положеній, сословій составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ драмы Шекспира. У перваго слышится вездѣ одинъ и тотъ-же пѣвучій и изящный языкъ образованнаго аѳинянина, Шекспиръ-же одинаково владѣетъ какъ языкомъ образованнаго „нобльмена", такъ и наивно-распущенной рѣчью народнаго шута. — Такимъ образомъ Гердеръ видитъ въ драмѣ прежде всего великое историческое явленіе, которое можетъ быть объяснено только изъ совокупности жизненныхъ условій, его произведшихъ.

Такая горячая проповѣдь о значеніи произведеній Шекспира, быть можетъ, обусловила появленіе перевода ихъ на нѣ-

мецкій языкъ, сдѣланнаго поэтомъ Виландомъ, а также появленіе Гетевской трагедіи Гецъ-фонъ-Берлихенгенъ", написанной въ духѣ драматическихъ хроникъ Шекспира. Свое восхищеніе Шекспиромъ и поклоненіе ему, какъ образцу, Гете выражаетъ такъ: „я не помню, чтобы какая нибудь книга или какое нибудь событіе моей жизни произвело на меня такое неотразимое впечатлѣніе, какъ драмы Шекспира. Онѣ мнѣ казались созданіями какого-то божественнаго генія, сошедшаго на землю, чтобы научить людей познавать самихъ себя. Это не поэтическія произведенія. Читая ихъ, съ ужасомъ видишь передъ собою раскрытую книгу человѣческихъ судебъ и слышишь, какъ бурный вихрь жизни съ шумомъ перевертываетъ ея листы. Все, что мнѣ думалось и гадалось о человѣческой жизни и о нашемъ назначеніи,— все это я нашелъ у Шекспира. Произведенія его похожи на часы изъ чистого кристалла, такъ что въ одно время видишь и ходъ времени и весь механизмъ ихъ движущій. Это прозрѣніе во внутренній міръ человѣка побудило и меня подойти поближе къ міру дѣйствительности, чтобы и самому черпать изъ этого неисчерпаемаго источника".

Такъ говорилъ о Шекспирѣ „олимпіецъ" Гете, уже примыкавшій къ школѣ *романтической*, яркій представитель которой, Шиллеръ, написалъ своихъ „Разбойниковъ" и „Вильгельма Телля" тоже подъ вліяніемъ Шекспира. Новый переводчикъ, давшій уже стихотворный, прекрасный переводъ Шекспира, и критикъ школы романтической, А. Шлегель, также съ высокимъ уваженіемъ отзывается о творчествѣ Шекспира, причемъ въ своихъ блестящихъ лекціяхъ объ этомъ предметѣ, прочитанныхъ въ Вѣнѣ въ 1808 году и переведенныхъ на другіе языки, указываетъ отличительное свойство испанскаго и англійскаго театровъ — ихъ *народность* (начало, къ которому въ то время уже рѣшительно приблизились романтики); въ частности же, относительно творчества Шекспира, Шлегель считаетъ отличительнымъ свойствомъ драматурга — способность переноситься въ каждое изображаемое положеніе и до того усвоить его своей душѣ, что оно становится какъ бы его личнымъ душевнымъ состояніемъ.

Въ своемъ восторженномъ пристрастіи къ Шекспиру Шлегель доходитъ до того, что даже ошибки Шекспира въ области исторіи, географіи и стилистики считаетъ не доказательствомъ отсутствія солиднаго образованія у Шекспира, а нарочитыми пріемами.

Но впрочемъ не всѣ представители романтической школы относились такъ восторженно къ Шекспиру, — и этому нельзя

удивляться. Противопоставляя направленію ложно-классическому начала большей натуральности и *народности*, романтики понимали ихъ своеобразно, отдавая большую дань повышенному чувству и фантазіи, переходившимъ въ экзальтацію и мистицизмъ; поэтому истые романтики, какъ Новалисъ, предпочитали Шекспиру Данте и Кальдерона. Реализмъ Шекспира былъ имъ непріятенъ.

Слѣдующей школой, занявшейся Шекспировской критикой, была школа *философская*, гегеліанская. Въ тридцатые годы 19-го столѣтія систему Гегеля, по которой всѣмъ міропорядкомъ управляетъ *абсолютное* начало, покоряющее себѣ все, перенесли и въ область искусства, отводя ему чисто подчиненную роль, при полномъ игнорированіи художественныхъ задачъ и пріемовъ творчества, — „дѣлая область искусства, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, лишь одной изъ провинцій монархіи абсолютнаго идеализма". Теорія была обоснована подробно. Если надъ всѣмъ огромнымъ космосомъ царитъ одно общее абсолютное, то этому общему должно приноситься въ жертву все частное, индивидуальное; поэтому въ гегелевой философіи правочеловѣческая личность цѣнится на столько, на сколько она служитъ общей идеѣ государства; также точно, по гегелевской теоріи драмы, задачи ея сводятся къ тому, чтобы показать зависимость повидимому своего особаго маленькаго космоса человѣческой личности отъ общаго начала, управляющаго нравственнымъ міромъ; изъ отношеній отдѣльной личности, имѣющей свои стремленія и личныя побужденія, къ общему нравственному началу вытекаютъ различныя коллизіи, ведущія иногда къ дисгармоніи, но задачею драматурга должно служить въ концѣ концовъ возстановленіе этой нарушенной гармоніи нравственныхъ началъ, потрясенныхъ борьбою личныхъ побужденій героевъ. А такъ какъ поступокъ и воля все же тѣсно связаны другъ съ другомъ и личность является отвѣтственной за свои поступки, то задачей драматурга является не только ярко изобразить *напряженность борьбы* великихъ нравственныхъ началъ (религіи, отечества, семейства, любви), но и явиться въ концѣ концовъ карающимъ или милующимъ судьей своихъ героевъ. Отсюда вытекалъ принципъ „поэтической справедливости", или авторскаго возмездія: герои, вышедшіе съ честью изъ нравственной борьбы, должны быть награждены, герои, нарушившіе нравственный законъ, должны быть покараны".

Философской теоріи не было никакого дѣла до художественныхъ пріемовъ творчества; она желала видѣть въ драмѣ не живую картину дѣйствительности, не зеркало души человѣческой, но лишь область отвлеченныхъ идей, борющихся въ мірѣ, безъ различія временъ и народовъ...

Философская теорія одинаково примѣнялась къ античнымъ драмамъ и къ произведеніямъ Шекспира, — критиками котораго явились, съ гегеліанскимъ кодексомъ, Тикъ, Ульрици, Ретшеръ.

Величіе Шекспира признавалось ими по столько, по сколько въ его драмахъ обнаруживалась борьба началъ и „поэтическая справедливость". Въ каждой изъ Шекспировыхъ драмъ они искали прежде всего основную идею (Grundidee) и торжество нравственнаго начала, выходящаго побѣдителемъ изъ борьбы съ нимъ отдѣльной личности, одержимой той или иной ослѣпляющей страстью.

Дѣлались всевозможныя натяжки: выходило, напр., что „Ромео и Джульета" написана чуть не для того только, чтобы отецъ Лоренцо могъ сказать въ концѣ свою нравоучительную сентенцію, а родители несчастной любящей пары — примириться...

Такую предвзятость, выходившую изъ началъ философской теоріи, обнаружилъ между прочимъ и знаменитый Гервинусъ, къ труду котораго о Шекспирѣ нашъ авторъ, Н. И., относится съ такимъ уваженіемъ, находя однако въ изслѣдованіи Гервинуса тотъ капитальный недостатокъ, что въ немъ Шекспиръ — *моралистъ* совершенно заслонилъ Шекспира — *художника*: въ этой ученой, но „сухой и черствой", критикѣ, высокія свойства послѣдняго остались совершенно безъ вниманія.

Но время шло — и наступила реакція противъ односторонихъ взглядовъ философской школы на искусство, приписывавшей ему слишкомъ подчиненную роль, игнорировавшей задачи художественныя. Профессора, знаменитые писатели, какъ Флате, Крессигъ, Боденштедтъ и др., заявляютъ громкій протестъ противъ порабощенія искусства формуламъ отвлеченной философіи. Появляется школа критики *реалистической*. Въ этомъ новомъ духѣ выпущена была въ 1866 году, въ Германіи, посвященная критикѣ Шекспира, книга Рюмелина. Авторъ отвергаетъ прежде всего проведеніе въ драмахъ Шекспира философскаго принципа „высшей гармоніи", „поэтической справедливости".—„Судите сами, говоритъ Рюмелинъ: Корделія повѣшена въ тюрьмѣ, Дездемона задушена мужемъ, Офелія сошла съ ума и утопилась. Гдѣ же тутъ справедливость?! Если критики идеалисты находили и

здѣсь „справедливость“, то лишь потому, что имъ хотѣлось ее найти. Вообще, говоритъ Рюмелинъ, произведенія Шекспира сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ Библіи, — каждый находитъ въ нихъ то, чего хочетъ! Пора низвести Шекспира на землю, пора разсѣять тотъ туманъ, который окружаетъ его величавую, но неопредѣленную фигуру“.

Крайній реализмъ Рюмелина, по мнѣнію Стороженка, такъ же одностороненъ, какъ и идеализмъ философской школы. Особенно возмущаетъ нашего автора мнѣніе Рюмелина, что Шекспиръ уже потому не могъ особенно проводить въ своихъ драмахъ идеалистическія теоріи, что былъ профессіонально заинтересованъ въ театральномъ успѣхѣ своихъ пьесъ и потому долженъ былъ заботиться главнымъ образомъ о внѣшней сторонѣ своихъ сочиненій (интересной фабулѣ, сценичности и пр.), — долженъ былъ подлаживаться подъ вкусъ публики, которая была не высокой пробы, такъ какъ театръ находился, во времена Шекспира, въ презрѣніи у порядочнаго общества.

Такой взглядъ на Шекспира кажется Н. И-чу унижающимъ великаго драматурга, такъ какъ низводитъ его на степень лишь какого-то „мастера театральныхъ дѣлъ“. Актеровъ же и театральную публику времени Шекспира Стороженко также защищаетъ, говоря, что актерами были люди образованные, а между ними студенты и извѣстные писатели; публика была всякая, включительно до дамъ большого свѣта. Съ однимъ безусловно соглашается Н. И-чъ, что разнообразнѣйшія мнѣнія о Шекспирѣ требуютъ пересмотра.

Въ числѣ главъ своей книги о Шекспирѣ, являющихся обзоромъ различныхъ критическихъ отзывовъ о великомъ драматургѣ, Н. И-чъ удѣляетъ вниманіе и русской критикѣ, Чуйко и Бѣлинскому. Мы не будемъ останавливаться на отзывѣ Н. И-ча о первомъ, такъ какъ уже одно названіе главы, посвященной г-ну Чуйко, показываетъ, какъ опредѣляетъ его критику Н. И-чъ: эта глава называется — „Диллетантизмъ въ Шекспировской критикѣ“. Что касается до критическихъ мнѣній Бѣлинскаго, касавшихся Шекспира, то, собранныя Стороженкомъ въ общихъ чертахъ, они являются въ довольно смутномъ видѣ. Держась вначалѣ взглядовъ гегеліанской школы, Бѣлинскій постепенно отрѣшается отъ нихъ, не давши однако обстоятельнаго опредѣленія Шекспировскаго творчества. Н. И-чъ отмѣчаетъ, впрочемъ, поэтическую сущность критики Бѣлинскаго и высказываетъ по этому поводу глубоко-справедливый взглядъ на литературную критику вообще.

Н. И-чъ говоритъ: „ если справедливо, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, то еще болѣе справедливо, что для правильной оцѣнки поэта критикъ долженъ быть до нѣкоторой степени и самъ поэтомъ, т. е. обладать, кромѣ эстетическаго пониманія, еще и поэтическимъ чувствомъ. Всѣ ошибки нѣмецкой шекспировской критики", — говоритъ Н. И-чъ, — „происходятъ отъ того, что ея представители, при всей своей учености и глубокомыслiи, не обладаютъ въ достаточной степени поэтическимъ чутьемъ". Это чутье Н. И-чъ признавалъ за Бѣлинскимъ въ высокой степени.

Дѣйствительно, Бѣлинскій не только испытывалъ поэтическую эмоцію при воспріятіяхъ впечатлѣній отъ поэтическихъ произведеній, но и выражалъ въ этомъ случаѣ свое мнѣніе истинно поэтическимъ языкомъ. Вотъ напр. образчикъ отзывовъ его о Шекспирѣ: „Байронъ, выразившій въ своихъ произведеніяхъ муки серца, адъ души, постигнулъ только одну сторону бытія вселенной; Шиллеръ поступилъ совершенно обратно: онъ передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни,— ибо зло жизни у него или невѣрно, или искажено преувеличеніями, — и только Шекспиръ, божественный, великій, недостижимый, постигъ и адъ, и землю, и небо. Царь природы, онъ взялъ равную долю добра и зла, и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣніи біеніе пульса вселенной!"... и т. д. — Слишкомъ много.... поэзіи! — сказалъ бы критикъ-прозаикъ. Но это не были только „цвѣты краснорѣчія": Шекспиръ производилъ на Бѣлинскаго, дѣйствительно, до крайности трогающее душу впечатлѣніе: въ одномъ изъ писемъ къ Боткину Бѣлинскій писалъ: „О Офелія, о бѣдная красота сѣвера, голубка, погибшая, въ вихрѣ грозы! Мочи нѣтъ, слезы рвутся изъ глазъ"!...

Однако, кромѣ поэтической стороны критики Бѣлинскаго, Стороженко указываетъ съ похвалой и на нѣкоторые существенные его выводы, очень цѣнные, а именно—сужденія Бѣлинскаго относительно художественной объективности Шекспира и его реализма. — Но все же, если ученымъ критикамъ германскимъ не доставало чувства поэта, то русскому критику не доставало ихъ эрудиціи; по крайней мѣрѣ самъ Н. И-чъ, такъ симпатично относившійся къ Бѣлинскому и называвшій его „нашъ великій критикъ", замѣчаетъ: „Предвосхищая (послѣ поворота отъ гегеліанской школы) основное положеніе *исторической* критики, Бѣлинскій пытается объяснить личность Шекспира изъ духа его эпохи, но недостатокъ свѣдѣній не позволяетъ ему осуществить

эту попытку, и онъ ограничивается замѣчаніемъ, что Шекспиръ былъ поэтъ старой веселой Англіи, которая въ продолженіе немногихъ лѣтъ вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою, и что это торжество враговъ театра имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти.

Сказанное такъ странно и не достаточно съ точки зрѣнія ученой, обоснованной критики, что, дѣйствительно, Н. И-чъ имѣлъ право въ концѣ главы о шекспировской критикѣ Бѣлинскаго сказать: „остается сожалѣть, что занятый спѣшной журнальной работой, составлявлявшей единственный источникъ его существованія, Бѣлинскій не имѣлъ времени подвергнуть драмы своего любимаго писателя болѣе обстоятельному разбору".

Имѣя широкое знакомство съ самыми разнообразными теоріями и отдѣльными замѣчаніями европейской шекспировской критики, Н. И. Стороженко излагаетъ свой взглядъ на знаменитаго драматурга. Пріемы изслѣдованія Н. И-ча приближаются больше всего къ теоріи *исторической*, причемъ онъ внесъ много субъективнаго, много того, что онъ считалъ необходимымъ для критики,—чутья поэтическаго, которое, въ связи съ самымъ обширнымъ научнымъ обслѣдованіемъ предмета, придало труду Н. И-ча высокое достоинство.

Признавая великое значеніе *преемственности* культурныхъ теченій и въ частности литературной дѣятельности избраннаго писателя, Стороженко изучаетъ самые корни, откуда пошли творенія Шекспира. Онъ изучаетъ его предшественниковъ, ихъ эпоху, *эволюцію* литературнаго направленія и вкуса этой эпохи. Изученію предшественниковъ Шекспира Н. И-чъ посвящаетъ такъ много труда, что его изслѣдованіе о нихъ составило солидное сочиненіе, давшее ему степень магистра.

Опредѣленными штрихами чертитъ Н. И-чъ исторію англійскаго театра, отъ его средневѣковаго состоянія до времени Шекспира. Начавшись простонароднымъ фарсомъ и религіозной мистеріей, театръ этотъ достигаетъ особеннаго развитія въ послѣдней области—католическихъ импозантныхъ представленій на темы изъ священнаго писанія, со включеніемъ иногда небольшихъ сценъ обыденнаго характера. Но надвинулась волна Возрожденія, которая произвела коренную реформу между прочимъ и въ области театра: эта волна, съ ея освобожденіемъ мысли, успѣхами науки, сломала и самое католичество, вмѣстѣ съ его религіозной драмой. Явились новые вкусы, новыя литературныя воздѣйствія.

Татръ дѣлается свѣтскимъ и отражаетъ въ себѣ содержаніе общей литературы. Итальянская новела не только переводится для чтенія, но сюжеты ея передѣлываются и для сцены. Сюжеты отличаются фантазіей, сложностью фабулы, пестротою персонажей — рыцарей, дамъ, пилигримовъ, полуисторическихъ полулегендарныхъ лицъ, говорящихъ возвышеннымъ, необычнымъ языкомъ. Такой театръ и былъ сферой дѣятельности предшественниковъ Шекспира—Марло, Лилли, Грина. Въ сочиненіи пьесъ указаннаго характера они проявляютъ значительную виртуозность, какъ по содержанію пьесъ, такъ и по формѣ, по большей части стихотворной. Для сценъ комическихъ вводятся персонажи изъ народа,—такія сценки изъ простонародной жизни особенно любилъ Гринъ. Смотрѣть этотъ лондонскій театръ идутъ горожане и свѣтская знать,—jeunesze dorée, маскированныя и немаскированныя дамы. Напрасно пуританская проповѣдь старается отвратить публику отъ „суетной, грѣховной“ забавы,—самъ королевскій дворъ посѣщаетъ этотъ театръ, покровительствуетъ актерамъ и драматическимъ писателямъ.

Въ ряды актеровъ становится и Шекспиръ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и писатель, авторъ стихотвореній, сочиняемыхъ въ изысканной формѣ сонета. Вдохновеніе его ищетъ обнаруженія и въ сферѣ литературы драматической. Вначалѣ онъ передѣлываетъ прежнія пьесы, по своему усмотрѣнію, по своимъ творческимъ соображеніямъ. Его товарищи, авторы которыхъ пьесы онъ передѣлывалъ, или къ сюжетамъ которыхъ онъ приближался, встрѣтили его недружелюбно, какъ автора-соперника. Такъ, Гринъ пишетъ своимъ товарищамъ по профессіи, Марло, Нашу и Пилю:... „Да, не довѣряйте имъ (актерамъ), потому что между ними завелась выскочка-ворона, украшенная нашими перьями, съ сердцемъ тигра подъ кожей актера. Этотъ выскочка воображаетъ, что онъ можетъ смастерить бѣлый стихъ не хуже любого изъ васъ и, будучи настоящимъ Iohannes Factotum, считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ въ Англіи, *способнымъ потрясать нашей сценой* (*the onely Shakescenein a country*)“. Послѣднія слова, въ которыхъ пародируется фамилія Шекспира, показываютъ, что Гринъ говорилъ именно о Шекспирѣ.

Показавши ту сферу, тѣ литературныя традиціи и ближайшій литературно-драматическій матеріалъ, съ которыми было связано творчество Шекспира, Стороженко подробно и тонко опредѣляетъ особенности, выдвинувшія новаго актера-драматурга изъ ряда его собратовъ и пріобрѣли ему міровую славу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же заключались чары этого автора? почему пьесы того же репертуара, даже пьесы, сюжеты которыхъ были цѣликомъ взяты Шекспиромъ для его драмъ и лишь передѣланы имъ, — давно забыты и служатъ лишь предметомъ для спеціальныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ драмы Шекспира, повидимому столь близкія къ тому же репертуару, переживаютъ вѣка?

Стороженко ясно и выпукло опредѣляетъ это „волшебство". Шекспиръ внесъ въ технику драмы — *человѣчность, индивидуализацію* дѣйствующихъ лицъ. Въ то время, какъ въ пьесахъ его предшественниковъ и товарищей это были только „персонажи" съ ярлыками — „ревнивецъ", „честолюбецъ", „злодѣй", „жена злая", „жена добродѣтельная", — въ пьесахъ Шекспира всѣ эти лица являются *людьми* со своими *индивидуальными* особенностями и черточками, придающими особый характеръ даже, такъ сказать, разновидностямъ одного типа: психика „человѣколюбца" Макбета *иная*, чѣмъ леди Макбетъ, Цимбелинъ ревнуетъ *не такъ*, какъ Отелло; фигуры „добродѣтельныхъ" Корделіи, Офеліи, Дездемоны, съ помощью едва уловимыхъ штриховъ, положенныхъ драматургомъ, являются различными. И всѣ эти люди живутъ передъ зрителемъ, живутъ своей особой душевной жизнью, приковывающей и трогающей его, заставляютъ и его душу откликнуться на звуки ихъ душевныхъ струнъ. Шекспиръ тоже дѣлаетъ своихъ героевъ носителями извѣстной страсти, но при этомъ показываетъ, какъ эта страсть проявляется въ *данномъ* человѣкѣ, какая коллизія выходитъ изъ могучаго воздѣйствія страсти, обстоятельствъ и не менѣе могучихъ свойствъ и всей психической натуры даннаго лица. На пространствѣ вѣковъ, при различіяхъ расы, культуры, міровоззрѣнія выводимыхъ лицъ, Шекспиръ умѣлъ показывать *индивидуальность* этихъ людей. Какъ давалось ему это прозрѣніе въ душу столь различныхъ людей, своего рода „ясновидѣніе", — это сила воображенія, сила *таланта*, та сила, самыя сокровенныя тайники которой не сможетъ никогда вскрыть самый острый аналитическій ножъ...

Охарактеризовавши Шекспира какъ художника, Стороженко показываетъ міръ его идей, — указывая источники ихъ какъ въ новой струѣ его эпохи, такъ и въ личной его біографіи. Трезвое вѣяніе жизни, современной Шекспиру, успѣхи науки, дали раціоналистическое направленіе мысли, заставили скептически оглянуться на пройденный идейный путь. Стороженко приводитъ не мало любопытныхъ фактовъ, очень характерныхъ для того вре-

мени ломки старыхъ идей, времени великаго умственно-душевнаго переворота. Кругъ „скептиковъ“ и „свободомыслящихъ“ разростался; раціоналистическій взглядъ на вопросы религіи, приведя массы къ протестантству, велъ отдѣльныя личности, даже среди духовенства, еще дальше: такъ, одинъ священникъ въ Англіи пересталъ даже вѣрить въ библію, отрицая ее, какъ божественное откровеніе, считая ее лишь собраніемъ народныхъ разсказовъ,—и объявилъ себя язычникомъ.

Раціонализмъ эпохи коснулся и міровоззрѣнія Шекспира, освободивши его умъ отъ клерикально-мистическаго средневѣковаго направленія. Но этотъ мощный интеллектъ не остался чуждымъ высокимъ идеаламъ. Онъ самъ опредѣлилъ основной свой принципъ такъ: „красота, добро, истина“, — которымъ онъ и сослужилъ великую службу своими безсмертными произведеніями.

Факты біографіи Шекспира Стороженко сближаетъ также съ его настроеніемъ и творчествомъ, находя, что несчастная любовь и положеніе въ средѣ актеровъ должны были дать мысли Шекспира горькую складку скептическаго раздумья надъ жизнью,— что и отразилось въ его сонетахъ, мотивы которыхъ вошли и въ его драмы.

Положеніе Шекспира „на рубежѣ двухъ эпохъ“, двухъ жизненныхъ и культурныхъ теченій, отразилось и на внѣшнихъ пріемахъ творчества Шекспира. Литературная школа, изъ которой онъ вышелъ, дала ему богатство, разнообразіе, эффектность темъ, дала его воображенію обильную пищу и просторъ, въ то же время новое реалистическое вѣяніе научило его дѣлать умѣлый выборъ и давать реальную обработку этихъ темъ. То же можно сказать и о языкѣ Шекспировскихъ произведеній: онъ цвѣтистъ, полонъ яркихъ образовъ, но и къ нему приложена какая-то мѣра, уже не позволяющая назвать эти рѣчи напыщенной риторикой, заставляющая вѣрить, что дѣйствующія лица Шекспира *могли* говорить такъ.

Мы не послѣдуемъ за Стороженкомъ въ разборѣ,—съ изложенныхъ выше точекъ зрѣнія, — главнѣйшихъ произведеній и героевъ Шекспира: Макбета, Гамлета, Лира и др.; это вывело бы насъ далеко за предѣлы нашего очерка, и безъ того уже разросшагося выше предположеннаго размѣра. Скажемъ лишь, что характеристки эти блестящи и очень тонко иллюстрируютъ основныя критическія положенія Николая Ильича.

Не можемъ однако не отмѣтить еще одной важной черты, указываемой тонкой критикой Н. И-ча, — умѣнья Шекспира давать всей пьесѣ, кромѣ художественно-вѣрныхъ лицъ, еще одно *общее настроеніе*. (Слово это сказано Н. И-чемъ гораздо раньше, чѣмъ оно стало избитымъ въ устахъ нашей критики). Въ самомъ дѣлѣ, это *общее настроеніе* пьесы бываетъ у Шекспира иногда поразительнымъ: въ этомъ отношеніи, какъ справедливо указываетъ Н. И-чъ, особенно поражаетъ „Макбетъ", общимъ характеромъ баллады.

Таковъ капитальный трудъ Стороженка, переведенный на другія языки и доставившій автору почетное званіе вице-президента англійскаго Шекспировскаго общества.

Къ свѣтлому чувству удовлетворенія и гордости за своего земляка, трудъ котораго поставленъ такъ высоко даже въ ряду трудовъ европейской критики, примѣшивается у насъ, однако, и горькое чувство: не украинскимъ писателемъ былъ этотъ высокооцѣненный авторъ... Не украинскую литературу, не родной языкъ обогатилъ онъ своими сочиненіями въ области критики...

Но не упрекнемъ въ этомъ Николая Ильича, только-что ушедшаго отъ насъ въ вѣчность. Не его вина въ этомъ. Слишкомъ это сложный вопросъ, — „не взвѣшенный судьбою"! Обстоятельства исторически сложились такъ, что еще не время было трудамъ, подобнымъ сочиненіямъ Николая Ильича, быть написанными по украински, хотя бы авторы ихъ были, — сами, сознавая это, — плотью отъ плоти Украины и высоко ставили права любимаго ими украинскаго языка. Бодянскій и Максимовичъ писали свои ученыя статьи также не по украински, но мы также не упрекнемъ ихъ за это; какъ у этихъ учителей Николая Ильича, такъ и у него самого, не было ни литературнаго языка украинскаго, ни мѣста, ни аудиторіи для научныхъ сочиненій на родномъ языкѣ. Фактъ этотъ печальный, но горечь отъ сознанія его умѣряется тѣмъ, что время мѣняется и что желанная перемѣна уже наступаетъ и въ значительной мѣрѣ уже наступила.

Не упрекая писателей-украинцевъ за то, чего они не, могли сдѣлать, признаемъ тѣ услуги, которыя они оказали, по мѣрѣ силъ и возможности, также и украинской литературѣ, прямо или косвенно.

Такою услугою являются между прочимъ статьи Николая Ильича о Шевченкѣ и о томъ кружкѣ, изъ котораго онъ вышелъ. Стороженко нѣсколько разъ возвращается къ обстоятельствамъ

относящимся къ основанію Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Кіевѣ и къ катастрофѣ, постигшей членовъ „братства". Этотъ вопросъ обслѣдованъ Н-мъ И-мъ съ обычной для него тщательностью; лебединая пѣсня Н-ая И-ча, послѣдняя статья, какую онъ могъ составить, — онъ принужденъ былъ уже диктовать ее (а не писать лично), — посвящена тому же вопросу: она помѣщена въ настоящей книжкѣ и показываетъ, съ какой тщательностью и любовью къ дѣлу она составлена.

Шевченку въ отдѣльности — Н. И. посвятилъ четыре статьи: „Геніальный горемыка", „Первые четыре года ссылки Шевченка", „Щепкинъ и Шевченко", „Мелочи для біографіи Шевченка". Эти статьи вошли въ юбилейный сборникъ сочиненій Н. И-ча, изданный „учениками и почитателями" въ 1902 году.

Въ этихъ статьяхъ не только дана хотя сжатая, но прекрасно написанная біографія Шевченка, а еще и выяснено то движеніе, которое обусловило какъ пробужденіе музы Шевченка, такъ и всю идейную сторону авторства славнаго кобзаря.

Члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства,—говоритъ Н. И-чъ,— съ страстнымъ напряженіемъ слѣдили за ходомъ начавшагося на западѣ славянскаго движенія и мечтали о соединеніи всѣхъ славянъ на федеративныхъ началахъ подъ главенствомъ Россіи. Мечты эти поясняются далѣе словами главы этого кружка, Костомарова: „Мы не могли уяснить себѣ подробности образа, въ какомъ должна была явиться наша воображаемая федерація государствъ; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинаковые основные законы и права, свобода торговли и всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ". Итакъ, — скажемъ мы, — шестьдесятъ лѣтъ назадъ кіевскимъ кружкомъ украинцевъ намѣчены были тѣ основные принципы автономной федераціи, которые ставятся теперь, въ началѣ XX-го вѣка...

Кто знаетъ, какимъ бы пышнымъ цвѣтомъ разцвѣла дѣятельность идейнаго украинскаго кружка „братчиковъ", привлекшаго къ себѣ такія талантливыя силы, какъ Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, если бы дѣятельность этого кружка въ найбольшемъ украинскомъ центрѣ не была пресѣчена въ самомъ корнѣ! Быть можетъ, мы имѣли бы на украинскомъ яыыкѣ не только стихотворенія Шевченка, но и ученыя статьи Стороженка...

Кромѣ біографическихъ данныхъ, приводимыхъ въ статьяхъ Н. И-ча о Шевченкѣ, онъ даетъ также характеристику творче-

ства его. Характеристика эта представляетъ такую вдохновенную страницу, что мы приведемъ ее почти цѣликомъ: „Поэзія Шевченка въ высшей степени субъективна; она такъ тѣсно связана съ его жизнью, что онѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Всѣ звуки, которые, издавала его лира, были звуки шедшіе отъ души, звуки выстраданные, на которыхъ запеклась кровь его сердца. Но талантъ Шевченка былъ слишкомъ великъ, чтобы замкнуться въ тѣсную гамму личныхъ ощущеній; онъ великъ тѣмъ, что въ его пѣсняхъ отразилась коллективная душа украинскаго народа, который, по мѣткому выраженію Костомарова, какъ бы избралъ его своимъ уполномоченнымъ, чтобы онъ повѣдалъ міру его судьбу и страданія и озарилъ бы свѣтомъ поэзіи все, что таилось въ его душѣ. Но отражая народную жизнь, Шевченко не забывалъ также озарять ее свѣтомъ культурныхъ идей. Онъ былъ не только народнымъ, но и національнымъ поэтомъ, сладкозвучнымъ выразителемъ гуманныхъ идеаловъ современной ему украинской интеллигенціи. Все, о чемъ думала и гадала украинская молодежь сороковыхъ годовъ, все это явилось у Шевченка, облеченное въ яркіе поэтическіе образы и согрѣтое огнемъ его горячаго поэтическаго сердца. Онъ молилъ Бога, чтобы онъ далъ его словамъ святую силу. —

„Людськее серце пробивать
Молю, ридаючи: пошли,
Подай душі убогій силу,
Щоб огненно заговорила,
Щоб слово пламенемъ взялось,
Щоб людямъ сердце розтопило
И на Вкраіну понеслось".

„Въ этомъ неумолкаемомъ призывѣ къ правдѣ, гуманности и свободѣ заключается культурное и воспитательное значеніе произведеній нашего поэта „сообщающее его стихамъ вѣчную юность".

Такъ оканчиваетъ Стороженко характеристику кобзаря. Пусть эта теплая страница будетъ искреннимъ привѣтомъ ему, являясь въ книжкѣ нашего журнала за тотъ мѣсяцъ, конецъ котораго пріурочивается обыкновенно къ памяти кобзаря. Около этого времени по всей Украинѣ устраиваются торжественныя чествованія его имени и поэзіи; пусть же глубокопрочувствованныя слова Николая Ильича, повторенныя здѣсь, раздадутся среди

общаго прославленія Кобзаря какъ выраженіе горячей хвалы отъ лица даровитаго сына Украины и лучшихъ изъ критиковъ.

Окончивъ обзоръ литературной дѣятельности Николая Ильича, скажемъ еще нѣсколько словъ о немъ какъ о профессорѣ и общественномъ дѣятелѣ. Относительно профессорства Н. И—ча хотѣлось бы намъ цитировать письма учениковъ его, посвященныя его памяти и помѣщенныя, въ ближайшіе дни послѣ его кончины, въ Русск. Вѣдомостяхъ; но письма эти такъ проникнуты однимъ общимъ чувствомъ, глубокимъ уваженіемъ къ почившему „учителю—другу", въ такихъ сходныхъ выраженіяхъ опредѣляютъ сущность профессорскаго „учительства" Н-ая И—ча ,что намъ кажется достаточной хотя бы слѣдующая выдержка изъ письма одного изъ учениковъ: „Н. И. былъ другомъ учащейся молодежи. Онъ не говорилъ призывныхъ словъ, лекціи его отличались строго практическимъ содержаніемъ, сюжетъ былъ далекъ отъ вопросовъ, волнующихъ молодежь, но въ самой манерѣ рѣчи, въ общемъ тонѣ обращенія съ аудиторіей неуловимо сквозила высокопробная деликатность духа, которая вытекаетъ изъ истинной гуманности, роднящей между собою людей самыхъ различныхъ состояній и возраста. Н. И. „не ораторствовалъ, не билъ на чувство, не перегружалъ изложенія „ученымъ аппаратомъ; онъ просто обращался къ студентамъ съ умной, тонкой, безпритязательной бесѣдой, богатой фактами и поучительными обобщеніями и всегда приправленной легкимъ, изящнымъ юморомъ. Н. И. былъ вѣрнымъ носителемъ лучшихъ традицій московскаго университета, и его ближайшіе друзья и ученики никогда не забудутъ свѣтлаго образа почившаго учителя. Выдающійся ученый, образцовый профессоръ, Н. И. былъ великолѣпнымъ руководителемъ студенчества въ его научныхъ стремленіяхъ, но кромѣ того онъ училъ великой и вѣчной наукѣ—быть человѣкомъ и любить человѣка. Всѣ его публичныя лекціи, всѣ его блестящія статьи проникнуты духомъ гуманности, высокаго благородства".

Кажется, этого достаточно, чтобы судить, кѣмъ былъ Н. И. какъ профессоръ и каково могло быть его вліяніе.

Но отдавая свой трудъ и душу университету, Н. И. находилъ время и силы для всякаго рода общественной дѣятельности. Многія учрежденія имѣли его своимъ ревностнымъ членомъ, или даже предсѣдателемъ: Румянцевскій музей (гдѣ Н. И. былъ библіотекаремъ), Театральное училище, Литературный театральный комитетъ, Общество любителей россійск. словесности и т. д. и т. д.

„Вся жизнь его была отдана другимъ“, — говоритъ другой некрологъ,—„онъ всегда дѣлалъ все за всѣхъ! Никому пришедшему за помощью или совѣтомъ никогда не было отказа. Какъ бы ни былъ занятъ Н. И., онъ всѣми силами старался исполнить просьбу другихъ.

Но не только большой университетскій центръ кипучей умственной и общественной жизни захватывалъ Н. И—ча: пріѣзжая на лѣто въ родную Полтавщину, онъ и здѣсь находилъ себѣ не мало дѣла. Въ нашей замѣткѣ, помѣщенной въ К. Старинѣ три года назадъ, подъ время юбилейнаго чествованія Н. И—ча, мы говорили, чѣмъ онъ былъ для лохвицкаго уѣзднаго уголка, какое теплое участіе принималъ въ мѣстной земской жизни (всегда очень интенсивной), какое вниманіе выказывалъ къ нуждамъ крестьнъ своей деревни, включительно до личнаго оказыванія медицинской помощи приходящимъ. Это ли не образецъ сочетанія дѣятельности ученаго и общественнаго дѣятеля?

Въ той-же нашей замѣткѣ было отмѣчено еще одно свойство Николая Ильича, которое производило неизгладимое впечатлѣніе на каждаго, кто былъ съ нимъ сколько нибудь знакомъ: это особенная обаятельность его разговора. Кромѣ насъ, объ этой особенности говорятъ, въ некрологахъ Н. И—ча, О. Ѳ. Туганъ-Барановская, хорошо знавшая его по лохвицкому уѣзду, и ученики Н. И.—ча: всѣ подчеркиваютъ его особенное умѣнье вести въ высшей степени интересный разговоръ, ни чуть не подавляя собесѣдника,—кто бы онъ ни былъ,—своей ученостью, говоря чрезвычайно просто и съ какой-то „ласковой“, задушевной, именно „чарующей“ манерой. „Тайна этого обаянія“,—говоритъ одинъ некрологъ,—„заключалась въ рѣдкой красотѣ нравственной личности Николая Ильича, озаренной свѣтомъ глубокой и истинной человѣчности“.

Свою отзывчивость и свои высокія внутреннія свойства Н. И. сохранилъ до самыхъ послѣднихъ дней. По словамъ его учениковъ, „потрясающія событія послѣдняго времени сильно тревожили Н. И. Онъ видѣлъ, какъ борется страна за свободу, какъ много гибнетъ славныхъ борцовъ, онъ видѣлъ и скорбѣлъ, что его alma mater обречена на молчаніе. Рѣдкіе проблески радости доставляли ему извѣстія о великихъ завоеваніяхъ русскаго народа; онъ въ эти минуты былъ счастливъ и восторженъ. Н. И. до могилы вѣрилъ въ осуществленіе лучшихъ идеаловъ и эту вѣру завѣщалъ намъ“.

Таковъ былъ Николай Ильичъ Стороженко. По его общественному служенію мы не назовемъ его „борцомъ“, хотя на знамени его и было написано „гуманность и свобода“,—слово борецъ не подходитъ къ нему; онъ былъ скорѣе апостолъ науки, гуманности и свободы. Подобно тому, какъ, по словамъ самаго Н. И., въ исторіи литературы его интересовали преимущественно тѣ личности, которыя распространяли вокругъ себя наиболѣе „свѣта, тепла и добра“,—такъ и самъ Н. И. заботился лишь объ этомъ распространеніи, не будучи созданъ для борьбы, для войны.... Но „свѣта, тепла и добра“ распространилъ онъ не мало,—какъ въ своихъ сочиненіяхъ, лекціяхъ, такъ и въ общеніи со множествомъ людей, обращавшихся къ нему.—Думаемъ, что воздаемъ Н. И—чу должное нашимъ опредѣленіемъ.

Мы старались не переоцѣнить также цѣнность Н. И. какъ „украинца“: мы не назвали его ни „украинскимъ дѣятелемъ“, ни „борцомъ за украинское національное дѣло“,—это было бы не вѣрно. Но съ полнымъ правомъ Украина можетъ гордиться Н. И. Стороженкомъ, такъ какъ она дала ту большую силу интеллекта и таланта, которую обнаружилъ Н. И.; также и тѣ свойства души и сердца, которыя обнаруживалъ Н. И. въ его повседневныхъ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ людьми, его мягкость, деликатность и именно „щирость“—являются свойствами истинно украинской натуры; эти свойства особенно сосредоточиваются въ выдающихся представителяхъ національнаго типа,—какимъ по праву можно назвать Н. И-ча.

Пусть же свѣтлый образъ дорогого земляка живетъ между нами! Пусть то, что онъ сдѣлалъ въ области мысли, распространенія „свѣта, тепла и добра“, признается далеко за предѣлами Украины и даже Россіи,—Украина, какъ мать, скорбитъ о своемъ сынѣ наибольше и сохранитъ наиболѣе глубоко память о немъ!

Олена Пчилка.

Памяти В. Л. Берештама.

10-го ноября 1904 года скончался въ Кіевѣ очень близкій намъ человѣкъ, постоянный сотрудникъ нашего изданія, почтенный общественный дѣятель—*Вильямъ Людвиговичъ Берештамъ*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, мы могли тогда, годъ назадъ, только помянуть его въ своемъ журналѣ коротенькими статьями, взятыми изъ газетъ, помѣстившихъ его некрологи, разсчитывая нѣсколько позднѣе посвятить памяти его болѣе обширную статью. Теперь, исполняя свой долгъ по отношенію къ памяти дорогого намъ человѣка, мы и

рѣшаемъ посвятить ему эти страницы, видя, что нѣсколько измѣнившіяся условія печати позволятъ намъ теперь коснуться тѣхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности В. Л. Беренштама, о которыхъ годъ тому назадъ приходилось-бы умолчать не по собственному желанію.

В. Л. Беренштамъ, родившійся 10 ноября 1839 года, принадлежалъ къ семьѣ потомственнаго почетнаго гражданина города Кіева. Отецъ его, по происхожденію еврей, былъ выходецъ изъ Курляндіи и, какъ въ домѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ семейнаго строя, придерживался строгаго нѣмецкаго режима, стараясь всѣхъ дѣтей своихъ воспитать вполнѣ въ европейскомъ духѣ. Намъ лично приходилось встрѣчать этого человѣка въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, когда онъ былъ уже глубокимъ старикомъ, со многими странностями; но въ тѣ годы, когда Вильямъ Людвиговичъ былъ еще мальчикомъ и юношей, это былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, честнаго образа мыслей, хотя и очень консервативнаго, а главное—умѣвшій, даже въ тѣ годы царившаго повсюду произвола администраціи, всегда стойко удерживаться на позиціи защиты правъ своей личности. Изъ разсказовъ покойнаго Вильяма Людвиговича о своемъ отцѣ мы знаемъ нѣсколько мелкихъ, иногда анекдотическихъ, случаевъ столкновенія его съ властями, оканчивавшихся для него крупными матеріальными потерями, но за то всегда свидѣтельствовавшихъ о его энергіи и настойчивости. Мы упоминаемъ объ этой чертѣ въ характерѣ отца, такъ-какъ, близко зная сына, видимъ въ немъ отраженіе того-же, очевидно наслѣдственнаго, качества, особенно сказавшагося въ стойкости и непоколебимости его основныхъ убѣжденій, сохранившихся у него до гробовой доски. Прибавимъ теперь къ этому вполнѣ культурную обстановку въ семьѣ, знаніе иностранныхъ языковъ, особеннно нѣмецкаго, который съ дѣтства былъ для Вил—ма Люд—ча роднымъ языкомъ, хорошее образованіе, полученное имъ сначала въ лучшемъ кіевскомъ частномъ пансіонѣ Гедуэна, затѣмъ въ 1-ой гимназіи и наконецъ въ университетѣ,—и намъ вполнѣ яснымъ станетъ тотъ фундаментъ, на которомъ въ зрѣлые годы могъ прочно установиться умственный и нравственный обликъ почтеннаго общественнаго дѣятеля.

Благопріятная пора въ русской общественной жизни конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, именно тѣхъ годовъ, которые В. Л. Беренштамъ провелъ въ кіевскомъ университетѣ, не могла не захватить такого умнаго и чуткаго юношу, какимъ былъ онъ, и

не могла не окунуть его въ живой потокъ свѣжихъ и полныхъ надеждъ общественныхъ теченій. Будучи студентомъ, онъ работалъ надъ самообразованіемъ, такъ-какъ и въ то время не много могъ дать историко-филологическій факультетъ въ лицѣ своихъ профессоровъ; онъ много читалъ, вполнѣ сознавая, что только наука и знаніе могутъ быть твердымъ оплотомъ для серьезной общественной работы. Но великимъ помощникомъ въ дѣлѣ развитія человѣческой личности всегда является общественность, которая, не отрывая юношу отъ книжной науки, вводитъ его въ круговоротъ мыслей и идей, вызываемыхъ самой жизнью, наталкиваетъ на путь практическаго разрѣшенія многихъ общихъ положеній, вырабатываетъ умѣніе согласовать теоретически обоснованные принципы съ осуществленіемъ ихъ въ своей жизненной дѣятельности,—однимъ словомъ, не даетъ человѣку замкнуться только въ кольцѣ своего личнаго „я“, въ какую-бы сторону это „я“ ни было направлено. Въ жизни В—ма Л—ча этотъ помощникъ—разумная общественность среди студенчества той поры—явилась весьма кстати: со своимъ общимъ развитіемъ и со знаніями, онъ, благодаря тому, что среди студентовъ проходила тогда живая волна всѣхъ жгучихъ вопросовъ общественной жизни, могъ легко оріентироваться въ окружающемъ и еще на школьной скамьѣ выработать тѣ твердые устои въ своихъ принципахъ, съ которыми вступилъ онъ затѣмъ въ сознательную жизнь и которые всегда примѣнялъ на практикѣ. Съ нимъ не случилось того, что такъ часто замѣчается въ жизни людей, пережившихъ пору своего юношескаго развитія, такъ сказать, въ болѣзненныхъ процессахъ: на скамьѣ студенческой видишь его краснѣе краснаго, а затѣмъ глядишь и не узнаешь,—не то, что красноты не замѣтно, даже оранжевый отблескъ отлетѣлъ, и рѣзко блеститъ одна лишь вицъ-мундирная пуговица. А все оттого, что въ эти нездоровые періоды задавленности общественной мысли всѣ, иногда очень головокружительныя, теоріи скользятъ только по поверхности, не проникая вглубь души юношества; эпоха-же 60-хъ годовъ, при всей сравнительной скромности идеаловъ, рисовавшихся впереди, можетъ быть названа почти нормальной, съ вполнѣ здоровыми условіями (правда—кратковременными) для выработки нравственныхъ устоевъ въ личности.

В. Л. Беренштамъ въ студенческіе годы, повторяемъ, прочно установилъ въ себѣ свои основныя „credo.“ И первымъ изъ нихъ былъ *демократическій принципъ*, такъ рѣзко расходившійся со всѣмъ тѣмъ, что давала его семейная обстановка. Помимо обще-

философскихъ построеній, помимо вліянія соціальныхъ ученій, помимо вліянія книжнаго, не могла не захватить его въ тѣ годы и самая жизнь русская, выдвинувшая на первую очередь вопросъ о народѣ актомъ освобожденія крестьянъ. Прекрасно понималъ онъ, какъ понимали и всѣ честные люди, что освобожденіе крестьянина отъ власти помѣщика далеко не исчерпываетъ всѣхъ освободительныхъ началъ личности, далеко не разрѣшаетъ и всѣхъ вопросовъ соціальнаго строя; но вѣрилось тогда, что послѣ перваго шага сами собой послѣдуютъ дальнѣйшіе, и что на обязанности сознательнаго интеллигента лежитъ теперь потрудиться для культурнаго подъема народной массы, которая, при развитіи своемъ, быстрѣе проведена будетъ черезъ всѣ послѣдующія ступени установленія нормальныхъ и вполнѣ правовыхъ взаимоотношеній въ обществѣ. Кто могъ предвидѣть тогда, что въ вопросѣ о народномъ просвѣщеніи и развитіи такъ скоро оборвутся всѣ нити, и настанетъ тотъ мракобѣсный періодъ, въ который лозунгомъ явятся знаменитыя слова К. П. Побѣдоносцева о томъ, что *безусловно вредно* распространеніе народнаго образованія, ибо оно не воспитываетъ людей, не сообщаетъ умѣнья, а *даетъ лишь знанія и привычку логически мыслить!* Работа для народа и во имя народа въ началѣ 60-хъ годовъ составляла задачу всѣхъ лучшихъ людей русскаго общества, и не диво, что и въ средѣ студенчества стали предметомъ постояннаго обсужденія и осуществленія на практикѣ всѣ вопросы, связанные съ подъемомъ народнаго благосостоянія, особенно-же вопросъ о просвѣщеніи массъ. Среди мѣръ, которыми считалось возможнымъ силами студенчества распространять знанія въ народѣ, на первой очереди было устройство воскресныхъ школъ разныхъ типовъ. Сочувствіе этому теченію обнаружилось тогда и въ администраціи, особенно въ кіевскомъ учебномъ округѣ, имѣвшемъ въ тѣ годы попечителемъ знаменитаго Н. И. Пирогова, который не только не придерживался по отношенію къ студенчеству системы „охраны“ sui generis, но всячески поощрялъ участіе молодежи въ подобныхъ просвѣтительныхъ работахъ. Тутъ то и выступилъ впервые на педагогическій путь В. Л. Беренштамъ въ качествѣ участника въ тогдашнихъ кіевскихъ воскресныхъ школахъ. Зная современное положеніе этого дѣла, когда воскресныя школы въ Кіевѣ, даже безъ участія студенчества, были закрыты по распоряженію администраціи, невольно переносишься мыслію въ 60-е годы; тогда главная активная роль въ веденіи школъ народныхъ принадлежала юношеству, и мы лично пережили студенческіе годы въ ту

пору 60-хъ годовъ, когда, при отсутствіи уже воскресныхъ школъ, учащаяся молодежь свободно могла работать въ обычныхъ ежедневныхъ народныхъ школахъ, неся свой безплатный трудъ и ведя нѣсколько лѣтъ подъ рядъ соединенными силами иногда очень многочисленныя начальныя школы. Но это было уже въ періодъ замиранія частной иниціативы въ школьномъ дѣлѣ, незадолго до того, какъ все народное образованіе попало подъ твердую руку правительственной инспекціи, чтобы заглохнуть тамъ въ бюрократическомъ формализмѣ. Что-же касается той поры, въ которую пришлось В. Л. Беренштаму работать на этой нивѣ, то — повторяемъ — условія были далеко болѣе благопріятными. Здѣсь-то и выработался у В—ма Л—ча тотъ педагогическій талантъ, который создалъ ему впослѣдствіи славу превосходнаго учителя, съ чуткой, отзывчивой душой, всегдашняго любимца своихъ учениковъ, и во всемъ этомъ не могло ему отказать даже начальство, въ большинствѣ случаевъ косившееся на либерала-учителя.

Демократическія идеи, ставшія въ началѣ 60-хъ годовъ девизомъ всѣхъ лучшихъ силъ страны и естественно охватившія и чуткую молодежь, помимо заботъ о просвѣщеніи народа, выдвинули для разрѣшенія цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, какъ политическаго характера, такъ и соціальнаго. Для выясненія всѣхъ этихъ вопросовъ, студенчество группировалось въ кружки, гдѣ въ непринужденной и въ недѣланной, безъ всякихъ эффектовъ, обстановкѣ обсуждались разныя теоріи и возможность проведенія ихъ въ жизнь. Здѣсь и выросли, и укрѣпились въ В-мѣ Л-чѣ его основные политическіе и общественные идеалы; здѣсь записалъ онъ въ своемъ символѣ вѣры тѣ принципы конституціонныхъ правъ гражданина и человѣка, съ которыми сохранился онъ до послѣднихъ дней жизни, не увидѣвъ даже проблеска лучшихъ дней, такъ-какъ наканунѣ смерти своей въ бесѣдѣ съ нами, какъ всегда живой и исполненной свѣтлыхъ взглядовъ, возвращаясь изъ обычнаго засѣданія въ Обществѣ грамотности, онъ съ грустью отмѣчалъ всѣ признаки немѣняющагося прежняго суроваго режима, — а вѣдь это было 9 ноября, когда до Кіева еще не дошла вѣсть о первомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей 6—7 ноября!

Всѣ вопросы о народѣ, въ обстановкѣ кіевской жизни, естественно должны были приводить, кромѣ общенародныхъ интересовъ, еще и къ спеціальному пункту — къ вопросу національному. Обрусительныя стремленія, всегда и въ самыхъ разнообразныхъ

классахъ общества довольно сильныя, особенно рѣзко выступали здѣсь, въ Кіевѣ, гдѣ завязанъ узелъ отношеній трехъ народностей — украинской, польской и русской. Вдумчивое, серьезное отношеніе къ народной идеѣ не можетъ игнорировать самобытныхъ особенностей, связанныхъ съ этнографическимъ типомъ той народной среды, въ рядахъ которой приходится работать. И вотъ здѣсь, въ Кіевѣ, сразу всплылъ наверхъ украинскій вопросъ, какъ только наступилъ моментъ рѣшить способъ дѣйствій для народа и во имя народа. Началась оживленная борьба и въ студенческой средѣ. Понятно, что въ этомъ краѣ вопросъ обрусительный не вытекалъ изъ фактовъ самой деревенской жизни, т. к. непосредственнаго взаимоотношенія двухъ народностей — украинской и великорусской — здѣсь почти не было, и еслибы не искуственная, политиканствующая прививка обрусительныхъ началъ путемъ всякихъ средствъ, то украинскій народъ, какъ основной въ краѣ, естественнымъ ходомъ развитія вышелъ-бы на прямую дорогу самоопредѣляющейся націи. Но вся бѣда была въ томъ, что многолѣтнія усилія правительства стирать въ украинскомъ народѣ все національное, стараясь замѣнить его великорусскимъ началомъ, фальшиво именующимъ себя *общерусскимъ*, привели къ господству этихъ обрусительныхъ принциповъ въ широкихъ кругахъ общества. Въ результатѣ получалось, что украинская національная идея встрѣчала сильный отпоръ не только въ людяхъ консервативнаго лагеря, чаще всего думающихъ такъ, какъ прикажутъ, но и со стороны прогрессивныхъ элементовъ, считающихъ національный вопросъ слишкомъ мелкимъ по сравненію съ вопросами общеполитическаго и соціальнаго характера. Сравнительно рѣдко можно было встрѣтить въ изданіи крайнихъ партій начала 60-хъ годовъ мысли болѣе народныя, нежели государственныя. Самымъ характернымъ въ смыслѣ признанія правъ народностей явилось изданіе „Великоруссъ“ (1861 г.), въ которомъ (№ 2) можно прочесть слѣдующія строки: „должна быть дана населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній, но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій не довело это недовольство, мы должны уступить имъ“. Но, повторяемъ, такой взглядъ среди тогдашнихъ радикаловъ былъ не особенно распространенъ, а гораздо чаще можно было встрѣтить мысль о раздѣленіи россійской имперіи на Россію и Польшу, съ предоставленіемъ послѣдней всѣхъ провинцій, входившихъ въ нее до 1772 года. Такое-же теченіе

повторилось въ началѣ 60-хъ годовъ и въ Кіевѣ, особенно среди студенческой молодежи, гдѣ, кромѣ великорусскихъ, сталкивались еще стремленія украинскія и польскія. Въ этихъ оживленныхъ спорахъ ясно обозначились три партіи—русская, польская и украинская, и всякому мыслящему студенту пришлось опредѣлить, къ какой партіи онъ долженъ примкнуть. Тутъ-то болѣе всего и сказалась чуткая душа В. Л. Беренштама: ни по происхожденію, ни по родовымъ традиціямъ не имѣя въ себѣ задатковъ національнаго украинскаго начала, онъ, исключительно руководясь сознаніемъ роли людей, выросшихъ и воспитавшихся въ Украинѣ, примкнулъ къ украинской партіи и до того сроднился съ ея идеями, что во всю свою послѣдующую жизнь, куда ни забрасывала его судьба, онъ оставался самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ украинскимъ націоналомъ.

Въ 1862 году В. Л. Беренштамъ окончилъ кіевскій университетъ по историко-филологическому факультету. Тогда лица, готовившія себя къ педагогической дѣятельности, не прямо съ университетской скамьи поступали учителями, какъ это дѣлается теперь, но предварительно подготовлялись къ этой дѣятельности, практикуясь нѣкоторое время на особыхъ педагогическихъ курсахъ, основавшихся въ Кіевѣ въ 1860 году. На эти курсы и поступилъ Вильямъ Людвиговичъ сейчасъ-же по окончаніи университета и пробылъ здѣсь два года, подготовляя себя къ преподаванію географіи и исторіи. Не стану я пѣть панегириковъ этимъ курсамъ, такъ-какъ знаю, что въ нихъ было много несовершенствъ, начиная съ самаго главнаго — съ отсутствія опытныхъ руководителей; не скажу ничего и въ защиту самой организаціи ихъ, такъ-какъ былъ свидѣтелемъ того, что такой кандидатъ-педагогъ, какъ ихъ тогда именовали, чаще всего посылался въ какую-нибудь кіевскую гимназію (а ихъ тогда было только двѣ) замѣщать вакантную должность учителя, гдѣ онъ принужденъ былъ вести преподаваніе вполнѣ самостоятельно, — однако самый фактъ пребыванія молодого человѣка на курсахъ былъ до извѣстной степени коррективомъ въ педагогической работѣ: волей-неволей такому кандидатъ-педагогу приходилось хоть отчасти ознакомиться съ основными методическими пріемами, хоть немного изучить учебную литературу своего предмета, а не такъ, какъ бываетъ теперь, что молодой учитель нѣсколько первыхъ лѣтъ ведетъ свой курсъ ощупью, пока упражненіемъ на дѣтскихъ мозгахъ не наберется кое-какого опыта.

Мы сказали раньше, что В. Л. Беренштамъ, будучи еще въ университетѣ, занятіями въ воскресной школѣ выработалъ въ себѣ педагогическій навыкъ; теперь, на курсахъ, онъ еще болѣе сталъ твердой ногой на этомъ пути. Мнѣ лично пришлось быть въ 1863 году ученикомъ Вильяма Людвиговича, когда онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ преподавалъ намъ географію, замѣняя умершаго учителя. Трудно было въ тѣ дѣтскіе годы дать оцѣнку педагогическихъ пріемовъ преподавателя, но теперь можно судить о талантливости ихъ изъ того факта, что и послѣ 40 лѣтъ съ лишнимъ живо помнишь даже иногда мелкія детали въ урокахъ Вильяма Людвиговича, не говоря уже о томъ, что въ то время онъ пользовался общей любовью всѣхъ насъ, малышей 2-го класса.

Въ самомъ началѣ 1865 года В. Л. Беренштамъ переѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ, куда былъ назначенъ учителемъ исторіи и гдѣ прожилъ до лѣта 1868 года, снова возвратившись въ Кіевъ, но уже въ качествѣ учителя французскаго языка въ кіево-подольской прогимназіи. Въ этой роли учителя французскаго языка ему пришлось быть не долго, т. к., во 1-хъ, преподаваніе этого предмета не было его спеціальностью, а во 2-хъ — въ тѣ годы, когда въ министерствѣ просвѣщенія началъ устанавливаться Толстовскій режимъ, очень многіе изъ педагоговъ рѣшили перейти на службу въ иныя вѣдомства. Такъ поступилъ и В. Л. Беренштамъ: испытавъ въ Каменецъ-Подольскѣ всѣ прелести гимназическихъ порядковъ, особенно подъ главенствомъ такого директора, какъ г. Коленко съ его бюрократическимъ самовластіемъ, онъ долженъ былъ, въ силу необходимости, принять мѣсто преподавателя французскаго языка, лишь-бы переѣхать въ Кіевъ, но сейчасъ-же попытался перейти въ военно-учебное вѣдомство и черезъ три мѣсяца оставилъ службу въ кіево-подольской прогимназіи, занявъ должность преподавателя географіи въ кіевской военной гимназіи.

Какую педагогическую силу потеряло въ его лицѣ вѣдомство народнаго просвѣщенія, можно видѣть изъ всѣхъ тѣхъ отзывовъ, которые приходилось неоднократно слышать и читать о немъ въ видѣ воспоминаній его бывшихъ учениковъ. Отличаясь большимъ педагогическимъ талантомъ, обладая глубокой эрудиціей, имѣя „душу живу“, В. Л. Беренштамъ всегда являлся не только учителемъ, но и воспитателемъ юношества въ самомъ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова. Не гоняясь за популярностью среди учениковъ средствами далеко не педагогичными, какъ-то:

безграничная снисходительность ко всякимъ недостаткамъ юношей, а особенно въ области ученія,—В. Л-чъ былъ однако однимъ изъ популярнѣйшихъ учителей въ Кіевской военной гимназіи въ лучшіе годы ея жизни, такъ-какъ его умная и честная натура признавала, что истинной и прочной любви учащихся можетъ достигнуть только тотъ преподаватель, который обнаружитъ по отношенію къ нимъ свое чистое сердце человѣка, а не вицмундирнаго чиновника, свое искреннее желаніе быть учителемъ и воспитателемъ въ духѣ добра и правды, а не въ смыслѣ исполненія безчисленныхъ мелкихъ правилъ и инструкцій, свое уваженіе къ наукѣ и знаніямъ, а не только выучку положенныхъ учебниковъ. Такимъ именно педагогомъ и былъ В. Л. Беренштамъ въ средѣ своихъ воспитанниковъ военной гимназіи въ Кіевѣ, такимъ онъ остался и до конца своей педагогической дѣятельности, преподавая затѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣ переѣзда изъ Кіева.

Періодъ пребыванія его въ Кіевѣ съ 1868 до 1879 года былъ особенно оживленнымъ, благодаря тому, что онъ, кромѣ своихъ педагогическихъ занятій, вошелъ и въ болѣе широкую общественную жизнь. Всюду, гдѣ только видѣнъ былъ въ Кіевѣ проблескъ живого дѣла и живой мысли, В. Л-чъ оказывался однимъ изъ дѣятельныхъ работниковъ. Близко зная многія страницы изъ жизни В. Л-ча въ эти годы, я считаю себя обязаннымъ, для характеристики покойнаго, открыть нѣкоторыя изъ нихъ, при чемъ напередъ оговариваюсь, что въ жизни такихъ людей, какъ В. Л. Беренштамъ, иногда не такъ характерны страницы оффиціальныя, какъ частныя, интимныя. Главными дѣлами, въ которыхъ В. Л-чъ принималъ участіе въ эти годы, были: 1) Юго-западный отдѣлъ Императ. Русск. Географическаго Общества; 2) газета „Кіевскій Телеграфъ“; 3) отправка волонтеровъ въ Герцеговину и Сербію передъ началомъ русско-турецкой войны; 4) кіевская городская дума. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ участвовалъ не только какъ заурядный работникъ, но влагалъ въ нихъ всю свою душу. Возьмемъ-ли мы участіе его въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества, гдѣ казалось-бы, все должно ограничиваться научными работами членовъ отдѣла, но на дѣлѣ работа здѣсь по необходимости переходила и въ другую область. Учрежденіе въ Кіевѣ „Юго-западнаго отдѣла“ преслѣдовало цѣль собрать мѣстныя силы для всесторонней работы по изученію быта, нравовъ, творчества украинскаго народа, однимъ словомъ всего того, что даетъ возможность уразумѣть народную психологію и

что составляетъ задачу науки *фолклора*. При нормальныхъ условіяхъ общественной жизни, на этой почвѣ никакихъ осложненій произойти не можетъ, — такъ это все естественно и логично; но охранительная политика, всегда усердствующая черезъ край, и тутъ нашла для себя пищу, поднявъ кликушескій лай въ тонѣ „coveant consules“. Какъ всегда бываетъ, первую скрипку въ этомъ концертѣ взяли добровольцы, во главѣ съ газетой„ Кіевлянинъ“. Началась по всѣмъ направленіямъ агитація противъ „Отдѣла“, а въ результатѣ — временное закрытіе его, продолжающееся, впрочемъ, ровно 30 лѣтъ. Во всей этой борьбѣ для защиты дорогого дѣла дѣятельное участіе принималъ В. Л-чъ, сознавая ту вопіющую неправду, которая творилась со стороны противниковъ; но, конечно, борьба эта мало могла себя обнаружить оффиціальными, открытыми ходами, а пришлось работать большею частью въ частныхъ совѣщаніяхъ, перепискахъ, переговорахъ и пр. Вотъ тутъ-то мы и были свидѣтелями всей той энергіи, убѣжденности и трудоспособности, которыя проявилъ въ тотъ моментъ В. Л. Беренштамъ, за что имя его и попало прежде всего въ тѣ лѣтописи, которыя личнаго благополучія не предвѣщаютъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ переживалась эта страничка въ жизни „Отдѣла“, совершался и другой драматическій моментъ — изданіе газеты „Кіевскій Телеграфъ“, издательницей котораго была въ то время жена профессора А. И. Гогоцкая, вошедшая въ началѣ 1875 года въ соглашеніе съ цѣлымъ кружкомъ выдающихся мѣстныхъ научныхъ силъ, такихъ, какъ М. П. Драгомановъ, Н. И. Зиберъ, Ѳ. К. Волковъ и др. Къ этому кружку примыкалъ и В. Л. Беренштамъ. Тѣ девяносто, кажется, номеровъ „Кіевскаго Телеграфа“, которые прошли при сотрудничествѣ этого кружка, составляютъ, по признанію столичной печати, лучшую страничку въ мѣстной прессѣ того времени. Но и тутъ не легка была роль работниковъ въ „Телеграфѣ“: помимо той энергіи, которую приходится затрачивать вообще на газетную работу, „Кіевскому Телеграфу“ надо было выдерживать еще и спеціальную борьбу, направленную со стороны того-же „Кіевлянина“ и его одномышленниковъ, не брезгавшихъ никакими средствами для того, чтобы поразить своихъ противниковъ, при чемъ средства эти ничего общаго съ литературной полемикой не имѣли. Въ результатѣ А. И. Гогоцкая должна была разстаться съ своими сотрудниками, а газета вскорѣ совсѣмъ заглохла и прекратила свое существованіе по приказанію свыше.

И такъ, и въ этомъ начинаніи, подобно „Юго-западному отдѣлу“, пришлось В. Л. Беренштаму много вынести хлопотъ и заботъ и въ концѣ концовъ увидѣть излюбленное дѣтище свое погибшимъ, а въ книгѣ личнаго счета своего получить тѣ прибавочныя справки, которыя подготовляли его невольный отъѣздъ изъ Кіева. Однако изумительная энергія и настойчивость его въ достиженіи общественныхъ идеаловъ не ослаблялись, а все съ большей силой погружали его въ дѣла, носившія идейный характеръ. Въ 1875 году, во время герцеговинскаго возстанія, всѣ лучшіе люди въ Россіи были охвачены мыслію объ освобожденіи маленькаго народа отъ турецкаго рабства. Быстро росло повсюду возбужденіе умовъ и желаніе чѣмъ-нибудь помочь этому освободительному движенію. У насъ, въ Кіевѣ, тоже началъ формироваться отрядъ добровольцевъ, сначала негласно, т. к. еще не видно было, какой политики придержится русское правительство. В. Л. Беренштамъ въ этомъ движеніи принялъ самое энергичное участіе, и мы сами были свидѣтелями того, какъ онъ, совсѣмъ не будучи очень богатымъ человѣкомъ, далъ при подпискѣ на устройство отряда добровольцевъ изъ Украины нѣсколько сотъ рублей. Но далеко не одной матеріальной стороной онъ поддерживалъ это движеніе: увлекшись идеей славянскаго освобожденія, онъ впослѣдствіи сталъ принимать самое дѣятельное участіе въ образовавшихся уже оффиціально комитетахъ, гдѣ работалъ со всей свойственной его натурѣ энергіей.

Прибавимъ теперь къ сказанному, что въ эти же самые *семидесятые* годы украинская кружковая жизнь въ Кіевѣ очень усилилась и развилась, и намъ станетъ ясно, что В. Л-чъ, всей душой входя въ жизнь и дѣятельность этихъ кружковъ, положительно не зналъ отдыха, отдавая всего себя работѣ на общественной нивѣ: можно смѣло сказать, что ни одного вечера въ недѣлю не оставалось свободнаго отъ какихъ-нибудь совѣщательныхъ засѣданій то по одному, то по другому вопросу. Вѣдь къ этому времени относится усиленная дѣятельность по изданію украинскихъ книгъ, какъ для народа — въ видѣ такъ называемыхъ *метеликів*, такъ и въ формѣ научныхъ этнографическихъ трудовъ; въ это-же время начались и работы по составленію того самаго украинскаго словаря, который въ минувшемъ году представленъ былъ редакціей „Кіевской Старины“ въ Академію Наукъ на премію Н. И. Костомарова и, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, удостоенъ второй преміи. Для всего этого нужны были постоянныя собранія, и почти во всѣхъ ихъ В. Л-чъ бывалъ не-

премѣннымъ членомъ, зачастую устраивая ихъ у себя въ квартирѣ. Однимъ словомъ, частная кружковая жизнь въ Кіевѣ находилась тогда въ полномъ движеніи, и одной изъ двигательныхъ пружинъ въ ней былъ В. Л. Беренштамъ.

Для характеристики этого періода въ кіевской жизни В. Л. Беренштама намъ остается сказать еще о его кратковременной дѣятельности въ качествѣ думскаго городского гласнаго, для чего мы воспользуемся тѣми строками, которыя даны были проф. И. В. Лучицкимъ въ маленькой поминальной его статьѣ въ „Кіевскихъ Откликахъ“ (1904 г. 13 ноября).

„Дѣло происходило въ концѣ 1878 года. Два четырехлѣтія городомъ управляла группа лицъ, съ бывшимъ ректоромъ кіевскаго университета Н. К. Ренненкампфомъ во главѣ, и это-же управленіе все яснѣе и яснѣе обнаруживало для кіевскихъ жителей несоотвѣтствіе между тѣми задачами, которыя должно было преслѣдовать городское самоуправленіе, и тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности. Необходимость измѣнить составъ гласныхъ, измѣнить ходъ и направленіе хозяйственной политики городской управы, политики, направленной въ сторону страшно дорого обходившихся городскихъ построекъ (въ родѣ, напр., зданія нынѣшней городской думы), а не въ пользу удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей городского населенія (санитарныя мѣры, школьное дѣло и т. д.), вызывали все болѣе и болѣе недовольство и жалобы. Къ концу 1878 года движеніе противъ порядка вещей, установившагося въ управѣ и думѣ, стало сказываться съ особенною силою, благодаря въ особенности тому, что въ началѣ 1879 года заканчивались полномочія думы и предстояли новыя выборы. Въ этотъ-то моментъ покойный Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ выступилъ на арену дѣтельности. Обладая рѣдкою энергіей, не знающей устали, онъ сразу-же сталъ во главѣ движенія, сразу-же сгруппировалъ вокругъ себя массу недовольныхъ. И здѣсь онъ явился агитаторомъ не изъза личныхъ цѣлей, не изъ-за вопроса о личностяхъ, а агитаторомъ во имя опредѣленныхъ и ясно поставленныхъ цѣлей и принциповъ. Организуя предвыборныя собранія, участвуя лично въ каждомъ изъ нихъ, онъ постоянно выступалъ съ программой, которую онъ выставлялъ, какъ небходимое условіе для дѣйствительной замѣны стараго управленія городскимъ хозяйствомъ новымъ, соотвѣтственнымъ задачамъ городского самоуправленія. И все этб время, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, онъ не покладалъ рукъ, не зналъ покоя, не переставалъ работать. Нужно было

видѣть его и до и во время выборовъ, чтобы понять, какую силу и энергію способенъ былъ онъ проявить. Выборы тогда носили иной характеръ, чѣмъ теперь; они производились по тремъ группамъ, при чемъ выборы второй группы длились болѣе сутокъ, выборы третьей — цѣлыхъ три дня. И за все это время В. Л-чъ былъ постоянно на своемъ посту, постоянно говорилъ, убѣждалъ, разъяснялъ, во имя какихъ принциповъ необходимо произвесть выборы новыхъ лицъ. Насколько при условіяхъ того времени это было возможно, цѣль была имъ достигнута: прежняя управа и прежній городской голова были замѣнены новыми лицами. Но на этомъ В. Л-чъ не успокоился: какъ гласный, онъ обратилъ все вниманіе на организацію между самими гласными, на образованіе изъ ихъ среды группы единомышленной, которая взяла-бы на себя проведеніе въ жизнь истинныхъ принциповъ самоуправленія, и онъ былъ душою и центромъ цѣлаго ряда такихъ собраній, составлявшихся передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ".

Недолго пришлось проработать здѣсь В. Л-чу: лѣтомъ 1879 года его перевели учителемъ въ Псковъ въ военную гимназію, въ зависимости отъ чего оборвалась его думская дѣятельность, какъ оборвалась и вся сложная нить его общественныхъ трудовъ на кіевской почвѣ. Очевидно, въ лѣтописяхъ подлежащихъ вѣдомствъ записи оказались не по сердцу мѣстной администраціи, почему и рѣшено было продолженіе записей вести въ другомъ мѣстѣ.

Въ Псковѣ В. Л. Беренштамъ пробылъ только одинъ годъ, такъ-какъ имя его, какъ талантливаго преподавателя, не могло быть неизвѣстно главному управленію военно-учебныхъ заведеній, которое пожелало использовать эту педагогическую силу для столичныхъ военныхъ гимназій, — вотъ почему уже съ осени 1880 года В. Л-чъ переселился въ Петербургъ въ качествѣ преподавателя 1-ой Петербургской военной-гимназіи. Но и этотъ одинъ годъ пребыванія въ Псковѣ не прошелъ безъ того, чтобъ В. Л-чъ, помимо своихъ служебныхъ занятій, не отдался и болѣе широкой общественной дѣятельности. Здѣсь матеріаломъ для нея послужило его научное знакомство съ археологическими изслѣдованіями, а мотивомъ — существованіе въ Псковѣ скромнаго музея древностей. Чтобъ возбудить въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ собиранію и изученію памятниковъ древности, разбросанныхъ въ раіонѣ псковской губерніи, В. Л-чъ прочелъ въ началѣ 1880 года двѣ публичныхъ лекціи на тему „Доисторическія времена и ихъ археологическое изслѣдованіе", издан-

ныя имъ въ Псковѣ въ томъ-же году. Эта брошюра представляетъ прекрасную популяризацію всѣхъ основныхъ вопросовъ археологической науки, а также развиваетъ мысль о значеніи археологическихъ изученій въ мѣстныхъ раіонахъ, съ цѣлью возбудить въ псковитяхахъ интересъ къ изслѣдованію своихъ древностей и къ поддержанію и развитію мѣстнаго музея въ Псковѣ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ въ 1880 году, В. Л. Беренштамъ сразу пріобрѣтаетъ себѣ славу прекраснаго преподавателя, такъ-что, кромѣ военной гимназіи, онъ получаетъ цѣлый рядъ приглашеній преподавать въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ упомянемъ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ ему пришлось проявить свои преподавательскія силы и способности въ новой роли руководителя взрослыхъ людей, готовившихъ себя къ учительской дѣятельности. Намъ лично удалось быть нѣсколько разъ свидѣтелемъ тѣхъ симпатій и уваженія, какими пользовался В. Л-чъ среди воспитанниковъ учительскаго института, гдѣ онъ былъ не только преподавателемъ исторіи и географіи, но и воспитателемъ, т. е. въ самой трудной и, при неблагопріятныхъ условіяхъ, самой отвѣтственной роли педагога. Здѣсь такъ легко или возбудить къ себѣ недовѣріе, а иногда и просто презвѣніе, со стороны учащихся, при маломальски казенномъ, формальномъ отношеніи къ нимъ, или потерять всякую авторитетность, при желаніи сдѣлаться популярнымъ среди нихъ и при неумѣніи выдержать подобающій тактъ. В. Л-чъ сумѣлъ поставить себя такъ, что всегда пользовался у воспитанниковъ института полнымъ уваженіемъ и любовью, держа себя среди нихъ не какъ начальство, а какъ истинный педагогъ-руководитель, къ которому смѣло могъ обратиться каждый за совѣтомъ и содѣйствіемъ не только по вопросамъ, связаннымъ съ жизнью школы, но и по всѣмъ личнымъ своимъ дѣламъ. Все это можно было наблюдать въ тѣ немногіе часы, въ которые намъ приходилось бывать въ институтѣ у В. Л-ча въ дни его дежурства тамъ. Слѣдъ пребыванія В. Л-ча въ институтѣ остался до сихъ поръ въ видѣ тѣхъ двухъ тетрадей литографированныхъ записокъ по методикѣ исторіи и географіи, которыя были имъ составлены какъ предметъ его курса и которыми и понынѣ еще пользуются теперешніе воспитанники института.

Подобно тому какъ въ Кіевѣ, В. Л. Беренштамъ, при своей энергичной натурѣ, не могъ жить и въ Петербургѣ вдали отъ участія въ живой общественной дѣятельности; будучи человѣкомъ

вполнѣ научно-образованнымъ, любя книжное и литературное дѣло, онъ примкнулъ къ лучшимъ литературно-научнымъ силамъ столицы, и его постоянно можно было видѣть активнымъ участникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ: литературный фондъ, союзъ писателей, редакціи журналовъ, не говоря уже о личныхъ близкихъ, а иногда даже дружественныхъ связяхъ съ литераторами и учеными. Такія лица, какъ Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Карѣевъ, П. И. Вейнбергъ, Н. Ѳ. Анненскій, В. А. Мякотинъ, были всегда въ тѣсномъ общеніи съ нимъ. Когда въ 1884 году при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній былъ учрежденъ „Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію", составившій программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ, среди учредителей этого отдѣла мы встрѣчаемъ и В. Л. Беренштама, который, совмѣстно съ Н. И. Карѣевымъ, занялся выработкой программы для самообразовательнаго чтенія по всеобщей исторіи.

Живя въ Петербургѣ многіе годы (18 лѣтъ), оторванный отъ близкой его сердцу Украины, В. Л. Беренштамъ не порывалъ однако связей съ нею, по прежнему интересуясь всѣмъ ходомъ туго подвигавшагося національнаго украинскаго вопроса и оказывая дѣятельную помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было нажать ту или иную пружину въ Петербургѣ. Такъ напр., благодаря его энергіи, связямъ и ходатайствамъ, удалось наконецъ получить разрѣшеніе на изданіе „Кобзаря" Шевченка въ наиболѣе полномъ видѣ. Изданіе это, вышедшее въ 1883 году (послѣ перерыва въ 16 лѣтъ послѣ изданія Кожанчикова), всецѣло обязано ему своимъ появленіямъ въ свѣтъ, и оно-то и послужило впослѣдствіи основой для всѣхъ дальнѣйшихъ изданій, такъ-какъ текстъ вошедшихъ въ него сочиненій былъ какъ-бы узаконенъ для Россіи. Нельзя не указать также на то, что В. Л. Беренштамъ былъ въ Петербургѣ тѣмъ лицомъ, вокругъ котораго группировались всѣ наши земляки—украинцы, какъ проживавшіе тамъ постоянно, такъ и наѣзжавшіе въ столицу временно. Къ нему можно было смѣло обращаться по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ интересами украинства въ Петербургѣ, будучи увѣреннымъ, что онъ всегда охотно поможетъ найти отвѣтъ и удовлетвореніе разныхъ ходатайствъ, благодаря своимъ личнымъ связямъ и отношеніямъ. Не удивительно потому, что въ двухъ главныхъ украинскихъ учрежденіяхъ столицы—въ Обществѣ имени Т. Г. Шевченка и въ обществѣ распространенія народныхъ

украинскихъ изданій—имя В. Л-ча стоитъ въ ряду основателей. Однимъ словомъ, дальность разстоянія и столичныя условія жизни не заглушили въ душѣ его тѣхъ идейныхъ украинскихъ стремленій, которыя, какъ было сказано, возникли у него не кіевской почвѣ въ началѣ 60-хъ годовъ и которыя стали для него второй его природой, такъ-что, живя въ столицѣ, онъ сердцемъ всегда жилъ здѣсь съ нами, на Украинѣ.

Слабѣющія силы заставили В. Л-ча въ 1898 году оставить службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Петербургъ, для того чтобы остатокъ дней своихъ дожить въ родномъ ему Кіевѣ. Здѣсь, въ эти послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, онъ, съ сильно развившимися приступами астмы, явился все тѣмъ-же энергичнымъ и отзывчивымъ на все доброе человѣкомъ, принявшимъ сразу дѣятельное участіе въ работахъ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденій. Будучи и раньше связанъ съ изданіемъ журнала „Кіевская Старина“, онъ теперь сталъ органическимъ сотрудникомъ его, то помѣщая время отъ времени свои статьи, то помогая въ дѣлѣ редактированія изданія.

Появленіе В. Л-ча въ Кіевѣ совпало со временемъ оживленія въ дѣятельности Кіевскаго Общества Грамотности. Конечно, не могъ онъ, всю жизнь свою посвятившій народному просвѣщенію, стать въ сторонѣ отъ работъ Общества грамотности; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего пріѣзда въ Кіевъ, онъ былъ избранъ въ члены совѣта Общества, и съ тѣхъ поръ, до самой кончины своей, Общество грамотности видѣло въ его лицѣ одного изъ отмѣнныхъ работниковъ въ разныхъ коммиссіяхъ своихъ. Не разстался онъ и съ своей любовью къ археологическимъ изученіямъ, почему сейчасъ-же примкнулъ въ Кіевѣ къ обществу, устроившему здѣсь мѣстный музей древностей и искусствъ. Однимъ словомъ, покойный В. Л. Беренштамъ былъ той живой силой, которая не могла отдѣлить понятія о жизни отъ понятія объ общественной работѣ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, счастливая смерть выпала на его долю: накапунѣ смерти мы видѣли его въ засѣданіи Общества Грамотности, какъ всегда энергичнаго, живого работника и милаго собесѣдника; въ день смерти мы привѣтствовали его съ исполнившимся 65-тилѣтіемъ его жизни и собирались вечеромъ провести вмѣстѣ нѣсколько часовъ въ пріятной бесѣдѣ среди пріятелей его, но въ 8 часовъ вечера застали его уже на смертномъ одрѣ, а черезъ часъ онъ лежалъ уже на столѣ, оторванный отъ насъ въ иныя обители, унесшій съ собою все то дорогое, что связывало насъ съ нимъ

въ теченіе многихъ лѣтъ. Скончался онъ, по истинѣ, не покидая поста общественной службы.

Пусть-же эти строки будутъ данью благодарности отъ насъ тому человѣку-гражданину, образъ котораго можетъ служить примѣромъ для новыхъ поколѣній, подобно тому какъ личность его служила всегда образцомъ лучшихъ сторонъ въ человѣчествѣ для его современниковъ.

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Полное изданіе „Кобзаря“ Т. Г. Шевченка. Въ сентябрѣ прошлаго 1905 года Петербургскимъ Обществомъ имени Т. Г. Шевченка возбуждено ходатайство въ главномъ управленіи по дѣламъ печати о разрѣшеніи издать полное собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка на украинскомъ языкѣ по тексту, напечатанному Романчукомъ въ Галичинѣ. Ходатайство это получило удовлетвореніе, о чемъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати увѣдомилъ предсѣдателя общества имени Т. Г. Шевченка, А. Н. Марковича. Какъ мы слышали, изданіе это уже приготовлено къ печати, и Общество получило уже отъ владѣльца права на печатаніе всѣхъ сочиненій Т. Г. Шевченка разрѣшеніе выпустить въ свѣтъ это изданіе. Такимъ образомъ въ скоромъ времени мы увидимъ изданнымъ въ Россіи первое по возможности полное собраніе стихотвореній Шевченка.

Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. И. Стороженка. Печатаемая въ настоящей книжкѣ журнала статья Н. И. Стороженка „Кирилло-меѳодіевскіе заговорщики“ получена была нами наканунѣ новаго года при слѣдующемъ письмѣ покойнаго.

Спиридоновка, домъ Щуберта. 28 декабря 1905.

Глубокоуважаемый Владиміръ Павловичъ! Посылаемая Вамъ статья да послужитъ поздравительной карточкой Вамъ и „Кіевской Старинѣ“! Работая въ Архивѣ III-го отдѣленія надъ біографіей Тараса, я попутно началъ заниматься Кирилло-меѳодіевскимъ Обществомъ и его основателемъ Н. И. Гулакомъ. Результатомъ этихъ занятій была эта статья, которой бью Вамъ челомъ. Буду очень благо-

даренъ, если Вы помѣстите ее въ февральской книжкѣ. По примѣру прошлыхъ разовъ, прошу Васъ заказать для меня сотню оттисковъ съ особой обложкой. Такъ-какъ она написана очень неразборчиво, то я былъ-бы очень благодаренъ, если-бы Вы прислали мнѣ вторую корректуру. Къ крайнему моему сожалѣнію, не могу обѣщать Вамъ продолженія статьи, ибо для этого нужно съѣздить въ Петербургъ, а мое здоровье въ такомъ состояніи, что объ этомъ и думать нельзя. Будьте здоровы! Крѣпко жму Вашу руку. Вашъ всей душой

Н. Стороженко.

P. S. Прошу обратить вниманіе на послѣднюю строку статьи; въ ней пропущена дата смерти Гулака. Вы вѣроятно ее знаете.

Все это письмо, кромѣ даты и подписи, писано не рукой Н. И. Стороженка, равно какъ и приложенная къ нему статья, въ которой сдѣланы только нѣкоторыя поправки и дополненія его рукой.

Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ. Въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ г. И. Абрамовъ въ замѣткѣ „О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губ.“ категорически отрицаетъ существованіе щедривокъ, въ которыхъ бы говорилось о князѣ и сыновьяхъ его на удѣлахъ. Со справедливостью этого взгляда нельзя не согласиться, однако надо замѣтить, что въ репертуарѣ щедривокъ найдется нѣсколько такихъ, гдѣ *намека* на этотъ періодъ общественныхъ явленій въ Кіевской Руси никоимъ образомъ отрицать нельзя. Такъ, исчисленіе городовъ въ щедривкахъ далеко не случайное; они исчисляются не какъ-либо безсистемно, а именно въ порядкѣ ихъ экономическаго значенія въ тотъ періодъ, который проф. Ключевскій называетъ „очереднымъ порядкомъ наслѣдованія столовъ“. Конечно, временныя наслоенія лишили такія щедривки извѣстной цѣлостности; событія вѣка дружинно-удѣльнаго перепутаны съ событіями эпохи козачества и т. п., но, думается намъ, при широкой постановкѣ собиранія и изученія щедривокъ, вскрылось-бы, что съ Кіевомъ и Черниговомъ фигурируютъ не ближайшіе города къ той мѣстности, гдѣ живетъ щедривка, какъ это утверждаетъ г. Абрамовъ, а *именно пункты земли Переяславской*, третьей по значенію въ Руси Кіевской. Что это такъ, косвеннымъ образомъ подтверждается и щедривкой самого г. Абрамова, въ которой фигурируетъ Миргородъ. Не могу также не припомнить щедривки, которая обычна у меня на родинѣ въ с. Погребкахъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда. Цитирую ее, какъ помню и какъ она записана у моего брата.

„Славенъ, прославенъ, молодецъ NN
Іонъ прославився на три городы,
На три городы, на три корабли:
Первы городъ — преславны Кіевъ,
Други городъ — славны Чарнѣговъ,
Третти городъ — славны Нѣжинъ.
Преславенъ Кіевъ всими святыми,
Славенъ Чернѣговъ козаченьками,
Славенъ Нѣжинъ кониченьками.
Кониченьками вихвалялися
Козаченьками воевалися,
Всими святыми службу служили,
Службу служили за мать, за отца,
За мать за отца, добра молодца!
Да бувай же здоровъ!.. (обычно)

Какъ Черниговъ всегда тяготѣлъ къ Кіеву, такъ Нѣжинъ къ Переяславу; и сейчасъ южные уѣзды Черниговщины ничѣмъ почти не разнятся отъ сѣверныхъ уѣздовъ Полтавщины. А кто знаетъ, быть можетъ бытуетъ щедривка, гдѣ *прямо таки* вмѣсто Нѣжина стоитъ Переяславъ? И нельзя-ли безъ натяжки видѣть въ странномъ на первый разъ сопоставленіи „городы-карабли“ тѣсной зависимости жизни трехъ лучшихъ городовъ Руси Кіевской (Кіева, Чернигова, Переяслава) именно отъ торгового корабля Днѣпра, громаднаго экономическаго значенія котораго въ древней Руси въ настоящее время, кажется, никто изъ историковъ не отрицаетъ.

С. Рѣлицкій.

Народныя картинки на темы изъ украинской жизни. Въ *Кіевской Старинѣ* за декабрь 1890 года была напечатана замѣтка о лубочныхъ картинкахъ на украинскія темы. Авторъ названной замѣтки указалъ двѣ картинки съ украинскимъ содержаніемъ, которыя, впрочемъ, представляли варіаціи рисунка на тему одной и той же пѣсни „Била жінка мужика за чуприну взявши.“ — (Изд. М. Т. Соловьева, ~~1885~~ и 1887 г.г.)

Недавно въ моихъ поискахъ народныхъ украинскихъ изданій мнѣ встрѣтились четыре лубочныя картинки на темы, взятыя изъ украинскихъ пѣсенъ, а именно:—

1) *Малороссійская пѣсня*. Текстъ: „Била жинка мужика“ и пр. Картинка изображаетъ молодую бабу, бьющую прутьями своего мужа.

Слѣва шинокъ, возлѣ котораго на землѣ два человѣка пьютъ пиво; справа три поселянина наблюдаютъ за центральною сценою — наказаніемъ женою мужа. Вѣроятно, это — одна изъ выше названныхъ варіацій.

2) *Въ мистечку Джулыни.* Текстъ: „Въ мистечку Джулыни трафилась новына...“ И лубочный художникъ — москвичъ старается потрафить украинцамъ для нагляднаго изображенія извѣстной исторіи о томъ, какъ богатая пани полюбила бѣднаго Петруся. На листѣ изображено четыре сцены: 1) пани ѣдетъ къ Петрусю *на волахъ, запряженныхъ въ конскую упряжъ: съ уздою и возжами;* 2) пани ласкаетъ Петруся; 3) Пани и рыболовы; 4) Панъ у трупа убившей себя пани.

3) *Петрусь.* Текстъ: „Витеръ віе горою...“ Листъ состоитъ изъ четырехъ рисунковъ: 1) Дивчина и ея матуся; 2) Дивчина у порога зоветъ рукою Петруся и 3—4) Дивчина и Петрусь, въ различныхъ позахъ.

4) *Люлька моя червоная.* Текстъ: „Люлька моя червоная зъ вечора курылась.“ На листѣ три сцены: 1) Герой пѣсни почесывается— люлька розбилась; 2) Сцена въ Кіевѣ на базарѣ: герой пѣсни съ новою люлькою во рту и дивчина, торгующая пшеномъ; 3) Герой пѣсни убѣгаетъ отъ мужика, ударившаго его цѣпомъ.

Всѣ названныя картинки московскаго происхожденія. Время изданія, судя по цензурнымъ помѣткамъ, не ранѣе 1900 года. Авторы картинокъ стремились соблюсти этнографическія украинскія черты, хотя не всегда удачно; костюмы, какъ мужскіе, такъ и женскіе (корсетки, плахты), даютъ представленіе о дѣйствительности.

Къ лубочнымъ же картинкамъ на украинскія темы надо отнести также иллюстраціи къ повѣстямъ Гоголя, каковы сцены изъ „Тараса Бульбы“,—существовало четыре отдѣльныхъ листа,—изъ „Ночи передъ Рождествомъ“ и другихъ украинскихъ повѣстей писателя. [1])

Кромѣ отдѣльныхъ листовъ, лубочныя картинки на темы изъ украинскихъ пѣсенъ и жизни помѣщаются на обложкахъ лубочныхъ книжекъ съ украинскимъ содержаніемъ, какъ на украинскомъ, такъ и на русскомъ языкахъ. Таковы картинки на обложкахъ лубочныхъ пѣсенниковъ, дающія иллюстраціи къ той или иной украинской пѣснѣ или изображающія какую-либо сцену изъ жизни народа. Одиннадцать такихъ картинокъ, помѣщенныхъ на обложкахъ сборниковъ украинскихъ

---

[1]) Подробно у проф. М. Н. Сперанскаго: „Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ“. Гоголевскій Сборникъ. Изданъ Институтомъ князя Безбородко. 1902 г.

пѣсенъ, были описаны мною въ статьѣ „Украинскіе лубочные пѣсенники“ (К. Стар. 1905, іюнь).

Область лубочной картинки съ украинскимъ содержаніемъ на обложкахъ книжекъ гораздо обширнѣе, нежели на отдѣльныхъ листахъ. Всего отдѣльныхъ листовъ лубочныхъ украинскихъ картинокъ мы можемъ насчитать не болѣе, какъ полтора десятка. Между тѣмъ, книжки даютъ большое число лубочныхъ украинскихъ картинокъ. Кромѣ упомянутыхъ ранѣе, къ послѣднимъ слѣдуетъ присоединить иллюстраціи на гоголевскія темы, помѣщающіяся на обложкахъ лубочныхъ передѣлокъ изъ Гоголя, каковы: нѣсколько книжекъ о Тарасѣ Бульбѣ или атаманѣ Урванѣ, „Кузнецъ Вакула“, „Кузнецъ и чертъ“, „Страшный колдунъ“ и пр.,—всего болѣе десятка книжекъ. [1]) Сюда же надо отнести позднѣйшія лубочныя изданія Гоголя въ оригиналѣ, рисунки для обложекъ которыхъ часто заимствуются издателями изъ художественныхъ иллюстрацій къ сочиненіямъ писателя, какъ напр. художника Храброва.

Помимо указанныхъ картинокъ, мы встрѣчаемъ ихъ на всякой лубочной книжкѣ, такъ или иначе касающейся украинской жизни. Таковы многочисленныя книжки, написанныя по русски; напр.: „Наймичка. Повѣсть изъ малороссійской жизни“, „Иванъ Степановичъ Мазепа, малороссійскій гетманъ “и др. книжки бытового и историческаго содержанія, снабженныя рисункомъ на обложкѣ, передающимъ по мѣрѣ силъ художника обстановку украинской жизни. Таковы же книжки украинскія и по языку, какъ лубочныя изданія „Наталки Полтавки“, или сборники стиховъ съ претензіею на литературность въ родѣ „Ганны“ Хомы Бойця, „Побреховеньки“, сборника анекдотовъ: „Веселый оповидачъ“ и пр. Между прочимъ, литографія на обложкѣ послѣдняго представляетъ лубочную композицію изъ разныхъ рисунковъ художника Храброва къ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя.

Лубочныя картинки и книжки съ украинскимъ содержаніемъ являются лишь расширеніемъ сферы дѣятельности великорусскихъ поставщиковъ лубочной литературы. Наряду съ картинкою о Ванькѣ Клюшникѣ, московскій лубочникъ выпускаетъ въ свѣтъ картинку о Петрусѣ, конечно, имѣя въ виду и покупателя — великорусса, который иной разъ оказывается большимъ охотникомъ до малопонятной, но потому, можетъ быть, и болѣе жалобной, болѣе трогательной, чѣмъ своя, хохлацкой пѣсни: собраніе великорусскихъ пѣсенъ проф. Соболевскаго содержитъ въ себѣ не одну пѣсню, перешедшую къ великоруссамъ изъ украинскаго фольклора.

---

[1]) См. у М. Н. Сперанскаго.

Такимъ образомъ лубочная украинская картинка—явленіе весьма недавняго происхожденія, не имѣющая своей исторіи, какъ картинка русская, богатая образцами и важная по своему культурному значенію. Эта картинка, долгое время ускользавшая отъ очей и длaней правительства, преслѣдовала главнымъ образомъ цѣли сатирическія. Преимущественно она давала сатиру бытовую, нисколько не стѣсняясь ея содержаніемъ, но часто также преслѣдовала цѣли политическія. Извѣстна старая сатирическая картинка о томъ, какъ „мыши кота погребаютъ“, гдѣ подъ видомъ кота недвусмыслено и зло высмѣивается императоръ Петръ I.

На Украйнѣ сатира находила себѣ иное выраженіе. Вертепныя драмы, интермедіи и шуточные канты предоставляли народной сатирѣ широкую платформу, скорѣе приспособляемую для живого выраженія различныхъ явленій, нежели картинка, такъ что съ этой стороны на Украйнѣ не ощущалось особенной потребности въ народной картинкѣ.

Но картинка, какъ средство украшенія, могла бы получить на Украйнѣ распространеніе. Вѣдь украинецъ, и особенно украинка, такъ любятъ орнаментъ, который у нихъ достигаетъ иногда высокой степени красоты. Приведу характерное въ этомъ отношеніи, хотя и касающееся только одной мѣстности Украйны, свидѣтельство Д. И. Эварницкаго: „Въ Мишуринѣ Рогѣ (Верхнеднѣпровскаго у. Екатеринослав. г.) — говоритъ г. Эварницкій — меня и удивилъ и восхитилъ обычай мѣстныхъ малороссіянъ расписывать свои хаты снаружи и внутри всякими „квитками“ — узорами всевозможныхъ красокъ и всевозможныхъ сочетаній. Двадцать лѣтъ я разъѣзжаю по мѣстамъ бывшаго Запорожья, но такого дива до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть, какъ въ Мишуринѣ Рогѣ. Почти каждый выступъ „сволока“ (матицы) каждое „надпильное“ (слуховое) окно, каждый уголъ хаты, каждый „налышникъ“ (обшивка) надъ окномъ, каждая стѣнка сарая, выступающая на улицу, — все это и вырисовано, и выписано, и вымалевано. Да какъ выписано и какъ вымалевано! „Такъ, що ажъ очи въ себе бере.“ [1])

Но, несмотря на страсть украинскаго народа къ орнаменту, народная картинка не получила среди него большого распространенія. Народъ лирикъ, народъ, бурлившій кипѣніемъ жизни, онъ не остановилъ своего вниманія на развитіи искусства живописи, требующаго спокойствія и ненарушаемаго досуга. Поэзія зарождается и развивается

---

[1]) Протоколы комитета по устройству въ г. Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда съ приложеніемъ доклада профессора Д. И. Эварницкаго. Отдѣльные оттиски изъ №№ 2—3, 4 и 7 „Вѣстника Екатеринославскаго Земства“ 1904 стр. 26.

при всякихъ обстоятельствахъ: и подъ грохотъ войны, и подъ громовые раскаты народныхъ движеній... Даже кровавый и безшабашный разгулъ прожорливыхъ Змѣевъ Тугариныхъ и жадныхъ, издыхающихъ на людскихъ богатствахъ Кощеевъ не остановитъ красавца-царевича въ его поискахъ спящей царевны и завѣтнаго сокровища, — не остановитъ поэтической мысли въ ея движеніи къ совершенству и благу человѣческому. Напротивъ! Она растетъ и крѣпнетъ въ борьбѣ за свою свободную жизнь. Но живопись требуетъ уединенія, тишины, созерцательнаго углубленія"...

Однако и на Украйнѣ были зачатки народной картинки. Такова, напримѣръ, извѣстная картинка, изображающая „Козака Мамая", которая, какъ можно судить, была довольно распространена: въ областномъ музеѣ имени А. Н. Поля въ Екатеринославѣ имѣется двѣнадцать различныхъ изображеній Мамая. Въ томъ же Музеѣ есть двѣ старыхъ украинскихъ, писанныхъ красками отъ руки, небольшихъ картины, напоминающихъ русскія народныя картинки. На одной изъ нихъ представлена сцена у корчмы. Подъ ея стѣною сидитъ человѣкъ въ національномъ костюмѣ и играетъ на бандурѣ; запорожецъ и дивчина, размахивая руками, пляшутъ подъ эту музыку. За угломъ корчмы стоитъ осѣдланный конь запорожца. Другая картина изображаетъ козака и дивчину, стоящихъ на улицѣ деревни. На картинѣ надпись: „Гапка у батька просить благословенія. — Не знаю, что съ тобою дѣлать; самая, какъ хочешь." Кромѣ того, недавно мы видѣли украинскую картину, также написанную отъ руки, уже совершенно въ лубочномъ духѣ. На картинкѣ — названіе ея: „Приключеніе съ рабиномъ" — изображена большая свинья, проглотившая еврея, такъ что ноги его видны во рту свиньи, а голова показывается изъ ея зада. Другой еврей подноситъ первому чарку съ виномъ. Тутъ же еще три лица: работникъ, жинка и пожилой дядько, смѣющіеся надъ несчастнымъ евреемъ. Слѣва парубокъ и дѣвица еврейскаго типа, также смѣющіеся. Подъ картинкою объяснительный текстъ. Рабинъ (раввинъ) на русско-еврейскомъ жаргонѣ проситъ свою жену дать ему „циставо варатникъ" и снарядить въ поѣздку въ „столицу" Бердичевъ. Работникъ Грицко вмѣсто коня запрягаетъ въ дорогу свинью, съ которою рабинъ въ теченіе пути дѣлится всѣмъ съѣстнымъ. Но на обратномъ пути, вѣроятно съ голоду, свинья проглотила рабина.

Если бы подобные зачатки народной живописи на Украинѣ, конечно не съ такимъ безсмысленнымъ и грубымъ содержаніемъ, какъ послѣдняя изъ указанныхъ картинокъ, получили широкое развитіе и распространеніе болѣе легкимъ способомъ, чѣмъ репродукція отъ руки, то мы, по всей вѣроятности, имѣли бы и на Украйнѣ народную кар-

тинку, которая дала бы цѣнные образцы народнаго юмора и поэзіи, выгившихся, за отсутствіемъ другихъ средствъ, почти исключительно въ словѣ.

Говоря о народной картинкѣ, мы не можемъ не подумать о живописи художественной; и, вспоминая Рѣпина, Трутовскаго, Маковскаго, Пимоненка и другихъ, кто воплощалъ жизнь и поэзію Украйны въ своихъ картинахъ, не оставляемъ сомнѣнія въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ, когда наступитъ время для самостоятельнаго, правильнаго и всесторонняго развитія каждаго входящаго въ составъ государства народа, украинскій народъ найдетъ ключи къ своимъ духовнымъ богатствамъ, которыхъ у него много, и въ области національной живописи достигнетъ высокой степени развитія.

Владиміръ Даниловъ.

Меню Д. Мордовця. Як відомо, скрізь, де есть хоч невеличка, громадка українська, з давніх давен водиться добрий звичай що-року святкувати Тарасові роковини. Цього звичаю тримаються і в далекому Петербурзі, куди доля занесла чимало наших земляків з різних кутків Україні. Там найбільше святкування одбувалося прилюдно, навіть урочисто: зранку правилась панахвида, звичайно в Казанському соборі, після того бував обід, на котрий запрошувались і гості — видатнійші письменники россійські; иноді ж святкування одбувалося увечері, коли справлялися літературно-вокальні вечерниці, а після них иноді ще й товариська вечеря. Меню ціх обідів і вечерь, як мені казано, звичайно складав незмінний їх участник, покійний Д. Л. Мордовцев, котрий і тут часом доволі влучно і з властивим йому гумором торкався тогочасних обставин громадського життя. Одно з ціх меню подарував мені давно В. П. Горленко. Це меню обіда, що справляла Петербурська громада в 1882 році.

Тут згадується і „Страстной бульваръ", відкіля розтинався голос Каткова, що знаходив собі спочуття в „Охотному ряду", і „потрясеніе основъ", що про його тоді так багато писалося, і „украинофильство" і „сепаратизм", натякається і про московське славянофильство з його проповіддю повороту „назад" „і очищення від гнилого заходу банею пакибутія", згадується навіть і „конституція", що перед тим саме в 1881 році так ії сподівалися, і знамениті „независящія обстоятельства", на котрі тоді так часто складалися. Ціх пояснень, здається, буде досить, щоб розуміти зміст меню і всю сіль його. Додам хіба, що згадані в меню: батько Микола — се Костомаров, а Софія Марковна — дочка його жінки по першому мужу Кісіль.

Меню писане так званим „общепринятымъ правописаніемъ“ і надруковане на невеличкому листку, обведеному навкруги крайкою з червоних та синіх кружечків з зірками. Оригинал я маю оціслати в Чернигівський земський музей імени Тарновського, тут же подаю точнісінький список меню, в котрому де-що і до нашого часу тулиться, дарма що минуло вже 24 роки, коли воно було скомпоноване „дідом“ Мордовцем, що може не думав і не гадав, щоб ті „независящія обстоятельства“ були такі живучі.

М. К.

Меню 1882 Двадцать перши Тарасови роковыны.

Водка й Закуска.

— Горилка одъ „Насти Горовои“;

— Оковыта, що пывъ „Перебендя“;

— „Содѣйствующій“ спотыкачъ зъ Охотного ряду;

— „Самобытни“ ракы, що повзуть „назадъ“ „домой“ — у московське болото;

— „Потрясающее основы“ жолудка свыняче сало;

— „Дозволенная цензурою“ тарань, сухи чабакы, „хлопоманы“ замисць „средостѣнія,“ та ще де-що зъ „общепрынятымъ правописаніемъ“

Козацькый обидъ.

1. „Украинофильскій“ борщъ та „сепаратыстыцька“ каша.

2. „Возсоединенная“ осетрина зъ хриномъ замисць конституціи.

3. Баранына, що илы „Гайдамакы“ Тарасови; до неи солони огиркы и други „независящія обстоятельства“;

4. Горохъ при дорози одъ „Солопія та Хыври“

5. Кисиль — не Адамъ Кисиль тай не Софія Марковна Кисиль, а кремъ або що.

„Ласощивъ — паслёну та цыбули“ не буде, бо батько Мыкола цыбули не вжываѣ.

Обязательно — „матери його сто копанокъ чортивъ“ — писля обида полоскать зубы, въ кого е, „банею пакыбытія“.

Ричей не говорыть, а мовчать— „бо благоденствуемъ“.

Текущія извѣстія.

„Первая южно-русская кустарная выставка“. Подъ такимъ названіемъ открыта въ Кіевѣ, въ Историческомъ Музеѣ, выставка такихъ украинскихъ народныхъ издѣлій, которыя имѣютъ значеніе въ художественномъ отношеніи: сюда вошли — ковры, вышивки, ткани съ узорами, раскрашенная посуда и другіе предметы гончарной работы, деревянныя вещи, украшенныя рѣзьбой, писанки и пр.

Организовала выставку дирекція кіевскаго историческаго музея, пригласивши себѣ на помощь лицъ, имѣющихъ коллекціи народныхъ издѣлій, или занимающихся вопросами народнаго искусства, или вообще сочувствующихъ дѣлу выставки. Изъ этихъ лицъ, главнымъ образомъ дамъ, образовался Комитетъ по устройству выставки, члены котораго избрали предсѣдательницей княгиню Н. Г. Яшвиль и вице-предсѣдательницей О. П. Косачъ. Почти всѣ члены комитета доставили на выставку свои коллекціи, очень значительныя, которыя вмѣстѣ съ огромнымъ матеріаломъ, собраннымъ для музея директоромъ его, Н. Ф. Бѣляшевскимъ, а также вмѣстѣ съ вещами, присланными полтавскимъ земствомъ, и составили настоящую выставку. Она представляетъ собою на столько большой интересъ, что мы посвятимъ ей особую статью. Пока ограничиваемся этой замѣткой, желая лишь обратить вниманіе на это рѣдкое собраніе украинскихъ орнаментированныхъ вещей всѣхъ интересующихся народнымъ искусствомъ.

Свято в честь проф. М. Грушевського. 25 февраля у Львові шановано професора Михайла Грушевського за його десятилітню вельми користну наукову працю. Його співробітники та прихильники урядили так званий у Галичині комерс, на який запросили проф. Грушевського. Було на комерсі кілька десятків людей. Іван Франко сказав гарну, щиру промову про великі заслуги Грушевського перед українською наукою та про перешкоди, з якими йому довелося боротися, працюючи для рідного краю. Скінчивши промову, Франко передав Грушевському роскішно оправлений примірник „Наукового збірника“, що видано йому на пошану. Се великий товстий том, складений з наукових статій українських учених.

Слова Франкові довели проф. Грушевського до сліз. Після Франка говорив проф. Коренець з Перемишля од учеників проф. Грушевського, дякуючи йому за добру науку. Потім прочитано більше як 20 привітних телеграм з Галичини, з Буковини, з України, з Праги і з

Відня. Проф. Грушевський щиро дякував за пошану, обіцяючи і далі йти тією стежкою, якою йшов досі. (Діло).

Історія України проф. Грушевського. Своєї „Історії України-Руси“ проф. Мих. Грушевський видав по вкраїнському вже п'ятий том. Досі це єдина історія України широко і критично написана українською мовою. Тільки минулого року дозволено продавати її і в Россії.

Цими днями перший том цієї важної праці вийшов німецьким перекладом в видавництві Б. Тейбнера у Лейпцігу під заголовком Michael Hruševśkyj. Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes. I. Band. Anfänge des Kiever Staates. Autorisierte Uebersetzung aus der zweiten ukrainischen Ausgabe.

В цьому виданні Европа вперше познайомиться так як треба з історією українського народу. Досі ж так у Європі люде собі думали, що ми не маємо ніякої своєї окремої історії, ніякої окремої мови та літератури. Дуже добре було б, коли б видавець не забарився та подав німецьким читачам яко мога швидче і дальші томи сієї праці. (Гром. Дум.)

Ruthenische Gedichten — Українські оповідання. Під сим заголовком видано в Чернівцях на Буковині збірку оповіданнів українських авторів в німецькому перекладі д. Костя Кракалії. На 77 боках шіснадцядки надруковано 11 оповіданнів К. Ганнусенка, М. Дерлиці, Ів. Діброви, Н. Зарічної, І. Карбулицького, М. Коцюбинського, Л. Мартовича, Незнайомої та М. Яцькова. Шкода тільки, що перекладник брав оповідання здебільшого мало-відомих авторів. Щоб знайомити чужих читачів з нашим письменством, треба було до таких авторів, як М. Коцюбинський або Л. Мартович додати призвіща авторів більше видатних.

„Читанка“ Хуторного. Київська цензура дозволила надрукувати новим виданням „Читанку“ Хуторного. Після довгої заборони всяких педагогичних книжок українською мовою, се перший випадок, коли й нашим дітям дозволено читати рідною мовою. Треба тільки подбати, щоб яко мога більше було таких книжок. (Гром. Дум.)

Збірник на спомин про М. Стороженка. Професори одеського університету І. А. Линниченко і московського Олексій Н. Веселовський

збірають матеріали, щоб видати збірник на спомин про покійного професора М. І. Стороженка. В збірникові буде життепис (біографія) М. І. Стороженка і згадки про його тих людей, що його знали: І. Линниченка, Южина-Сумбатова і багатьох инших. (Г. Д.)

Гроші на пам'ятник Шевченкові. Міністерство внутрішніх справ дозволило прилуцькому земству в прилуцькому повіті збірати гроші на пам'ятник Шевченкові. (Г. Д. № 27).

Українский театр у Львові. Відомого українського артиста Миколу Садовського торік запрохано діректором українськоі драматичноі трупи в Галичині. Йому довелося дуже багато працюваты, поборюючи старі традиції, які ще досі панували в українському театрі в Галичині. З газети „Діло" довідуємося, що тепер ця трупа у Львові і що в ій граэ М. Заньковецька. Трупа мае великий успіх.

Нове товариство. В Одесі засновується нове українське товариство артистичне „Боян". Тепер виробляють його статут. есть багато прихильників сього товариства. (Г. Д.)

Ѳедір Волков. Недавно повернувся з-за кордону відомий український емигрант Ѳедір Кондратович Волков. Двадцять шість років прожив він у чужих землях, не маючи права вернутися до рідного краю, зостаючися далеко від усього, що серце його кохало більше ніж життя. Доводилось йому за ці довгі сумні часи багато мандрувати по Європі і жити в Швейцаріи, а найбільш в Австро-Венгріі і в Парижу. Але широка освіта й видатні духовні сили нашого емигранта не дали йому загинути й серед чужих людей. Його наукові праці антропологичні й етнографичні друкувалися по французьких наукових журналах; він редактував наукові етнографичні праці в Записках Львівського Наукового Товариства, багато працював вивчаючи тип галицьких та буковинських українців. В Парижу він читав лекції у руському вільному університеті і за свої антропологичні праці здобув диплом доктора антропологіи. Тепер йому без малого 60 років, але молоде завзяття ще виблискуе в очах нашого шановного земляка, і рідна Вкраіна ще скористуеться його широкою освітою й видатним розумом. (Г. Д. № 27)

Нові газети. Харьківський губернатор дозволив М. Лободовському видавати в Харькові під його редакцією двохтижневу газету українською мовою „Порада“. (Г. Д. № 27).

В. Полтаві подано заяви губернаторові про видання двох нових газет: тижневої „Рідна Думка“ (редактор В. Я. Дем'янко), та тижневий журнал „Українське Слово“ з додатком для дітей Зірка. Редактуватиме журнал Г. Т. Дмитріева. (Громадська Думка)

Въ городѣ Могилевѣ-Подольскомъ кружкомъ польскихъ помѣщиковъ съ февраля будетъ издаваться на украинскомъ языкѣ еженедѣльникъ „Світова Зірниця“, предназначенный для крестьянскихъ читателей. Цѣна 2 р. 40 коп. въ годъ. Разрѣшеніе получено. Редакторъ Іоахимъ Августовичъ Волошиновскій (Своб. и Пр.).

---

27 января состоялось многолюдное собраніе членовъ украинскаго политическаго клуба. На собраніи секретаремъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности „Ради старшинъ“, а также весьма интересный рефератъ: „Территорія Украины“.

Въ заключеніе собраніе постановило отправиться съ сочувственнымъ обращеніемъ къ В. Г. Короленко по поводу его извѣстнаго письма въ защиту полтавскихъ крестьянъ. (Наша Жизнь)

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Багаття“. *Украинскій альманахъ. 1905 рикъ. Одесса. Упорядкувавъ Ив. Лыпа.*

Украинскій альманахъ „Багаття“, изданный въ г. Одессѣ въ 1905-мъ году, представляетъ, судя по приведенной датѣ новинку въ украинской литературѣ, но къ сожалѣнію новизна по времени не является синонимомъ новизны по содержанію, такъ какъ, что касается послѣдняго, то даже поразительно, какимъ образомъ человѣкъ тридцать авторовъ, большихъ и малыхъ, на протяженіи 265-ти страницъ большого формата умудряются не дать ни одной новой мысли, ни одного яркаго, красиваго образа. Непонятно, почему всѣ авторы, принявшіе участіе въ сборникѣ, словно сговорились ни словомъ не упоминать о событіяхъ современной жизни, а между тѣмъ жизнь нашего общества въ 1904-мъ и 1905-мъ году богата всевозможными событіями; война съ Японіей и всевозможныя рабочія и крестьянскія движенія могутъ дать массу сюжетовъ. Впрочемъ, говорятъ, что „нельзя управлять пѣснопѣвца душой“ и художнику нельзя заказывать сюжетовъ для его произведеній, но вѣдь всякій художникъ, а тѣмъ болѣе художникъ слова это эхо, дающее откликъ на всякій звукъ, приходящій извнѣ,—и вотъ такого-то отклика на современную намъ жизнь, мы не находимъ въ сборникѣ „Багаття“.

Почему это происходитъ, вслѣдствіе-ли простой случайности, или же потому что печатаніе сборника, вышедшаго въ апрѣлѣ 1905-го г., произошло со всякими членосѣченіями со стороны цензуры, особенно дѣятельно производящей свои хирургическія операціи надъ украинскими произведеніями,—мы этого не знаемъ.

И вотъ независимо отъ причинъ, вызвавшихъ такое, а не иное содержаніе сборника, читатель, избалованный чтеніемъ Левитскаго-Нечуя, П. Мырнаго, Ив. Франка, Коцюбинскаго, и т. д., по прочтеніи „Багаття“ чувствуетъ себя нѣсколько разочарованнымъ, несмотря даже и на то, что въ сборникѣ есть вещи такихъ авторовъ, какъ Модестъ Левицкій, Л. Яновская, П. Мырный, Ив. Франко, Чернявскій и Маковей.

И въ самомъ дѣлѣ вѣдь всѣ только что перечисленные нами писатели пріобрѣли литературную извѣстность задолго до 1905-го года, да и произведенія ихъ занимаютъ четверть сборника; преобладающее же мѣсто (по количеству) принадлежитъ писателямъ менѣе извѣстнымъ какъ-то: Петро Карамансъкый, Марія Максименкова, Воронькивсъкый, Сергій Павленко, В. Ткаченко, Грыцько Коваленко, Остапъ Луцькый, Романъ Гордынсъкый, Л. Гротъ, Наталка Полтавка, Ол. Олесь, С. Волохъ, Надія Кибальчичъ, Мыкола Вороный, О. Плющъ, Мыхайло Лозынсъкый, Гнатъ Хоткевичъ, Богданъ Лепкый, Марія Колцунякъ, Одарка Романова, Стефанъ Пятка, Евгенъ Мандычевский.

Что касается до названныхъ авторовъ, то при чтеніи произведеній большинства изъ нихъ невольно вспоминаются слова С. Ефремова: „существуетъ что-то неладное въ извѣстной части украинской литературы: какая-то растерянность, неясность стремленій и цѣлей и въ зависимости отъ этого—темнота содержанія, неудовлетворительность формы, неумѣнье справится съ задачами настоящаго момента.

Все это мы находимъ съ избыткомъ въ сборникѣ „Багаття“—пестрота и въ тоже время скудость сюжетовъ, превосходящая всѣ границы темнота содержанія и неудовлетворительность формы, происходящая вслѣдствіе большой претензіозности авторовъ съ малыми литературными силами.

Съ особенной яркостью выступаетъ авторское безсиліе въ слѣдующихъ произведеніяхъ: „Очи Медузы“ Одарки Романовой. „Въ долыни поклонныковъ Брамы“ Евгена Мандычевського, „Китайска яблунька“ Стефана Пятки, „Жытевы анальогіи“ Гната Хоткевыча. Послѣдній задался цѣлью объяснить читателю смыслъ міросданія,—по крайней мѣрѣ въ эпиграфѣ, взятомъ у Ницше, читаемъ: „У сни, въ останньому ранковому сни, стоявъ я сьогодня на гори по той бикъ свита зъ важныцею въ рукахъ и важывъ свитъ“. (Стр. 206). Читатель предупрежденный авторскимъ эпиграфомъ, приступаетъ къ чтенію съ нѣкотораго рода почтеніемъ и сразу попадаетъ въ звѣринецъ, куда ведетъ его прихотливый авторъ, потому что ему: „схотилося розвіятысь“. Въ звѣринцѣ читатель любуется вмѣстѣ съ авторомъ: львами, тиграми, волками, медвѣдями, обезьянами, попугаями и вообще всякимъ звѣрьемъ, ради котораго публика и ходитъ въ звѣринецъ, причемъ г-нъ Хотке-

вичъ, водя читателя по звѣринцу, подробно останавливается на мукахъ всѣхъ звѣрей, попавшихъ въ клѣтку, и затѣмъ, когда въ звѣринецъ приносятъ кормъ и раздается страшный ревъ и визгъ, авторъ покидаетъ звѣринецъ.

Дальше слѣдуетъ продолженіе, если только это можно назвать продолженіемъ; впрочемъ предоставимъ судить объ этомъ публикѣ, среди которой, быть можетъ, найдутся люди съ болѣе тонкимъ разумѣніемъ, чѣмъ мы.

Итакъ, обращаемся къ самому произведенію г-на Хоткевича. Вышелъ авторъ изъ звѣринца, полный горькихъ размышленій: „Та невже-жъ окримъ мукъ немае въ звирынци ничого? Невже тильки попугаямъ та обезьянамъ тутъ добре жыветься?“ и затѣмъ дальше читаемъ: „Велычный, чорный видбытымъ свитломъ, простягшыся на широкыхъ крылахъ своихъ, летивъ винъ надъ свитомъ и гострымъ якъ жало зоромъ дывывся унызъ. Поглядъ той пронызувавъ землю до дна, а видъ кожнаго змаху крылъ віявъ витеръ и свыстивъ помижъ кумыривъ и кумырень земли. Ахъ, якъ добре було бы вично, вично летиты такъ въ безконечностяхъ и вичностяхъ!... Але такъ недовго було та не могло буты довго. Скоро зморщылысь крыла, самъ винъ весь скулывся и упавъ дрибненькымъ, повнымъ страданія шматочкомъ, такымъ малымъ, що мигъ помистытысь въ одну сльозу—и загубывся середъ тупоту нигъ, подъ визкотиння блокивъ и полиспастивъ життя“. (Багаття стр. 213). Читатель, по волѣ автора только что посѣтившій циркъ, можетъ сколько угодно ломать голову, припоминая всякія метаморфозы, которымъ подвергаются нѣкоторыя особы изъ животнаго царства, но, увы, напрасно, сколько ни думай, а такъ и не придумаешь, о какомъ звѣрѣ ведетъ рѣчь авторъ.

Дальнѣйшее чтеніе произведенія г-на Хоткевича ничуть не способствуетъ уясненію приведеннаго ребуса, и бѣдный читатель окончательно запутывается въ цѣлой безднѣ чудовищныхъ по своей фантастичности образовъ. Тутъ есть и псы, разрывающіе могилы своими „лабами“, пожирающіе мертвецовъ, распутные танцы „навколо огнищъ, розкладенныхъ зъ мынулыхъ похыбокъ“, „жаглыва вакханалія торжества“, и „сирый аккордъ“, и среди всего этого люди слѣпые и безногіе „въ клубахъ дыму, въ тьмахъ страждань и непорозуминня блукають воны“, „якъ вси труслыви, повзають воны на колинахъ, йидять порохъ и гній, пидлещуются до кожного явыща и фигуры; пидло зъ обманомъ выхоплюють у прыроды тайну іи, а потимъ, хытро здобувшы, розмахують нею на выду у всихъ, спиваючы голосно про свій розумъ и миць. И вси воны за вищось ненавыдять одно одного, завищо-сь мстяться“.

Итакъ, по мнѣнію г. Хоткевича, міръ отъ начала своего существованія и до нашихъ дней не далъ ничего кромѣ заблужденій, жестокости и подлости. Объ этомъ мы съ нимъ спорить не будемъ,—вѣдь онъ „потусторонній“; но мы вправѣ ожидать, что онъ, „зважывшы свитъ“ въ его прошломъ и настоящемъ, поставитъ точку; но не тутъ-то было. Г-нъ Хоткевичъ, не довольствуясь этимъ, рисуетъ намъ картину будущаго. „Журливо впаде и прозвучыть остатня крапля, переварыться у каминь послидне зерно, остатній, пожовклый проминь сонця проныже слидамы свиту й тепла густый туманъ мракы—и застогнуть, забьються въ безсылости вси рукы и кисткы... Въ велыкій безвидходности потопне усе.—Бытымуть въ груды, зализомъ окутыи груды, малымы рукамы, кынеться истота на истоту зъ метальовымы мечамы и зубамы, стриламы й порохомъ, блыскавыцею звяжуться и переплетуться и, звывшыся въ одну кулю раздратованныхъ скорою смертію скоропіонивъ, зъ воплемъ нечуванымъ, зъ страшеннымы мукамы, въ корчахъ и слыни загынуто умруть вси воны... Вся наскризь просмердыть земля и на миліоны миліонивъ верстъ кыне въ просторонь свій сморидъ велыкый... Жахатымуться іи, мертвои, вси зиркы й планеты, колы вона хытро наблызыться до ныхъ. (Багаття стр. 228). Казалось бы уже довольно ужасовъ, но авторъ продолжаетъ: „И середъ величнои ночи викивъ все летитыме въ смороди земля, стогнучы видъ вагы трупивъ и молючы, щобъ хочъ по атому въ тысячелиття розвіюваты той... сморидъ... сморидъ... средъ ночи... велычнои ночи“.

Извиняемся передъ читателями за длинную выписку, но намъ очень хотѣлось дать публикѣ, быть можетъ, нечитавшей произведеній г-на Хоткевича, наглядный образецъ его творчества; дѣлается это нами съ тою цѣлью, чтобы нашъ отзывъ о произведеніи г-на Хоткевича не показался произвольнымъ.

Дѣло въ томъ, что намъ кажется, что „Жытевы аналогіи г. Хоткевича претендуютъ на высшій философскій смыслъ, но, не взирая на благія претензіи автора, для читателя очевидно его безсиліе справиться со взятымъ сюжетомъ; этимъ безсиліемъ объясняется отсутствіе всякой связи между второй и первой частью произведенія, чудовищность образовъ и вычурный, напыщенный языкъ, образцы котораго приведены нами.

Тою же печатью претенціозности и безсилія отличаются „Очи Медузы“ г-жи Романовой. Содержаніе слѣдующее: нѣкая особа въ чудную майскую ночь сидитъ у раскрытаго окна, выходящаго въ садъ, но не мечтаетъ, несмотря на подходящую обстановку: „Витрець усыпавъ іи волосся билорожевымы квитамы, та шепотивъ надъ ухомъ іи щось темне, невидоме, бажане и несподиване. Темноблакитна безодня

дывылася на неи зъ горы невсыпущымы золотымы очыма". (Стр. 235). Но несмотря ни на „витрець", ни на цвѣты, она не мечтаетъ, а размышляетъ, о чемъ бы вы думали? Объ „очахъ враженнои на смерть Медузы". Такія очи наша героиня увидѣла у одной своей знакомой и, судя по нимъ, рѣшила: „вона раптомъ почула въ ту мыть, що се душа жыва жиночa гыне, потопае въ безнадійному мори мукы", и вотъ эти-то очи не даютъ покою нашей героинѣ ни днемъ ни ночью. Изъ всего этого видно, что мы имѣемъ дѣло съ утонченной натурой: шутка сказать, увидѣть печальные глаза у совершенно посторонней женщины, прочитать въ нихъ бездну горя и отчаянія и въ результатѣ не спать по ночамъ. Г-жа Романова, раскрывъ передъ нами душу своей героини, заставляетъ ее съ авторской безжалостностью продѣлать нѣчто совсѣмъ несообразное, а именно: героиня, у которой „ни одно жыве створиння не пытае, чого ты не спышъ? про що думаешъ?"—соскучившись своимъ одиночествомъ, начинаетъ разговоръ съ весной: „О весно! згасы мои мукы! Дай мени твое безжурне чоло! Одъ тебе едынои чекаю видповиди на мои гостри пытання!" — Вона простягла рукы у садокъ, немовъ-бы комусь ревно молылася."

Затѣмъ героиня начинаетъ упрекать весну за ея равнодушіе къ людскому горю; но то, что послѣдуетъ дальше, можетъ испугать читателя, привыкшаго думать, что предметы неодушевленные, а тѣмъ болѣе абстрактные, реальную форму принимать не могутъ, но что невозможно для простого смертнаго, возможно для поэта, — и вотъ по волѣ г-жи Романовой": щось заворушылось, и вона почула тыхый, але ришучый жиночій голосъ: „Нерозумна людына! Не ты маешъ дорикаты мене. Летимо!" (стр. 237).

И „нерозумна людына", какою намъ сразу показалась героиня г-жи Романовой, полетѣла, наслаждаясь во время своего воздушного путешествія близостью звѣздъ, которыя," мовъ золоти квиты розцвиталыся, осыпалыся и зновъ розцвиталы нови, ще кращи. Хмаркы прыхыльно тулылысь до неи, и, наконецъ, слухъ ея былъ пораженъ чудной симфоніей, и когда знакомый ей голосъ спросилъ:, „чогожъ ты хочешъ?" — „Дослухаты до кинця сю чудову симфонію,"—отвѣтила она. Въ отвѣтъ на такое желаніе наша героиня услышала хохотъ и поясненіе, что эта дивная симфонія и есть откликъ человѣческой жизни съ ея страданіями, горемъ и неправдою. „Але що до мене," продолжалъ тотъ-же голосъ, „то ся симфонія, якъ ты кажешъ, мени цилкомъ подобаеться, и я хочу іи завжды слухаты, не вважаючы на те, що саме іи выклыкало. Мени вона подобаеться, чуешъ?—Мени,"—вразумляетъ голосъ (Багаття стр. 239),—и очи Медузы снова смотрятъ на нашу героиню, но не Медузы, „що хтось вразывъ на смерть: воны гостро и переможно впылыся въ неи, и вона зрозумила въ ту

мыть, що зъ сымы очыма жодне жыве створиння не здолае боротыся. Вона затремтила и наче каминь покотылася на землю.“ (стр. 239) Господи! что же съ нею будетъ, думаетъ сердобольный читатель, — вѣдь шутка сказать съ надзвѣздной высоты да полетѣть камнемъ на землю,—но г-жа Романова, спасибо ей, успокаиваетъ читателя на этотъ счетъ и рисуетъ слѣдующую мирную картину: „Въ саду тьохкавъ соловейко. Зъ черешень капалы діамантови дощови краплі. У видчыняне викно лынулы вохки весняни пахощи.

Вона видкрыла очи, та хотила заперты викно, але безъ сылы впала на лижко: сонъ склепывъ іи віи — сонъ веснянои ночи“ (стр. 239).

Ну, слава Богу, радуется читатель за героиню, — она у себя дома и легла спать. Но только, какъ же это она летѣла, падала и очутилась у своего окна?—вѣдь это возможно въ сказкѣ или во снѣ. Судя по серьезно торжественному тону автора, мы очевидно имѣемъ дѣло не со сказкой, а что касается сна, то вѣдь Г-жа Романова насъ увѣряла, что ея героиня подъ вліяніемъ размышленій о человѣческихъ страданіяхъ, очей свести не можетъ.

Всѣ эти недоразумѣнія, возникающія при чтеніи произведенія г-жи Романовой, происходятъ потому, что г-жа Романова взялась за непосильный для нея, хотя и не новый, сюжетъ — безсиліе и ничтожество человѣка передъ природой, сюжетъ, какъ мы сказали, не новый, но тѣмъ не менѣе довольно сложный для автора со слабыми литературными силами, какимъ, по нашему мнѣнію, является г-жа Романова. Единственное, что составляетъ достоинство г-жи Романовой—это языкъ легкій и безыскусственный, а также мягкость красокъ при описаніи природы.

Вообще же можно сказать, что всѣ призведенія, напечатанныя въ сборникѣ „Багаття“, претендующія на высокій смыслъ — наиболѣе неудачны. Читатель уже знаетъ, какими почтенными цѣлями задались г-нъ Хоткевичъ и г-жа Романова и что изъ этого вышло. Нѣсколько лучше справилась со своей задачей г-жа Кобылянская, пытающаяся въ своемъ произведеніи „Думы старого“ уяснить духовную связь между старыми и новыми поколѣніями. „Думы старого“ — это родъ завѣщанія родоначальника къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, въ которомъ „старый велетень“, называющій себя „библійнымъ“ и „первістнымъ“ обращается къ молодежи съ просьбою: „Пасма золотого не губить за собою, щобъ не згубылы слиду матери вашои и „батька, и дида, и прадида... и будучність ваша не розибеться. (Багаття стр. 1301) „Спивайте ти писни, що я ихъ дытыною спивавъ, що передавъ ихъ матери вашои, а вона передала ихъ вамъ, а колы доля роскыне буты

и тутъ и тамъ—по писняхъ тыхъ пизнаете себе, и виджыве и матиръ ваша, и дидъ, и прадидъ, и вси до насъ прыналежни... „(Стр. 129)

Соотвѣтственно содержанію, разсказъ написанъ въ дидактическомъ тонѣ и отличается нѣкоторою туманностью и расплывчатостью, происходящими, вѣроятно, оттого, что г-жа Кобылянская задалась цѣлью наглядно уяснить читателю спутанность старческой мысли; если наше предположеніе справедливо, то мы можемъ ее поздравить съ успѣхомъ—очень и очень зачастую неясно и, еслибы „старый“ не прибѣгалъ къ частымъ повтореніямъ одно и того же выраженія: „Дитоньки, вы на мене не вважаете, а я васъ, заедно бачу“, и не употреблялъ рискованныхъ сравненій „биль червоный, якъ кровъ“—то намъ кажется—„Думы“ его бы нисколько не пострадали: но какъ бы то ни было „Думы старого“,—лучшая вещь въ сборникѣ изъ числа произведеній, претендующихъ на глубину мысли.

Изъ числа же посредственныхъ авторовъ, не претендующихъ ни на глубину, ни на широту мысли, отмѣтимъ Стефана Пятку „Китайська яблунька“ и Евгена Мандычевського „Въ долыни поклонныкивъ Брамы“. Если г-нъ Хоткевичъ и г-жа Романова пишутъ съ цѣлью помочь читателю уяснить ту или другую сложную мысль, то уже совершенно непонятно, для чего собственно пишутъ г-нъ Пятка и г-нъ Мандычевськый. Первый разсказываетъ исторію китайской яблони, случайно выросшей въ сосновомъ лѣсу и попавшей затѣмъ, къ своему благополучію, въ оранжерею, какъ увѣряетъ авторъ, благодаря вѣрѣ „що, надія никого ще не ущербыла“. Второй же, т. е. г-нъ Мандычевскій, въ своей новеллѣ изъ индѣйской жизни разсказываетъ, какъ поклонники Брамы не нашли своего бога, причемъ, вѣроятно, для того чтобы читатели не сказали, что давно, это знаютъ изъ учебника Иловайскаго, г-нъ Мандычевскый разсказываетъ объ этомъ самомъ, поль зуясь правомъ поэта, совершенно иначе, хотя и не настолькопо этично, чтобы увлечь или развлечь своимъ разсказомъ читателя.

Вообще же относительно „Багаття“ приходится не только повторить мысль, высказанную уже нами, что здѣсь нѣтъ ни одного произведенія новаго по сюжету, но и старыхъ сюжетовъ такъ мало, что мы встрѣчаемъ по два произведенія на одну и ту же тему.

Г-нъ Хоткевичъ и Г-жа Романова пытаются уяснить читателю смыслъ всего существующаго. Г-жа Максименкова „Дви згадкы“ и Панасъ Мырный „Сумна спогадка“—оба берутъ сюжеты изъ крѣпостной эпохи, причемъ Мырный разсказываетъ свою „Спогадку“ съ присущимъ ему художественнымъ чутьемъ, а г-жа Максименкова, изображая тяжесть крѣпостного быта, слишкомъ сгущаетъ краски, изображая звѣрства помѣщиковъ и выставляя крестьянъ въ слишкомъ

идеальномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего ея „Згадкы“ оставляютъ въ душѣ читателя нѣкоторое недовѣріе. Вообще же недовольство читателя „Згадкамы“ Максименковой, быть можетъ, усиливается вслѣдствіе сопоставленія съ аналогичнымъ по сюжету произведеніемъ г-на Мырнаго: одинъ и тотъ же сюжетъ, разработанный первоклассным художникомъ слова, какимъ и является г-нъ Мырный въ украинской литературѣ, и посредственнымъ авторомъ, какъ г-жа Максименкова, можетъ служить только къ умаленію послѣдней въ глазахъ читателя.

Давно и хорошо извѣстно читателю положеніе интеллигентной женщины, вынужденной своимъ трудомъ зарабатывать кусокъ хлѣба, и г-жа Кибальчичъ—„Засуджени“ и г-нъ Волохъ „У шкальни“ не могутъ возбудить особаго интереса, первая, рисуя положеніе сельскихъ учительницъ, а второй—сидѣлицы въ винной лавкѣ, хотя оба эти разсказа и написаны недурно въ смыслѣ выполненія взятыхъ на себя авторами задачъ и вѣрности жизненной правдѣ и, если что и плохо, то только то, что правда эта давно извѣстна, и оба автора не даютъ ни одного новаго луча, дающаго возможность въ хорошо знакомыхъ фактахъ увидѣть что нибудь новое. Несравненно большій интересъ представляютъ „Записки недужои людыны“ г-на Плюща и „Сумне опованія“ г-на Коваленка.

Г-нъ Плющъ, едва ли не новичокъ въ украинской литературѣ, и если это наше предположеніе справедливо, то мы его можемъ поздравить съ весьма удачнымъ началомъ. Въ своемъ разсказѣ „Записки недужои людыны“ г-нъ Плющъ задался цѣлью показать читателю, какъ умираетъ масса нашей интеллигенціи, вышедшей изъ народа, почти не живши. — „А я вмру, ще не жывши,“ говоритъ 27—лѣтній авторъ „Запысокъ“, написанныхъ въ формѣ дневника, и продолжаетъ: „Адже я не жывъ, а скнивъ, боровся зъ жыттямъ, добуваючы соби його прыемность.“ (Багаття стр. 201). Вотъ эту то картину умиранія интеллигентнаго пролетарія и рисуетъ намъ авторъ, выясняя причины преждевременнаго умиранія человѣка, которому еще страстно хочется и учиться, и жить.

Сначала убогое и голодное дѣтство въ бѣдной крестьянской семьѣ, затѣмъ жизнь впроголодь при прохожденіи гимназическаго курса, затѣмъ та же жизнь въ студенческіе годы, при чемъ передъ глазами юноши все грознѣй и грознѣй растетъ дилемма: „Чы учытысь? Чы годуватысь? — отъ яки два пытання ставалы передо мною. Треба було и годуватысь и нибы то вчытысь, тобъ то учытысь абы якъ, за-для диплому, и се мене бильшъ за все дратувало, бо вчытысь справди такъ бажалось.“ (Стр. 192). На этой-то почвѣ постояннаго голоданія,

переутомленія и недовольства собою начала развиваться болѣзнь—нервное разстройство, едва не повлекшее за собою самоубійства.

Но молодость взяли свое, а авторъ „Записокъ“ влюбился въ молодую дѣвушку, прекрасную и тѣломъ, и душой; это его спасло на время отъ тоски, но, увы, не отъ нужды. Витося, такъ звали жену автора, хотя и не была пріучена къ труду, но все-таки горячо принялась за работу,—начала давать уроки и своей любовью и жизнерадостностью поддерживала мужа; но тутъ родился первый ребенокъ, и она должна была отказаться отъ уроковъ, что, разумѣется, и отразилось на скромномъ бюджетѣ молодыхъ супруговъ. Правда, къ этому же времени нашему герою удалось окончить курсъ, но онъ былъ всего лишь кандидатомъ на судебныя должности съ жалованьемъ 25 рублей въ мѣсяцъ, а семья тѣмъ временемъ увеличивалась.

Недостатокъ матеріальныхъ средствъ, казенная работа не по призванію, а ради куска хлѣба, сдѣлали то, что—по выраженію автора—„онъ руина въ 27 рокивъ.“ Выясненію причинъ преждевременнаго умиранія молодого работника посвящается первая часть разсказа, вторая же рисуетъ самое умираніе,—тутъ мы встрѣчаемъ страницы, полныя драматизма, содержащія описаніе психическаго состоянія человѣка, пораженнаго чахоткой; эти страницы поражаютъ читателя тонкостью своей психологіи.

Вообще, весь разсказъ производитъ грустное впечатлѣніе своей правдивостью и отсутствіемъ всякой сентиментальности, въ которую такъ легко впасть при подобнаго рода сюжетахъ, и его можно охарактеризовать слѣдующими словами: „Мало словъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная.“

Совершенно въ другомъ родѣ разсказъ г-на Коваленка „Сумне оповидання“, несмотря на грустное названіе, полный веселаго юмора, напоминающаго юморъ Чехова въ его небольшихъ разсказахъ.

Что же касается до стихотворной и весьма обильной части сборника, то въ ней замѣчается отсутствіе яркости и живости изображенія, и въ большинствѣ стихотворенія не возвышаются надъ уровнемъ посредственности.

Конечно, наше замѣчаніе не относится къ стихотвореніямъ: М. Чернявскаго, Ив. Франка, Борыса Грінченка.

Названные поэты, равнымъ образомъ какъ и беллетристы: П. Мырный, М. Левицкый, Л. Яновська и Днипрова Чайка, давшая цѣлый рядъ миніатюръ: „За душу“, „Собака“, „Таемныця“ и „Билый чортъ“—шедевръ этого рода произведеній,—всѣ они немного примиряютъ читателя съ сѣрымъ, однотоннымъ по своей посредственности содержаніемъ „Багаття“.

Вообще, по нашему мнѣнію, названный сборникъ ничуть не оправдываетъ своего названія, и „Багаття“, изданное въ Одессѣ, „никого не зогріе и никому не засяе“, такъ какъ уже чего-чего, а ни свѣту, ни тепла мы не видимъ ни въ изображеніи прошлаго—„Дви згадкы“ Максименковой, ни въ изображеніи настоящаго—г-на Волоха „У шкальни“, г-жи Кибальчичъ „Засуджени“, г-жи Романовой „Очи Медузы“, ни въ мрачныхъ предсказаніяхъ Хоткевича.

Л. Жигмайло.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

(Двадцать седьмой годъ)

на ежемѣсячное-литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Условія подписки:

	годъ	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
съ доставкой и перес.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
за границу:	14 р.	10. 50.	7 р.	3. 50.	1. р. 25

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. домъ Куманина. Отдѣленіе конторы. СПБ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

Редакторъ *В. М. Лавровъ.*

Редакторъ-издатель *В. А. Гольцевъ.*

Вышла Январьская книга журнала

„БЫЛОЕ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. *В. И. Семевскаго.* I—II. 2. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лѣтъ, отъ 1884—1904 г. Воспоминанія *М. Ю. Ашенбреннера.* 3. „Узница“, стих. (въ неизданной редакціи) *Я. Ц. Полонскаго.* 4. Дѣло М. И. Михайлова, 1861 г. (По неизданнымъ матеріаламъ *М. Лемке.* 5. Петръ Григорьевичъ Каховскій. Историко-Психологическій этюдъ *П. Д. Щеголева.* I. 6. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому 7. Сѣверно-Русскій рабочій союзъ. Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. *В. Л. Бурцева.* 8. Засѣданіе Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 года. Изъ дневника одного государственнаго дѣятеля. 9. Народное движеніе въ Петербургѣ 9 января 1905 года. *Л. Я. Гуревичъ.* 10. За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго? Сообщ. Мі К. Лемке (Письмо А. И. Герцена къ Н. А. Серво-Соловьевичу). 11. Процегсъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. 12. Воззваніе группы русскихъ конституціоналистовъ 1883 года. 13. Историческая библіографія.

Къ книгѣ приложены портреты М. Ю. Ашенбреннера. П. К. Каховскаго) Н. Е. Суханова, Л. А. Волкенштейнъ и рисунокъ, изображающій закованіе въ въ кандалы М. И. Михайлова.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Издаваться онъ будетъ по слѣдующей программѣ:

2) Статьи и изслѣдованіи по исторіи освободительнаго движенія Россіи.

2) Біотрафіи дѣятелей движенія, воспоминаній о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

4) Отдѣльные фркты и эпизоды изъ исторіи движенія.

5) Историческая библіографія

6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія.)

Въ Журналѣ будутъ помѣщаться портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные епизоды изъ исторіи движенія.

Въ Журналѣ принимаютъ участіе: М. А. Антоновичъ; кн. А. И. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ: И. П. Бѣлоконскіе; Л. Василевскій; (Плохоцкой), С. А. Венгеровъ; Н. А. Виташевскій; В. В. Водовозовъ; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ Д. А. Клсменцъ; А. А. Корниловъ; В. Ф. Костюринъ; кн. П. А. Кранотинъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; В. П. Махновецъ; (Акимовъ); П. Н. Милюковъ; Н. А. Морозовъ; Д. Н. Овся-

нико-Куликовскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Э. К. Пекарскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; М. Р.Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. С. Пругавинъ; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле, А. В. Иырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; Н. В. Чайковскій; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховскій; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; В. М. Хижниковъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Кромѣ окончанія статей *В. И. Семевскаго* и *П. Е. Щеголева*, въ ближайшихъ книжкахъ „Былаго“ будутъ помѣщены: *А. И. Герценъ*—Неизданнтя статья (съ разрѣшенія А. А. Герцена); *Н. П. Павловъ—Сильванскій*—П. И. Пестель (по подлинному дѣлу и др. источникамъ); *П. Е. Щеголевъ*,—Семенъ Олейничукъ (умершій въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая I) и Агитаціонная литература декабристовъ; *М. К. Лемке*—Процессы Д. И. Писарева Н. Г. Чернышевскаго и Н. А. Серно-Соловьевича (по подлиннымъ дѣламъ); *М. Ф. Фроленко*—Изъ воспоминаній (объ Алексѣевскомъ равелинѣ); *М. Ю. Ашенбреннеръ*—Изъ воспоминаній; (о военно-революціонной организаціи); *М. Р. Поповъ*—Изъ воспоминаній (о послѣднихъ дняхъ И. Н. Мышкина, разстрѣлянnаго въ Шлиссельбургѣ); *С. А. Ивановъ*—Изъ воспоининаній; *Н. А. Морозовъ*—Изъ воспоминаній; *А. П. Прибылева-Корба*—Изъ воспоминаній; *И. И. Майковъ*—Изъ воспоминаній *В. Л. Бурцевъ*—Изъ воспоминаній. Обвинительные акты и отчеты о политическмхъ процъссахъ, не бывшихъ въ печати; Записка М. В. Петрашевскаго „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ имѣній“ (изъ-за которой начавось дѣло „Петрашевцевъ“. Съ подлинника):—Уставъ Братства Кирилла и Меѳодія и прокламаціи Братства „къ братьямъ-украинцамъ“ и „братьямъ великороссіянамъ и полякамъ“ 1847 года (съ подлинниковъ),—и проч.

Въ распоряженіи Редакціи находится архивъ П. Л. Лаврова (между прочимъ много писемъ къ нему И. С. Тургенева, Н. А. Бѣлинскаго, С. Г. Ширяева, Льва Гартмана и др.).

Будутъ помѣщены портреты П. И. Пестеля, М. В. Петрашевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, Д. В. Каракозова, П. Г. Зайчневскаго, П. И. Войнаральскаго, рабочихъ Петра Алексѣева и Тимофея Михайлова, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовскова, Г. М. Гельфанъ, А. Д. Михайлова, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнеръ и др., рисунокъ Вилюйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской каторги и пр.

Журналъ выходитъ, начиная съ января 1906 гвда, ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб.; на ½—4 руб.; на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасссій *переулокъ*, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 ч. дня.

Отдѣльныя книжки журнала продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская *улица*, д, 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакторы: { В. Я. Богучарскій. / П. Е. Щеголевъ. }

Издатель Н. П. Парамоновъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1906** ГОДЪ

На новое иллюстрированное, популярно-научное и справочное изданіе

Политическая Энциклопедія

въ трехъ большихъ томахъ, по 40 лист. въ каждомъ, въ два столбца убористой но четкой печати цѣною, по предварительной подпискѣ, **въ 7 рублей** съ пересылкою.

Изданіе выходитъ подъ редакціею Л. З. Слонимскаго, при участіи: З. Д. Авалова, К. К. Арсеньева, Н. А. Бердяева, О. Е. Бужанскаго, В. В. Водовозова, В. В., прив.-доц. М. Б. Горенберга, проф. А. М. Добровольскаго, проф. кн. С. А. Друцкого, А. А. Кауфмана, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. Ѳ. Кони, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, Н. И. Лазаревскаго, проф. А. А. Мануйлова, П. Г. Мижуева, проф. П. Н. Милюкова, М. Н. Нижегородцева, проф. барона Б. Э. Нольде, С. Н. Прокоповича, Ст. Радича, (Загребъ), С. И. Рапопорта (Лондонъ), Н. В. Рейнгардта, Д. И. Рихтера, Ѳ. И. Ртдичева, В. В. Святловскаго, П. Б. Струве, проф. кн. Евг. Трубецкого, П. А. Тверского (Америка), М. И. Фридмана Л. К. Чермака, Ѳ. А. Щербины и другихъ спеціалистовъ, литераторовъ и ученыхъ.

Задачи изданія — служить руководствомъ и настольною справочною книгою по всѣмъ государственнымъ, общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, не только для лицъ, спеціально интересующихся различными отраслями общественной жизни и дѣятельности въ Россіи и за границей, но и для болѣе обширнаго круга образованной публики вообще.

Въ изданіе войдутъ, въ алфавитномъ словарномъ порядкѣ, самостоятельныя статьи, фактическія свѣдѣнія, важнѣйшія оффиціальныя документы и тексты, необходимыя статистическія данныя и всякаго рода разъясненія и указанія по слѣдующимъ главнымъ отдѣламъ: политическое состояніе разныхъ государствъ и народно-хозяйственное положеніе отдѣльныхъ областей и губерній Россіи; государственное устройство всѣхъ современныхъ народовъ; системы управленія и самоуправленія; парламенты и мѣстные сеймы; парламентская техника и практика; политическія партіи и ихъ программы; печать и журналистика; вопросы національной, племенной и провинціальной автономіи, въ примѣненіи къ русскимъ условіямъ; рабочее движеніе и рабочій вопросъ, фабричное законодательство; экономическое, промышленные, народно-хозяйственные, финансовые и бюджетные вопросы, съ точки зрѣнія русскихъ народныхъ интересовъ; желѣзнодорожное хозяйство и желѣзнодорожная политика; аграрное движеніе и аграрный вопросъ; положеніе крестьянъ въ Россіи и за границей; союзы, синдикаты и кооперації, соціолизмъ и соціальныя проблемы: вопросъ о равноправіи женщинъ; біографіи выдающихся современныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей; главные международные трактаты, конвенціи и т. п.

Географическія карты и картограммы изготовляются спеціально для „Политической Энциклопедіи“ подъ наблюденіемъ и руководствомъ В. П. Семенова.

„Политическая Энциклопедія“, по своему содержанію, будетъ служить необходимымъ дополненіемъ къ существующимъ общимъ энциклопедическимъ словарямъ, какъ русскимъ, такъ и иностранныхъ.

„Политическая Энциклопедія“ будетъ выходить въ теченіи 1906 года отдѣльными выпусками по 10 листовъ въ каждомъ; всего будетъ двѣнадцать выпусковъ (около 2000 страницъ), съ иллюстраціями, картами, картограммами и портретами.

Цѣна съ пересылкою, по предварительной подпискѣ и при минимальномъ задаткѣ въ одинъ рубль,—7 рублей, а въ прочныхъ, полукожаныхъ переплетахъ за три тома—10 рублей. Допускается разсрочка, съ уплатою по одному рублю въ мѣсяцъ, начиная со дня внесенія задатка.

Послѣ выхода перваго выпуска подписная цѣна будетъ повышена до 9 руб. безъ переплета и до 12 руб. въ переплетахъ.

Всѣ заказы, запросы, заявленія и подписныя деньги направляются по адресу;

Въ главную контору „Политической Энциклопедіи“, Спб., Невскій пр., 88,

---

Товариші Українці!

І сїчня (января) нового року

має вийти у Петербурзі

ПОЛІТИЧНО-ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ МІСЯЧНИК:

„Вільна Україна“.

Завданнє часописі: допомогти українському сельскому та міському пролетаріятові зрозуміти своє клясове становисько, допомогти йому стати на певний шлях клясової боротьби з‘ утисками власників капіталу та землі; розбудити думкі про соціялістичний ідеал людського житте, повести до соціялізму.

Аби перевести до життя се завданнє **„Вільна Україна„** мусить лічитись з‘ національними рисами українського пролетаріяту: клясова свідомість його може бути осягнена найшвидче, найліпше шляхом розвою на підставах національних та економичних окремостей України.

Взглядно сього „Вільна Україна“ використує по змозі всі слушні фактори, що можуть сприяти поступу клясової свідомости на Україні.

Редакцийне товариство прохає спочуваючих товаришів досилати статї, кореспонденциї з селянського та міського життя.

Передплата з‘ пересилкою на рік: у Росиї— 3 карбованці; ½ року 1 кар. 80 к.; в‘ інши держави на рік 5 кар.

Передплатні гроші прохаємс досилати на адресу: Невський, 139, помешканнє 60, **А. Я. Шабленко**. Редакція там же.

Редактор-видавець *А. Я. Шабленко.* Редактор *І. Д. Личко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1906** годъ

на политическую, общественную, литературную и экономическую газету

„ПОЛТАВЩИНА"

Газета **„Полтавщина"**, съ переходомъ къ новому издателю, выходитъ при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Будаговскій, Н. В. Бѣльскій, Н. А. Виташевскій, В. И. Василенко, В. Я. Головня, Е. Н. Гулькевичъ, А. А. Зиновьевъ, Я. К. Имшенецкій, В. Г. Короленко, Л. Г. Круповецкій, И. В. Лещенко, К. К. Лисовская, А. Н. Лисовскій, А. С. Ладонко, Л. Г. Левенталь, В. И. Маноцковъ (Другъ), И. Н. Присецкій, М. В. Рклицкій, Г. Г. Ротмистровъ, А. И. Смагинъ, Е. И. Сіяльскій, Ю. Ю. Соколовскій, С. Г. Семенченко, М. И. Сосновскій, Г. Е. Старицкій, В. Ф. Скальдъ, В. В. Тихоновичъ, М. И. Туганъ-Барановскій, С. К. Шарый, Д. О. Ярошевичъ, Л. Н. Яснопольскій.

Вслѣдствіе принятыхъ всѣми типографіями требованій рабочихъ о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ, газета „ПОЛТАВЩИНА" по понедѣльникамъ и послѣпраздничнымъ днямъ ВЫХОДИТЬ НЕ БУДЕТЪ.

Пріемъ подписки и объявленій производится въ главной конторѣ въ г. Полтавѣ, Мало-Петровская, д. Кандыбы, въ отдѣленіи въ г. Кременчугѣ, Городовая, уголъ Мѣщанской, кварт. д-ра Лихтенштейна, противъ аудиторіи, ходъ съ Городовой. Газета **„Потлавщина"** продается во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ полтавской губ., а равно во всѣхъ книжныхъ шкафахъ Х.-Н. и К.-П. жел. дорогъ.

Въ силу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, **„Полтавщина"** *можетъ быть выписываема въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.*

Условія подписки: на 12 мѣс. **6** р., на 11 м. **5** р. **70** к., на 10 м. **5** р. **40** к., на 9 м. **5** р., на 8 м. **4** р. **60** к., на 7 м. **4** р. **20** к., на 6 м. **3** р. **70** к., на 5 м. **3** р. **20** к., на 4 м. **2** р. **60** к., на 3 м. **2** р. на 2 м. **1** р. **35** к., на 1 м. **70** к. Разсрочка подписной платы: для годовыхъ подписчиковъ: 1 января, 1 апрѣля и 1 іюля по 2 рубля.

Изданія годъ III.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1906** ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ.

Въ 1906 г. „Елисаветградскія Новости" будутъ выходить въ увеличенномъ форматѣ по образцу столичныхъ изданій.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное ближайшее участіе:

Князь В. В. Барятинскій, Маркъ Волоховъ, Вертеръ, Л. Григоровъ, Гарке, Голосъ (псевдонимъ), В. В. Деменитру (Иренъ), В. Т. Жукъ, Зео, А. С. Изгоевъ, З. П. Карево, Кравченко, В. С. Лапидусъ (Lapis), Е. Н. Любичъ, Н. В. Левитскій, Н. Ѳ. Марковъ, С. В. Мірской, Молчаливый, Nemo (псевдонимъ), Г. С. Орловъ, Ю. Е. Писарева, В. Т. Пономаревъ, Михаилъ Павловичъ, И. Б. Тенеромо, В. фонъ-Мореншильдтъ, Шейхъ-Гассанъ (псев.), Я. К. Яковлевъ.

Кромѣ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ, будутъ печататься также телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства".

Иллюстрированныя приложенія будутъ выходить по мѣрѣ надобности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Елисаветградѣ.		Для иногородныхъ.	
На годъ	7 р. 20 к.	На годъ	8 р. — к.
„ ½ года . . .	4 р. — к.	„ ½ года . . .	4 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца. . .	2 р. 10 к.	„ 3 мѣсяца. . .	2 р. 50 к.
„ 1 „ . . .	— р. 70 к.	„ 1 „ . . .	— р. 85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ 3 срока:

1) Въ Елисаветградѣ: при подпискѣ 3 р. 20 к., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 р.

Для иногородныхъ: при подпискѣ 4 р., 1-го апрѣля 2 руб. и 1-го августа 2 руб.

За пересылку за-границу доплачивается 1 р. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ и во всѣхъ ея отдѣленіяхъ Главная контора и Редакція въ Елисаветградѣ.

Съ 19-го февраля 1906 года начнетъ выходить въ С.-Петербургѣ ежедневная политическая, экономическая и общественная газета

„СТРАНА".

Раздѣляя многіе взгляды партіи демократическихъ реформъ, но не служа ея органомъ, „СТРАНА" будетъ относиться сочувственно ко всѣмъ партіямъ, имѣющимъ въ виду переустройство современнаго политическаго уклада на началахъ личной свободы, областного самоуправленія и широкаго участія народа въ законодательствѣ и контролѣ за внѣшней и внутренней политикой Россіи.

Своей задачей газета признаетъ содѣйствіе установленію въ нашемъ отечествѣ прочнаго демократическаго порядка путемъ рѣшенія неотложныхъ вопросовъ, каковы прежде всего земельный и рабочій.

Она видитъ въ распространеніи образованія въ массахъ и въ подъемѣ ихъ матеріальнаго уровня, важнѣйшее условіе для того, чтобы представительная монархія, основанная на всеобщемъ голосованіи, могла обезпечить мирное развитіе нашей странѣ.

Редакторы: **Максимъ Ковалевскій. Проф. И. И Иванюковъ.** Издатель: **А. Н. Александровскій.**

Девятнадцатаго февраля выйдетъ номеръ газеты, посвященный оцѣнкѣ главныхъ теченій русской мысли и жизни послѣ этого историческаго дня.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой въ Спб. и Россіи: На годъ—12 р., 11 м.—11 р., 10 м.—10 р., 9 м.—9 р., 8 м—8 р., 7 м.—7 р., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р. 20 к., 1 м.—1 р. 10 к.,

За границу: На годъ—24 р., 11 м.—22 р., 10 м.—20 р., 9 м.—18 р., 8 м.—16 р., 7 м.—14 р., 6 м.—12 р., 5 м.—10 р., 4 м.—8 р., 3 м.—6 р., 2 м.—4 р., 1 м.—2 р.,

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ: на годъ—8 р., 10 м.—7 р., 6 м.—4 р., 3 м.—2 р. 25 к., 2 м.—1 р. 50 к. и 1 м.—80 к.

Адресъ редакціи: Невскій 92.

Подписка принимается въ Главной конторѣ газеты „СТРАНА". Спб., Невскій 65, ежедневно отъ 10 до 5 час. дня.

Громадська Думка

щоденна політична, економічна і літературна газета, виходить в Київі з 1-го січня (января) року 1906.

ГРОМАДСЬКА ДУМКА дає щоденний огляд життя політичного, громадського, економічного і літературного на Україні, в Россіі й по чужих землях; звістки про всякі світові події, цікаві нашим людям; поезіі та оповідання, наукові фельетони і т. и.

В ГРОМАДСЬКІЙ ДУМЦІ досі згодились писати: проф. Антонович В., Балабуха С., Бондаренко Ів., Боржковський В., Василенко М., Верзилов А., Винниченко Вол., Волох С., Вороний М., Ганейзер Е., Гнатюк В., Грінченко Б., Грінченко М. (Загірня) Григоренко Гр., проф. М. Грушевський, Грушевський Ол., Дмитрієв М., Дніпрова Чайка, Доманицький В., Дорошенко В., Дорошенко Д., Єфремов С., Жебуньов Л., Житецький П., Квасницький Є., Квітка К., Коваленко Гр., Козловський В., Комаров М., Комарова Г., Конощенко А., пр.-доц. Корчак-Чепурковський А., Коцюбинський М., Кошовий В., проф. Кримський А., Левіцький М., Леонтович В., Липа Ів., Липковський С., Лисенко М., Лісовський Ол., Лозинський М., Лотоцький Ол., Маковей О., Маркович Д., Матушевський Ф., Мирний П., Мировець В., Науменко В., Падалка Л., проф. Перетц В., проф. Погодин А., Русова С., Русов О., Самійленко В. (Сивенький), Славінський М., Сластьон О., Смуток П. Сього чний Гр., Степаненко В., Тимченко Є., Туган-Барановський М., Франко Ів., Чернявський М., Чикаленко Є., Шраг І., Ярошевський Б. Яновська Л. та инші.

Ціна газети **Громадська Думка** на рік **4** карб., на пів року **2** карб., на 3 місяці **1** карб., на 1 місяць **50** коп. з пересилкою. За кордон на рік **9** карб., на пів року **4** карб. **50** коп.

Громадська Думка виходить що-дня, окрім понеділків та після свят. Адреса редакції **Громадської Думки** — у Київі, Михайлівська у., ч. 10.

Видає і за редакцію відповідає *Володимир Леонтович.*

НОВА ГРОМАДА

літературно-науковий місячник, виходить з січня року 1906.

НОВА ГРОМАДА міститиме твори красного письменства (поезіі, оповидання, повісти, драматичні твори), наукові й публіцистичні статі, огляди політичного і громадського життя на Україні й по-за ii межами і т. и.

НОВА ГРОМАДА має тих самих співробітників, що і Громадська Думка; виходить що-місяця книжками по 10 аркушів друку.

Ціна з пересилкою на рік **6** карб., за кордон — **8** карб. **50** коп., окрема книжка коштує **75** коп.

Адреса редакції НОВА ГРОМАДА — в Київі, Михайлівська ул., ч. 10.

Видає і за редакцію відповідає *Володимир Леонтович.*

Передплачувати ГРОМАДСЬКУ ДУМКУ і НОВУ ГРОМАДУ, окрім контори (Міхайловська, 10), можна ще по сих місцях:

У Київі 1) в книгарні „Кіевской Старины", Безаківська ул., ч. 14.
2) у д. Компанійця, Хрещатик, ч. 54.

У Ніжині в книгарні п-ні Чекмарьової.

У Львові (Галичина) в книгарні Наукового товариства ім. Шевченка, ул. Театральна, ч. 1.